А. А. фон ЛАМПЕ
Генерального штаба Генерал-Майор

ПУТИ ВЕРНЫХ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1960

А. А. фон ЛАМПЕ
Генерального штаба Генерал-Майор

ПУТИ ВЕРНЫХ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПАРИЖ
1960

Моей жене и памяти

нашей Жени.

СОДЕРЖАНИЕ

Изображение «Нестора Летописца» помещенное на обложке и на титульном листе сборника сделано было в 1927 году в Берлине русской девушкой-беженкой, для сборников «Белое Дело».

С искренней благодарностью вспоминая художницу, имя ее из осторожности не приводится, так как местопребывание ее неизвестно.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главную массу моих статей я написал в 1917-1919 г.г., когда сначала редактировал в г. Харькове газету «Возрождение», а потом (с 1918 года) по указанию генерала Алексеева стал одним из редакторов газеты «Россия» (потом «Великая Россия») в г. Екатеринодаре. К сожалению для меня, из этих статей у меня не сохранилось ничего, так как мой переезд из г. Харькова в г. Екатеринодар, а потом — из Екатеринодара в Одессу — совершался в обстановке неблагоприятной для того, чтобы сохранить накопленные мною газетные вырезки с моими статьями. Тем менее мог я это сделать в начале 1920 года, когда командующим войсками Новороссии был командирован в распоряжение Военного Представителя Главнокомандующего в Константинополе. Поэтому в предлагаемом сборнике я смог поместить только некоторые мои статьи, написанные в эмиграции, без редакционной последовательности.

Сначала я предполагал, просмотрев все статьи, намеченные мною к помещению в сборнике, дополнить и, посильно, исправить их, но потом пришел к заключению, что будет правильнее оставить их в том виде, в каком они попали в печать и только у каждой сохранить пометку, в котором году и в каком издании каждая статья была напечатана.

Сборник назван мною «Пути Верных» — это название одной из статей, в печать НЕ попавшей. Ее судьба была настолько своеобразна, что в кратких словах я хотел бы это изложить моим будущим читателям.

В 1938 году, в Берлине, русско-немецкая организация «Руссише Брудерхильфе», желая дать новой русской эмиграции и немцам возможность ознакомиться с борьбой Белых в 1917-1920 г.г. в России, которая даже в среде эмиграции, вследствие того, что многочисленные описания борьбы уже стали исчезать с книжного рынка и самая память о борьбѣ начала «поростать травой забвения», предложила мне, пользуясь тогда еще сохранившимися у меня печатными источниками, написать историю этой борьбы. При этом сравнительно небольшие материальные средства, бывшие в распоряжении «Брудерхильфе», давали возможность издания только небольшой брошюры и притом сначала только на немецком языке.

Так или иначе я принятую на себя задачу выполнил. Опытным переводчиком моя работа была переведена на немецкий язык и сдана мною «заказчику», который работу принял и оплатил ее.

Но, как это всегда бывает, издание несколько затянулось, а потом разразилась Вторая Мировая война. Издательству было не до борьбы русских белых в России и оно, видя, что вопрос издания от-

кладывается надолго, вернуло, вернее подарило мне, мою работу, что было почти что понятно, так как право печатания этой работы на русском языке оставалось за мною.

Когда в Германии зародилась «Русская Освободительная Армия» (РОА), то, познакомившись ближе с ее командующим, генералом А. А. Власовым, я увидел, что и сам генерал, и его соратники не точно осведомлены о подробностях борьбы белых, идейными преемниками которых они себя считали и задачу которых хотели продолжать. Поэтому я решил на этот раз уже сам подарить генералу Власову так неожиданно вернувшийся ко мне мой труд, и поручил одному из моих ближайших сотрудников генералу Б., работавшему в своем бюро по переписке — переписать его в размножить в количестве 400 экземпляров.

Но общая обстановка в Германии не дала ему возможности довести до конца это начинание. Под давлением ежедневных налетов противника на Берлин ген. Б. покинул город и впоследствии приезжал туда только для лечения своей болезни. В один из таких приездов он слег окончательно и при занятии города Красной армией попал в руки большевиков. Погибло и все его имущество и в том числе, конечно, начатая им переписка моей работы и предпоследний русский ее экземпляр.

Но еще до этого, в ноябре 1943 года от зажигательной бомбы погибло все мое имущество.

Последний русский экземпляр остался в моем сейфе в Берлине. Когда военная буря утихла, я запросил из Парижа банк о судьбе моего сейфа. Банк, который находился в это время в американской зоне оккупации, ответил мне, что все сейфы стали добычей противника или, вернее, были разграблены в первые же дни занятия Берлина, когда город не был еще поделен на зоны оккупации, красными.

Таким образом, русского экземпляра моей работы не было. Оставалась очень небольшая надежда на немецкий экземпляр, который по отрывочным, полученным мною, сведениям, в пакете принадлежавших мне книг бродил где-то по Германии. Рассчитывать на спасение этого небольшого пакета книг не приходилось! Слишком много и многое погибло тогда в стране.

И все-таки он был спасен! Как? В сущности говоря я и сам этого до сих пор точно не знаю, но в 1947 году я получил известие, что в Швейцарии, в Цюрихе, у настоятеля православной русской церкви (ныне покойного) имеется какой-то пакет, повидимому принадлежащий мне. Меня это, конечно, заинтересовало. Нашлись друзья, которые помогли мне получить так долго бродивший пакет. В нем оказались две дорогие для меня книги и несколько рукописей, а между последними немецкий экземпляр той работы, которая теперь должна, наконец, увидеть свет. Но мне самому пришлось теперь переводить с немецкого языка на русский мою же собственную работу, написанную мною, конечно, по-русски!

Долгое время моя статья оставалась у меня. Время от времени небольшие части ее печатались в русских изданиях воинских объединений, которым я, конечно, давал эти отрывки безвозмездно. В нача-

ле 1959 года русская организация в Нью-Иорке, наметившая издание сборника «Правда о России», для американцев на английском языке, просила меня дать что-либо для пополнения намеченного сборника; я передал в ее распоряжение, также безвозмездно, мою работу целиком, сохранив опять за собою право издания ее на русском языке.

И вот теперь, после стольких лет, намечается издание сборника моих статей, и моя статья «Пути Верных», наконец, будет напечатана на русском языке, не будучи пока еще напечатана ни в немецком, ни в английском ее переводе.

То обстоятельство, что теперь еще больше, чем в 1939 году, издания, в свое время появившиеся в эмиграции и посвященные Белой борьбе, либо разошлись, либо, оставшись у антикваров, стоят непомерно дорого, привело меня к решению издать мою работу, несмотря на все ее недостатки, ее краткость и даже на возможные ошибки, так как общую схему борьбы белых, стремившихся освободить Родину от красной власти — моя работа дать читателю может, являясь как бы конспектом тех событий, которые я в ней описываю.

В заключение несколько слов о самом сборнике моих статей:

Я давно верю в старую пословицу: «друзья наших друзей — наши друзья». Это совершенно неожиданно оправдалось именно на моей работе, столько бродившей по белу свету! Издание предлагаемого читателям сборника могло состояться исключительно благодаря великодушной материальной поддержке г-жи Шарлотты Барейсс (Цюрих), вернаго друга моего старого друга профессора Ивана Александровича Ильина (скончался 21-го декабря 1954 г. в Цюрихе), сборник статей которого «Наши Задачи» увидел свет в 1956 году, также благодаря широкой помощи г-жи Барейсс. Я пользуюсь случаем засвидетельствовать это и принести г-же Барейсс мою искреннюю и сердечную признательность за оказанное мне содействие!

А. фон-Лампе.

Париж, январь 1960 г.

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ

ПРИКАЗ

РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 3.

г. Париж. 27 января 1957 года.

I.

Объявляю для сведения приказ генерала Архангельского от 25-го января с. г.

«I. Мой возраст и продолжающееся мое недомогание не дают мне более возможности отдавать так, как это следовало бы, все мои силы исполнению обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза.

В виду этого я считаю себя не только не в праве возвращаться к исполнению этих обязанностей, но и обязанным теперь же сдать свою должность своему преемнику.

За годы исполнения мною обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза, которые я, повинуясь, по долгу службы, приказу моего предшественника, взял на себя 23 марта 1938 года, произошло много мировых событий и чинам Русского Обще-Воинского Союза пришлось пройти тяжкий путь и сам Союз несколько раз находился в трудном положении.

Но верность долгу и заветам наших Вождей — чинов Русского Обще-Воинского Союза и их постоянная мне моральная поддержка помогли преодолеть все эти трудности и Русский Обще-Воинский Союз благополучно их пережил и сохранил свою спайку, единство и верность Белой Идее.

Хорошо понимая все значение этой моральной поддержки и верности долгу чинов Русского Обще-Воинского Союза, дававших силы для выполнения нашего долга перед Родиной и Союзом, приношу искреннюю сердечную благодарность моим непосредственным помощникам, Начальникам Отделов Союза и лицам равным им по положению, начальникам воинских групп, председателям воинских организаций и всех подразделений Союза, общей работой коих живет Союз, и всем чинам его, состоящим, несмотря на все трудности нашего бытия, в его рядах.

Вечная слава живым, вечная память ушедшим в иной Мир.

II. Назначаю Начальником Русского Обще-Воинского Союза моего Первого Помощника и Заместителя Генерального Штаба Генерал-Маиора Алексея Александровича Лампе.

Горячо желаю ему успеха в трудном деле руководства Союзом, дабы довести Русский Обще-Воинский Союз до Родной Земли.

Призываю всех чинов Союза помогать генералу Лампе во всех проявлениях жизни Союза искренне и усердно — так, как они это делали в отношении меня.

Прошу дорогого и глубокоуважаемого Алексея Александровича принять мою искреннюю и сердечную благодарность за ту работу, которую он выполнял по должности моего первого помощника и заместителя и особенно за время исполнения им, вследствие моей болезни, обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза. За это время Генерал-Майор Лампе сделал много для Русского Обще-Воинского Союза.

III. Сдавая ныне должность, я шлю горячие пожелания всем чинам Русского Обще-Воинского Союза, — который всегда останется для меня родным и близким, — всякого благополучия, жизненных успехов, сохранения и впредь своей спайки и единства, верности долгу и заветам наших Вождей, дабы исполнить свой долг до конца и, приняв участие в освобождении и в возрождении нашей Великой, Исторической России во всей Ее былой славе и мощи, продолжить затем Ей служение на Родной Земле.

Да здравствует наш родной Русский Обще-Воинский Союз — законный Наследник и Преемник Российских Императорской и Белых Армий и все чины его.

Генерал-Лейтенант **Архангельский.**

Брюссель, 25-го января 1957 г.».

II.

Исполняя волю Начальника Русского Обще-Воинского Союза генерала Архангельского, законного преемника Генералов Врангеля, Кутепова и Миллера, я, по долгу службы, сего числа принял на себя должность Начальника Русского Обще-Воинского Союза.

Состоя в рядах Союза со дня его основания генералом Врангелем, я с волнением вступаю в должность Начальника Союза и хорошо понимаю, что в обстановке переживаемого нами времени я могу надеяться на успешное выполнение возложенной на меня генералом Архангельским задачи только при содействии всех чинов Союза и потому, — приветствуя их, — этого содействия мне, во имя целостности нашего Союза — от них ожидаю.

III.

Зачисляется почетным членом Русского Обще-Воинского Союза генерал-лейтенант Архангельский, несший тяжкие обязанности начальника Русского Обще-Воинского Союза в течение почти девятнадцати лет. За этот громадный промежуток времени наш Союз пережил не мало тяжелых испытаний, из которых выходил, конечно, только благодаря руководству нашего начальника Союза.

Да закрепит зачисление генерала Архангельского почетным членом Союза ту связь, которая, конечно, всегда будет прочной и желанной и для него, и для всех нас.

IV.

Назначается: Возглавляющий Объединение частей и групп 1-го армейского корпуса и председатель Общества Галлиполийцев генерал-маиор Харжевский (Владимир Григорьевич) — моим первым помощником по должности Начальника Русского Обще-Воинского Союза, с оставлением его в занимаемых должностях.

Начальник Русского Обще-Воинского Союза
Генерального Штаба
Генерал-Майор **Лампе.**

ПРИКАЗ

РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 7.

г. Париж. 15-го ноября 1957 года.

I.

Сорок лет тому назад, после государственного переворота, совершившагося в феврале 1917 г., при неумении Временного Правительства установить твердую власть в стране, ведущей войну с грозным противником, Россия шла к неизбежному развалу, который и стал совершившимся фактом к 7-му ноября, когда власть перешла в руки коммунистов-большевиков, захвативших великую страну... но теми же путями шла подготовка к протесту и 15-го ноября на земле Донских казаков группа генералов подняла национальное знамя и призвала русских патриотов к защите родной страны. На Дон к донскому атаману генералу Каледину прибыл бывший начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев, а за ним и заключенные безвольным Керенским в Быховскую тюрьму генералы Корнилов, Деникин, Марков, Романов-

с к и й и другие. Через несколько месяцев пришел с Румынского фронта Д р о з д о в с к и й.

На призыв собравшихся на юге генералов откликнулись русские люди: откликнулись русские офицеры, лишенные «законодательством» Временного Правительства и мероприятиями большевиков всех человеческих прав, пришли верные им солдаты, пришли юнкера и мальчики кадеты, пришли студенты и гимназисты, пришли сестры милосердия, пришли все, кто помнил о своем долге перед Россией. Шли, иногда и поголовно, казаки Донского, Кубанского, Терского и других казачьих войск. Пришли остатки Флота Российского.

Они-то 15-го ноября и начали бессмертный б е л ы й поход во имя освобождения Родины.

Так с о р о к лет тому назад началась борьба за Россию.

Через полгода началось движение против большевиков на Востоке, где выступили, потом невыдержавшие чехо-словаки; через девять месяцев движение перекинулось на крайний север в г. Архангельск, а через одиннадцать месяцев начал создаваться четвертый участок белого фронта в г. Пскове.

Господь не даровал победы белым знаменам — сам покончил с собою атаман К а л е д и н, скончался, затратив свои последние силы на создание первого белого фронта генерал А л е к с е е в, пали в бою генералы К о р н и л о в и М а р к о в, скончался от ран генерал Д р о з д о в с к и й. В далекой Сибири пал преданный «союзниками» рыцарь долга и чести адмирал К о л ч а к, не выдержал тяжести беспримерного похода генерал К а п п е л ь. В изгнании на посту погибли в эмиграции генералы В р а н г е л ь, К у т е п о в и М и л л е р.

С о р о к лет тому назад цивилизованный мир, утомленный невиданной войной, не уделил никакого внимания тому, что происходило тогда в далекой и чуждой ему России. Раздавленные распропагандированной массой, оставленные всем миром, погибли б е л ы е фронты — в России воцарилась ночь.

Осталась верной Родине, вождям и соратникам масса русских воинов, ушедшая в изгнание. Медленно тянулись эти годы для Зарубежной России... но плотно держатся друг за друга покинувшие Родину бойцы, крепя свои редеющие ряды, живя надеждой на возрождение России, на безкрайних просторах которой уже поднимается заря освобождения.

Будем же верить, что исстрадавшаяся Родина наша призовет нас к себе и дарует нам счастье закончить наши дни в борьбе за ее восстановление.

А сегодня вспомним тех, кому мы верили и кто вел нас за собою, тех кто шел рядом с нами и тех, кто, веря нам, шел за нами в бой и на смерть.

Памятуя последний завет нашего Главнокомандующего генерала В р а н г е л я, будем продолжать наше дело, зная, что «не обольщаясь призрачными возможностями, но и не смущаясь горькими испытаниями,

побеждает лишь тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть».

II.

В текущем году исполнилось сто лет со дня рождения основоположника Белого Движения генерала Михаила Васильевича Алексеева.

Достигший всего в своей жизни только исключительно своими трудами, генерал Алексеев с первых же дней революции в России все усилия своего исключительного ума направил к спасению Армии, а через нее — чести и достоинства России.

Когда это ему не удалось и революционный угар все же Армию разрушил, то генерал Алексеев, начав буквально с нескольких человек, так называемой, «Алексеевской организации» в г. Новочеркасске, сказал: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если будет милость Божия. Но нужно зажечь светочь, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы»...

Ему поверили и за ним пошли; светлой точкой была Белая Армия, вставшая за Россию. Победы не было, но было доказано миру, что не все в стране подчинились торжествующему злу, была запечатлена верность долгу, было показано, что Россия имела не мало людей, готовых жизнь свою положить за нее. В этом была историческая заслуга генерала Алексеева, скончавшегося в самый разгар похода, в Екатеринодаре в 1918 году.

Мы живем в период стремления многих к самооправданию, стремления переложить свою тяжкую вину на чужия плечи. Так и с давно почившим генералом Алексеевым — в этом сходятся крайности, его пытаются теперь после его последнего героического подвига обвинить все — начиная от губивших Россию беспринципных и безвольных «керенских» до ультра-правых политических деятелей, не приложивших никаких усилий для спасения нашего светлого прошлого. Все теперь знают, как надо было тогда спасать Россию и все стараются теперь обвинить покойного основателя Добровольческой Армии — первой боевой силы первого боевого фронта...

Пройдем же мимо этих бесплодных усилий и отдадим должное покойному Вождю, склонив наши головы перед его прахом, унесенным верными ему соратниками с собою в изгнание.

III.

Да придадут всем верным сынам Великой России эти воспоминания о прошлом — силы для того, чтобы переживать настоящее и готовиться к будущему.

Начальник Союза
Генерального Штаба
Генерал-Майор **Лампе.**

ПРИКАЗ

РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ

№ 24.

г. Париж. 1 сентября 1959 г.

Тридцать пять лет тому назад, проводя преемственную прямую линию от Российской Императорской армии, через Добровольческие Армии всех Белых фронтов Гражданской войны в России, через Вооруженные силы Юга России и через Русскую Армию в Крыму — генерал Врангель приказом своим от 1-го сентября 1924 года за № 35 создал на чужбине Русский Обще-Воинский Союз.

В состав Союза генерал Врангель включил, конечно, тысячи воинов, рассеянных по всем странам Старого и Нового Света, в большинстве своем боровшихся за честь Родины — одни в Сибири, другие на Севере, третьи в Прибалтике, четвертые в Польше. В создаваемом им Союзе генерал Врангель стремился объединить всех, кто оставался верным Родине.

Созданная им Воинская Организация оправдала его надежды. В течение тридцати пяти лет, преодолевая все трудности зарубежного существования, Союз прочно стоит на своем посту, с его верностью прошлому и с верой в светлое будущее России.

Стоит, включая в свои ряды всех верных, неся неизбежные потери, перенося тягчайшие удары, потеряв своего Основателя и павших жертвой заклятого врага Родины и Союза начальников Союза генералов Кутепова и Миллера. Стоит прочной стеной, являя невиданную картину Объединения Зарубежного Русского Воинства.

Отмечая теперь знаменательную дату, я напоминаю всем чинам Союза о пережитом и вновь зову сплотить наши кое-где уже поредевшие ряды и, в полной мере проявляя свое единство, и так блестяще показанное упорство, — донести наши белые силы до желанного успешного конца, ибо мы Белые и Белыми должны остаться до самого конца, каков бы он ни был и когда бы он ни наступил.

Поздравляю всех чинов Союза с знаменательным днем тридцатипятилетия его существования и благодарю тех из них, которые прислали мне к этому дню свои приветствия.

Начальник Союза
Генерального Штаба
Генерал-Майор **Лампе.**

ПУТИ ВЕРНЫХ

ПУТИ ВЕРНЫХ

Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя.
(Еванг. от Иоанна. XV, 13).

И только ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,
Был мертвой родины достоин,
В те недостойные года!

Иван Савин.

I. ВВЕДЕНИЕ.

Революция 1917 года в России уничтожила Императорскую власть и в марте этого года передала руководство страной в руки слабой и неспособной интеллигенции и партии социалистов-революционеров, чтобы его в ноябре того же года перебросить большевикам и коммунистам. Таким образом, произошло, что громадная страна, которая в течение столетий распространилась на весь восток Европы и через безкрайніе просторы Сибири до берегов Тихого океана, уже более сорока лет как находится во власти анархии и, с одной стороны стала пробным полем для применения коммунистических теорий, а с другой — основой для распространения мировой революции, которая, по открытому признанию нынешних властителей России, или, как ее теперь именуют, Союза Советских Социалистических Республик, составляет главную цель их устремлений.

В качестве протеста самой России против этого насильственного переворота, на всем протяжении страны, от Балтийского моря на западе — до далекого Китая на востоке, от берегов Белого моря на севере и южной оконечности полуострова Крыма на Черном море на юге, в период с 1917 г. по 1922 г. бушевала Гражданская война, которая ведется более жестоко, чем всякая иная, потому что в Гражданской войне каждый сам выбирает себе сторону, на которую стать, и противоположная сторона становится для него не противником, а безжалостным врагом, который, как ему кажется, не заслуживает никакого снисхождения. В этой войне, в войне Гражданской, тысячами погибали люди, которые только что покинули окопы Мировой войны, они погибали за освобождение их Родины от ужасов чуждого им интернационала; в этой войне лилась кровь и умирали люди, которые не искали для себя ничего и стремились лишь помочь Родине.

Начало этой войне положили те, кто отказался подчиниться без протеста торжествующему коммунизму, те, кто, несмотря на свои слабые силы, нашли в себе мужество взяться за оружие, те, которые в

истории России получили наименование «белых», в противоположность к кровавой «красной» власти интернационала, те, кто дали содержание и силу тому, что в русской истории будет носить имя «Белого Движения».

Царская власть в России, существовавшая более четырехсот лет и, к началу 1917 года представленная трехсотлетней династией Романовых в лице Императора Николая II-го, который вступил на престол в 1894 году, пала изумительно легко. 8-го марта *) в Петрограде забастовало 80.000 рабочих (из общего числа в 400.000). Вечером 11-го марта Государь подписал приказ о роспуске Государственной Думы, 12-го вспыхнуло в столице восстание запасных батальонов, которые готовили пополнение армии, и, уже 15-го Император Николай II отрекся в пользу своего брата Великого Князя Михаила, обойдя неизлечимо больного прямого наследника престола — Цесаревича Алексея. На следующий день 16-го марта Великий Князь Михаил отказался принять наследие брата, и к власти пришло «Временное Правительство», которое смело встало во главе громадной страны и обещало довести ее до «Учредительного Собрания». Выполнить эту задачу Временному Правительству, сначала возглавленному назначенным Императором перед своим отреченіем князем Львовым, а потом социалистом, адвокатом Керенским — не удалось. Оно постепенно сдавало власть и страну коммунистическому интернационалу и в ноябре того же года было им свергнуто. Не будем задерживаться на рассмотрении причин, почему все это так случилось; отмечу только, что в основании этого непонятного явления лежало какое-то психологическое затемнение в руководящих слоях русского общества, считавшего революцию неизбежной и не хотевшего понять, что революция во время войны означает поражение и гибель. Это психологическое явление распространилось в начале 1917 года настолько, что его влиянию подвергся и сам Император, своим отречением от трона за себя и за сына нарушившій основные законы страны, вообще не предусматривавшие отречения, и изменил своей вере в неизменность своего высокого жребия... Это явление распространилось и на императорскую фамилию, которая, казалось бы, должна была быть от него свободной.

Казалось, все верили, что революция принесет победу и давно желанный мир, и все ошибались, за исключением тех, кто не хотел ни победы, ни мира родной стране.

В силу этого психологического явления, ни мартовская революция, ни смена власти не встретили сопротивления ни в народѣ, ни в обществе. Всѣ, как тогда было принято выражаться, «приняли революцию», за исключением крайних правых кругов, мечтавших о реванше; но они были очень слабы и не имели в стране никакого значения. Не было никакого намека на сопротивление и, как это тогда называли — «контр-революцию».

---

*) Все даты по новому стилю.

И для того, чтобы пробудить это сопротивление, чтобы возникла контр-революция и постепенно приняла размеры Белого Движения, потребовалось установить совершенно определенную несостоятельность нового правительства, потребовалось полное игнорирование им здоровых элементов страны и систематическое заигрывание его с радикальными элементами, целью своей ставившими свержение этого же правительства. Потребовалось ослепление правительства, потребовался известный промежуток времени, чтобы выросли силы, образовавшие «Белое Движение», которое вызвало к жизни на границах страны, на четырех фронтах — Гражданскую войну.

II. ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛЫХ ФРОНТОВ.

Когда мартовская революция передала власть в руки Временного Правительства, она одновременно образовала второе правительство, в противоположность Временному Правительству, попавшее в руки, так называемого, пролетариата. Сейчас же после крушения Царской власти крайние революционные круги, впоследствии наименованные большевиками, образовали самостоятельно так называемый «Совет рабочих и солдатских депутатов», представлявший собою второе правительство, что с первого же момента после переворота создало двойственность, приведшую в конце концов к капитуляции правительства перед крайними элементами.

Надо признать, что, в то время, как правительство крайне медленно и нерѣшительно осуществляло свою власть, «Совет» вел себя решительно и опредѣленно. Уже 14-го марта, то-есть, перед отречением Императора, совет выпустил, имевшее решительные последствия распоряжение, известное под именем «Приказ № 1-». Оно уничтожило командную власть офицеров и невозвратимо разрушило дисциплину в армии. Все последующие попытки «разъяснений», говоривших, что этот приказ ни в какой степени не относится к армии, находившейся на фронте, естественно не имели никакого успеха и между двумя основными частями армии — офицерами и солдатами, умелой рукой темных сил, углублявших русскую революцию, была создана непереходимая пропасть. Предприимчивость не остановилась на этом. 22-го мая появилась, так называемая, «Декларация прав солдата». Это нанесло существованию армии уничтожающий удар. Декларация говорила только о солдате без того, чтобы сказать что либо об офицере. Она говорила о правах без того, чтобы сказать хоть что-нибудь об обязанностях. А в это время армия стояла на фронте против сильного и хорошо вооруженного врага, и офицеры должны были требовать от солдат исполнения самого тяжелого долга — долга умереть в бою...

Временное правительство во главе с социалистом Керенским не нашло в себе достаточной силы или понимания, чтобы объять положение и им овладѣть. Оно вступило на путь, исключавший всякое сопротивление и на котором оно делало все поблажки пролетариату в лице солдат и подавляло буржуазию в лице офицеров.

И все же после мартовской революции русское общество и русская армия представляли собою единую силу и ничто не давало осно-

вания предполагать, что менее, чем через восемь месяцев, страна резко разделится на два лагеря.

Потребовались дальнейшие потрясения, потребовалась основательная подготовка, чтобы привести страну к белому и красному боевым фронтам. И эта подготовка совершилась. Если она по времени не была длительной, то она была настолько интенсивной, что ко времени ноябрьской большевистской революции, для добровольцев белого фронта не было вопроса, на какую сторону должны были они стать в начинающейся борьбе — это не был выбор, это было естественное стремление глубоко оскорбленной души.

Русский офицер, который на своих плечах вынес годы войны, который прошел через бесчисленные бои и ранения, распоряжениями растерявшегося правительства был сделан парией... «Приказ № 1-й» и «Декларация прав солдата» лишили его всякой тени власти, одновременно приковав его к боевой линии с обязательством вести в бой массу, вовсе не обязанную ему повиноваться.... Чувство долга удерживало его на линии боевого фронта, но сама то линия фронта постепенно становилась анахронизмом...

Надо было искать выхода... Надо было открыто поставить вопрос, с кем пойдет законное правительство — с здоровыми элементами, с командным составом армии, с офицерами и оставшимися верными родине солдатами, или с разрушительными силами Совета.

Это и случилось в начале сентября 1917 г.

Июльское наступление, предпринятое русской армией по требованию союзных с Россией государств, закончилось решительным неуспехом. Деморализованная попустительством правительства и защитой Совета, солдатская масса решительно отказывалась идти на смерть. Верные долгу офицеры местами перешли в наступление одни и погибли на проволочных сетях противника. Положение стало более, чем ненормальным. Слабые руки главы правительства, Керенского, дрожавшего перед призраком «контр-революции» в лице командного состава армии и офицерства, определенно не могли удержать власть и она покатилась в пропасть.

Должен был появиться сильный человек, он должен был поставить на очередь вопрос о жизни и смерти страны и заострить его до крайности. Этот человек явился — это был генерал Корнилов, Верховный Главнокомандующий Русской армией, назначенный на эту должность Временным Правительством.

Он считал, что революционный «Совет рабочих и солдатских депутатов» систематически стремится захватить в свои руки власть и предложил главе Временного Правительства Керенскому свою помощь для ликвидации большевистского пролетариата. Керенский, все время колебавшийся, сначала соединился с Корниловым, чтобы потом его предать и стать послушной игрушкой в руках Совета — поэтому он уволил от должности генерала Корнилова, в начале сентября направившего верные ему войска против Петрограда, для устранения Совета. Возмущенный этим предательством, Корнилов отказался повиноваться Керенскому и опубликовал свое воззвание к стране. Это дей-

ствие, которое получило наименование «Выступление Корнилова» было, в сущности говоря, первым шагом русского белого движения.

Генерал Корнилов, исключительный военноначальник и неопытный политик — свою игру проиграл. Победа принадлежала Керенскому, который потребовал заключения не только самого Корнилова, но и поддерживавших его старших начальников в тюрьму г. Быхова.

Таким образом, произошел окончательный разрыв между правительством и руководящими кругами армии. Одновременно произошло разделение на две части и армии — офицеры естественно присоединились к генералу Корнилову и требовали обратного введения в армии дисциплины и наказаний для деморализованной солдатской массы и этой массой, которая также совершенно естественно считала эти меры для себя более, чем нежелательными... Опора страны — армия раскололась надвое: офицеры (буржуазия) и солдаты (пролетариат) в конечном счете послужили основанием для создания белой — офицерской армии и красной армии — солдатской. Само собою разумеется, исключения были на обеих сторонах — не мало солдат было в белой армии, в красной армии встречались, конечно, и бывшие офицеры. Впоследствии, когда обе стороны перешли на пополнение своих рядов путем мобилизаций, это главное различие в сильной степени стерлось.

Положение ухудшалось; с каждым днем Совет все более и более решительно забирал власть себе и в начале ноября 1917 года уже не было более сомнений, что стране грозит новый переворот... Несмотря на то, что Керенскому удалось подавить первую попытку восстания большевиков в июле, не было никакого сомнения, что неспособность власти при следующей попытке большевиков принесет им успех. Заключенные в г. Быхове генералы, имея связи вне стен тюрьмы, могли ясно сознавать это положение и потому, во главе с генералом Корниловым, бежали на Дон, в г. Ростов. А неделей позже глава правительства Керенский, который их в Быховскую тюрьму заключил, 7-го ноября был свергнут большевиками и бежал. Оффициальная дата начала Белого Движения на Дону — 15-е ноября, то есть, только одна неделя разницы. Разрушение страны и попытка сопротивления этому развивались планомерно!

К собравшимся на юге страны генералам стремились те русские люди, которые законодательством Временного Правительства, а потом и «творчеством» большевиков были лишены всех человеческих прав. Офицеры естественно шли за теми, кто их не предавал и кто старался охранить их от произвола масс — за своими генералами.

Таким образом осуществился протест русского народа против захвата правительственной власти в стране большевиками или коммунистами и против самого зла большевизма, грозившего России развалом. Протест охватил одновременно как высшее руководство, командование армией, так и офицеров и оставшихся верными своим начальникам — солдат.

Направления были указаны самой революцией, имевшей наибольшую силу в центре страны — протестующие стремились на окраины

России, где большевизм еще не мог пустить свои ядовитые корни, где население и в частности казачество, по тем или иным причинам было еще здоровее и где была возможность собраться, оправиться от всего пережитого, сорганизоваться и, сосредоточив свои силы, начать дело освобождения страны.

Все патриотические элементы стремились на окраины страны для того, чтобы спасти, если не жизнь, то, хотя бы, честь России. Нашлись также и люди, которые повели этих патриотов — это были не только те генералы, которые спаслись из быховской тюрьмы. Еще до прибытия последних в Ростов, в область Войска Донского — там появился генерал Алексеев, бывший начальник штаба Императора Николая II-го, в то время когда Государь принял на себя верховное командование русскими армиями (это означает, что фактическим главнокомандующим был генерал Алексеев). Ему принадлежит честь основания первого антибольшевисткого фронта белой борьбы на юге России, куда он сам прибыл в начале ноября 1917 года. Там бывшие Верховные Главнокомандующие Российскими Армиями генералы Алексеев и Корнилов и первый выборный Атаман Войска Донского генерал Каледин образовали первое белое правительство.

Белую борьбу начали русские генералы и русские офицеры и оставшиеся им верными солдаты... Это они 15-го ноября 1917-го года начали белый поход. Наименование «белый» надо воспринимать, как противоположение тому «красному» злу, которое грозило захватить всю страну. Совершенно невозможно установить кто и когда дал эти названия. Сделала это сама жизнь. И, именно, не черная краска реакции, которую так стремились большевики приклеить своему противнику, но белая — цвет чистоты и благородства.

Таково было образование всех четырех фронтов белой стороны Гражданской войны в России.

Борьбу против засевших в центре страны большевиков, начали белые, собравшиеся в Области Войска Донского. Полугодом позже началось движение на востоке, где восстали Чехословаки — только с этого времени можно считать начало образования белого фронта в Сибири. Через девять месяцев на севере России в Архангельске, высадившийся там английский дессант помог образованию там белого фронта, и на одиннадцать месяцев позже была сделана, с разрешения германского правительства, первая попытка образовать четвертый белый фронт на западе, — началась вербовка добровольцев в г. Пскове.

III. ЮГ.

Первый, южный фронт борьбы белых против коммунистов, был создан 15-го ноября 1917 года, в тот день, когда в столицу Донских казаков прибыл бывший начальник штаба Императора Николая II-го, впоследствии сам бывший Верховным Главнокомандующим всеми русскими армиями на фронте Мировой войны — генерал Алексеев. Ему принадлежит мысль создать новую армию для осво-

бождения родины, армию добровольцев. Надо было начинать с самого начала — от великого до смешного всегда только один шаг... Генерал Алексеев, который до этого стоял во главе миллионной армии, принял в ноябре месяце... 50 добровольцев и получил пожертвований... 400 рублей в то время, при значительном обезценении бумажных денег. Вставал вопрос о возможности прокормить даже этих принятых пятьдесят добровольцев. Так называемые «союзники» России, то есть англичане и французы, которые в конце концов были сами заинтересованы в создании противобольшевистской силы в России, не торопились приходить на помощь...

Однако, постепенно со всех концов России, частью привлеченные слухами о создании свободных от большевизма новых воинских частей на казачьих окраинах, стекались офицеры, солдаты, юнкера, гардемарины, студенты, кадеты на юг... постепенно увеличивалась новая армия, носившая скромное название «Алексеевской организации», а с прибытием бежавших из тюрьмы в Быхове генералов появилось и командование.

Работа генерала Алексеева могла протекать в известной степени без помех потому, что выбранный в это время главой Донских казаков, атаман Каледин, делал все, чтобы эту работу обеспечить. Вместе с ним и прибывшим на Дон генералом Корниловым, который проѣхал через всю южную Россию, неузнанный распущенной солдатней, как старик инвалид, генерал Алексеев и образовал триумвират.

Я задерживаюсь несколько дольше на этом начальном периоде белого движения на юге России потому, что оно было типичным для в с е х боевых фронтов, как по способу создания этих фронтов, так и по сбору бойцов, которые заполняли их ряды.

К началу 1918 года стало невозможным продолжать спокойное формирование армии на Дону, так как большевики, узнав об этом формировании, начали наступление на юг — частью войсками совершенно захваченными большевизмом, частью же путем сильной пропаганды среди низших слоев городского и сельского населения всей казачьей области. Успешно наступавшие против Ростова, красные войска подошли вплотную к формированиям генерала Алексеева и потому генерал Корнилов, которому было передано командование новой армией, принял решение, в начале февраля покинуть Донскую область и уходить на юг, в предгория Кавказа, в область Кубанских казаков, в столице которых возникала тоже новая и тоже антибольшевистская военная сила. Генералы Алексеев и Корнилов решили уходить. Генерал Каледин, в силу своих убеждений не мог следовать за ними — он был первым выборным атаманом области (до революции атаманы назначались верховной в стране властью), и потому он не считал для себя возможным оставить народ, который его избрал своим главой. Он понял, что иного выхода нет, дал свое согласие на уход «Добровольческой Армии», как была переименована к этому времени «Алексеевская организация», и... выстрелом в голову покончил свою жизнь! Таковы были люди, которых большевики называли «врагами народа»...

22-го февраля Добровольческая армия оставила Ростов, уходя на

юг. Это была самая замечательная армия, которая когда-либо существовала в Европе... Она состояла исключительно из добровольцев, которые влились в ее ряды, минуя тысячи опасностей, так как на всех железных дорогах России большевики внимательно следили за теми, кто ехал на юг, при малейшем подозрении извлекали из вагонов каждого и после величайших мучений убивали их. Никто никогда не сможет сосчитать сколько русских патриотов в те дни заплатили своею жизнью за попытку придти на помощь своей родине. Большинство из них, в том числе и генерал Корнилов, оставляли где-то за собою свои семьи, чтобы их более никогда не увидеть. Все они были без всяких средств, без копейки денег, без белья и без какого либо намека на военную форму, наличие которой на этом пути могло для них иметь тяжелые последствия. Во главе этой «армии», которая насчитывала в своих рядах до 3000 человек, то есть, менее, чем пехотный полк военного времени, стояли два Верховных Главнокомандующих бывшей русской армии: генералы Алексеев и Корнилов и один главнокомандующий армиями фронта — генерал Деникин. В ее рядах, рядом с солдатами, шли как рядовые, старые, покрытые ранами полковники, украшенные высшими боевыми орденами и пятнадцатилетние мальчики-кадеты, скрывавшие свой возраст из страха, что их по молодости не примут в армию... С ними шли в качестве сестер милосердия девушки из лучших русских фамилий рядом с русскими крестьянками. Армия имела очень мало оружия, мало патронов и только две пушки, которые были украдены у разложившихся частей гарнизона г. Ростова... В обозе армии почти не было медицинского материала, не было даже простых бинтов и при этом обоз растягивался на десяток верст, потому что с армией уходили и уезжали все те, кого в Ростове с приходом красных ожидала мучительная смерть. Этот обоз был громадным затруднением для армии, так как она должна была продвигаться в районе богатом железнодорожными линиями, а они все принадлежали большевикам, располагавшим броневыми поездами. Простой переход этой армии через линию железной дороги был для нее исключительно трудной операцией.

Впереди полная неизвестность, за нею наступающие красные орды, снабженные всем тем, что имела в своем распоряжении Императорская Русская армия! Отстать — значило самому себя обречь на мучительную смерть — потому что плена не было...*).

---

*) Чтобы дать понятие. как вели себя красные в то время по всей стране (не только на северном Кавказе), я привожу несколько строк из сухого служебного документа о том, как обращались тогда красные с православным духовенством:

«Над духовными лицами издевались и глумились невероятным образом. Обыкновенно обвинения были в «контрреволюции», в принадлежности к «кадетам» и к «буржуазии», в проповедях, которыя обвиняли советскую власть, в совершении церковных служб за проходившую Добровольческую армию, за погребение «кадетов» и т. д. Этого было достаточно для того, чтобы подвергать служителей церкви мучительной смерти. Так например в станице Барсуковской, весной 1918 года, священник Григорий Златорунский, 40 лет от роду, был убит красноармейцами за то, что он, по просьбе казаков отслужил молебен об освобождении станицы от Красной армии. В станице Попутной, 60-ти-

Маленькая добровольческая армия была армией патриотов, которые посвятили себя добровольно и героически делу спасения родины, армией обреченных... богата и сильна она была только тем безпримерным духом, которым она обладала. И так было всюду, где русские патриоты восставали против узурпаторов, захвативших родину и власть.

Нужна была твердая вера в себя самого, необходима была большая любовь к родной стране, не только для того, чтобы вести эту армию, но и для того, чтобы идти в ее рядах. История знает мало примеров подобного героизма.

Армия двигалась из Ростова в Екатеринодар; перед этим последним городом она соединилась с кубанскими формированиями, увеличившими ее почти что вдвое, но у Екатеринодара, во время штурма этого города она потеряла своего главнокомадующего — генерала Корнилова; когда то в мировой войне, взятый в плен австрийцами, он предпринял безпримерный побег и был в те дни спасен судьбой от смерти — теперь 13-го апреля он был убит большевистским снарядом. Он был убит в то время, когда находился в своем штабе, который был расположен очень близко к боевой линии, при чем в дом, в котором он находился, попал только о д и н снаряд и этот снаряд поразил его о д н о г о ! Судьба была против него и против его армии. Его смерть привела армию почти к полному развалу и его преемник генерал Де-

летний протоиерей Павел Васильевич Иванов, который служил в этой станице 36 лет, был штыками заколот красноармейцами за то, что в своей проповеди он указывал, что большевики ведут Россию к падению. В станице Вознесенской священник Троицкой церкви Алексей Ивлев, в возрасте более 60 лет, был убит на базарной площади за то, что «он происходил от казака, служившего в гвардии». Священник станицы Владимирской Александр Подольский, в возрасте более 50 лет, окончивший юридический факультет университета, был зверски убит за то, что «выступил» против Красной армии, т. е. — отслужил молебен. Перед тем, чтобы его убить, его долго водили вдоль по деревне, насмехались над ним и били его, потом вывели его из деревни, зарубили его саблями, бросили тело его в кучу навоза, запретив его хоронить. Старый прихожанин, который хотел спасти его тело от растаскивания собаками, пошел к нему и начал его закапывать. Это было замечено пьяными красногвардейцами и прихожанин был ими убит на месте, а труп его оставлен валяться. — В станице Удобная был убит красноармейцами более, чем пятидесятилетний священник Федор Березовский, с запрещением погребать его труп, за то, что он отрицательно отзывался о большевиках. — Священник станицы Усть-Лабинской Михаил Лисицын, в возрасте примерно 50 лет, был убит, при чем перед убийством, ему надели петлю на шею и водили его по всей станице, и так глумились над ним и избивали его, что он сам на коленях просил убить его скорее. Впоследствии, когда тело его было найдено, было установлено на нем более десяти ран, его голова была изрублена в куски. — В станице Георгие-Афипской священник Александр Флегинский был зарублен. — В станице Пластуновской был мученически убит священник Георгий Бойко: на его шее нашли ужасающую рану — повидимому ему каким-то образом разорвали горло. В станице Кореновской был убит священник Назаренко и в церкви были совершены всевозможные непотребства: алтарь был превращен в отхожее место, при чем пускались в употребление и священные сосуды...»

(Взято из расследования «Чрезвычайной комиссии для исследования большевицких зверств при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Сведения о жестокостях над церковью и священнослужителями»).

никин был вынужден снять осаду Екатеринодара и поспешными маршами вернуться на Дон, где в это время восстало население и уничтожило большевиков, которые в свое время принудили Добровольческую армию к отступлению из Ростова. При отходе от Екатеринодара пришлось оставить тяжело раненых, их не могла в своем обозе увезти армия и поручила их уходу населения — все они были буквально изничтожены красными...

Героизм этой своеобразной армии не знал предела. Не было предела и ее страданиям. В течение 80 дней похода, в ужасающую грязь при морозе, который в это время года еще бывает на северном Кавказе, армия прошла почти 1300 верст, имея более тридцати боев. Все свое снабжение, оружие и патроны армия могла пополнять только одним способом — вырывая все это от своего красного противника... По приходе на Дон, армия была пополнена отрядом полковника Дроздовского, который сформировал его в Румынии из остатков офицеров и солдат (конечно тоже добровольцев) бывшего Румынского фронта и привел его из Ясс в Ростов. Он прошел 1200 верст и пришел в Ростов в пасхальную ночь. Непосредственно за отрядом Дроздовского пришла на Дон и Германская армия. Но она в непосредственное соприкосновение с Добровольческой армией не вошла... На пути отряда Дроздовского, немцы ему помогали*).

На этом закончился первый героический период, «Анабазис» первой белой армии... На Дону она была усилена, приведена в порядок, нормально снабжена и после небольшого отдыха предприняла свой второй поход на Екатеринодар, с целью освободить кубанских казаков.

На этот раз она заняла центр области, потом очистила от большевиков весь северный Кавказ вплоть до берегов Черного моря и сделала поворот на север, на русские просторы, в направлении на Москву, поставив себе целью нанести удар большевикам в центре их могущества.

На этом пути армия, которая теперь уже приняла наименование «Вооруженные силы на юге России» и состояла под командованием генерала Деникина, имела большие успехи. Она вытеснила 25-го июля большевиков из Харькова, а до того 30-го июня из Царицына, значение которого было совершенно исключительным, так как именно через этот пункт можно было установить непосредственную

---

*) А. Н. Толстой. «Хождение по мукам».

...Красные казаки новочеркасского гарнизона и подоспевшие из Ростова большевики стали одолевать донцов. Но дело решил фантастический случай...

Из Румынии пешком шел добровольческий отряд полковника Дроздовского. 22 апреля он неожиданно ворвался в Ростов, держал его до вечера и был выбит. Дроздовцы шли в степи — искать корниловскую армию. В пути 25 апреля, услышали под Новочеркасском шум битвы. Не спрашивая, — кто, почему и зачем дерется, — повернули к городу, врезались с броневиком в резервы красных и произвели отчаянный переполох. Увидя с неба свалившуюся помощь, донцы перешли в контр-атаку, опрокинули и прогнали красных. Новочеркасск был занят. Власть от ревкома перешла к «Кругу спасения Дона». А затем подошли и немцы.

связь армии с восточным белым фронтом, во главе которого тогда стоял адмирал Колчак, уже признанный Союзниками Верховным Правителем России. Ему генерал Деникин 12-го июня добровольно подчинился.

В течение всего лета 1919 года белые армии юга России победоносно продвигались вперед, все время находясь в бою с превосходящими силами красных, имевших в своем распоряжении богатые запасы и человеческий материал всей страны. В это время белые пополнялись уже не только стремившимися в их ряды добровольцами, но уже и более нормальным способом — мобилизацией населения, которая была довольно сложной, потому что всюду, куда бы ни приходили белые, уже побывали отступавшие красные, имевшие в своем распоряжении достаточно времени, чтобы провести до того свою мобилизацию.

В сентябре белые достигли высшей точки развития своих успехов, занимая в это время линию от Волги у г. Камышина, через Воронеж-Орел и Киев, то есть, они заняли всю южную Россию. Одновременно с этим продвинулись к центру страны с востока, севера и запада и другие белые фронты. Казалось, что наступил конец господству красных и что России суждено освободиться от тяжелого ига. под власть которого она попала.

Однако судьба судила иное. В самой быстроте последовательных побед белых заключалась и опасность грядущего поражения. Полки белых армий были непрерывно в боях со дня их сформирования, с февраля 1918 и до осени 1919 года. За этот период они конечно были усиленно пополняемы, но в то же время они имели и невероятные потери. В качестве примера я приведу сухие цифры для о д н о г о из полков белого фронта, который носил имя павшего под Екатеринодаром генерала Корнилова. Полк этот постепенно развернулся в четыре полка (дивизию), а потом, когда начались неуспехи — опять свернулся в полк. За сорок месяцев боевой жизни полк выдержал 570 боевых столкновений и потерял: убитыми 13.674 бойца, ранеными — 34.328, а всего 48.002 бойца.

То же самое может быть сказано про любой белый полк, которому пришлось проделать трудный путь с юга на север в направлении на Москву, а потом обратно на юг к морю.

Это длилось почти три года и все эти три года белые должны были бороться с превосходящими их силами красных, вкладывая все свое существо в достижение только одной е д и н с т в е н н о й цели, которую ставили перед собою в с е белые фронты и все белые бойцы — освобождение родины от марксистов и коммунистов. Никакие человеческия силы не могли выдержать того напряжения, которое судьба возложила на белых. Они почти не имели смены и не получали подкреплений, почему осенью 1919 года белый фронт под напором красных сил начал свой трагический отход на юг.

Перед тем как закончить описание этой части белого движения в России, необходимо также отметить те формирования, которые среди общего базирования южных белых армий исключительно на старые обязательства русской Императорской армии по отношению к Антан-

те — от этой нормы отходили. Это были попытки германского командования на восточном (с точки зрения Германии) фронте мировой войны обеспечить себя, поддержав попытки белых. В этом направлении германское командование также формировало войска для операций на белом фронте.

Германские армии, двинувшись на восток по следам русской армии, уже разложенной большевизмом и не оказывавшей никакого сопротивления, заняли на юге России плодородную Украину и продвинулись до реки Дона, то есть, до границы Области Войска Донского. Путь одного из германских отрядов совпал с путем добровольческого отряда полковника Дроздовского, который шел из Румынии на соединение с антибольшевистскими силами белых. Германские армии достигли Дона и далее не продвигались. Получилось воистину своеобразное положение. Донской атаман генерал Краснов вступил не только в непосредственное соприкосновение с германским командованием, но через его посредство даже и с самим Императором Вильгельмом. Глава Добровольческой армии генерал Деникин остался верным Антанте и уклонялся от каких либо сношений с германским командованием, но в то же время он был сначала союзником, а потом и начальником генерала Краснова. Изгибы гражданской войны приводят иногда к замечательным последствиям.

Каковы были взаимоотношения германского командования с командованием красных определить было трудно и этот вопрос выходит за пределы настоящего исследования. Но германское командование поддерживало, путем помощи, которую оно оказывало Донскому атаману генералу Краснову, силы на юго-востоке России, и одновременно помогало и гетману Украины Скоропадскому — в Киеве. Одновременно на средства германского командования на Украине были открыты вербовочные бюро, вербовавшие добровольцев для пополнения определенных формирований, которые были предназначены для борьбы против красных. Тоже самое решение было принято германским командованием и на северо-западе России в г. Пскове.

Эти русские формирования носили наименования: одно — «Южная армия» и другое — «Астраханская армия»; они были предназначены — первая для Донской области, то есть для совместного действия с армией генерала Краснова и второе — для действия в степях западнее Каспийского моря.

С помощью германского командования, которое оказывало этим формированиям финансовую помощь и снабжало их провиантом и оружием — были образованы эти «армии» и выдвинуты на фронт. Лозунги, под которыми шли эти армии, отличались от чисто национальных русских лозунгов Добровольческой армии тем, что они опирались на чисто *монархические* принципы.

Позже, после того, как немцы принуждены были очистить занятые ими на юге России области, обе армии потеряли свою опору и естественно влились в состав армии генерала Деникина, значительно увеличив их в численности и усилив полученным от германского командования оружием.

Осенью 1919 года южный фронт белого движения был в полном отступлении на юг — первый снег покрыл своим тяжелым покровом все лучшие надежды верных. Отход становился все более стремительным. В декабре были оставлены Киев и Харьков, январь 1920 года принес неуспехи у Одессы и Ростова, при чем очищение Одессы было связано с большими трудностями. В марте большевики вновь овладели Екатеринодаром, где в свое время закончил свою жизнь генерал Корнилов — этим была решена судьба всего северного Кавказа, который также попал в красные руки для новых тяжелых переживаний. В том же месяце все разбросанные остатки армий морально потрясенного генерала Деникина сконцентрировались на последнем белом клочке Россіи — полуострове Крым, после того, как им пришлось пережить трагическое оставление Новороссийской гавани на восточном берегу Черного моря, вместе с присоединившимся к армии населением. Часть армии, главным образом, казаки, продвинулись далее на юг, до Сочи, откуда они уже с величайшими трудностями были также перевезены в Крым. Они должны были расстаться с своими лошадьми, что для казаков, конечно, являлось тяжкой жертвой.

В Крыму сосредоточились русские Верные, которые дрались на юге России, здесь судорожно держали они своими усталыми руками русский национальный флаг, здесь должна была решиться их судьба.

IV. ВОСТОК.

Через полгода после того, как началось белое движение на юге России, такое же движение возникло в районе реки Волги, на в о с т о ч н о м фронте. В это время восстания возникали по всей России, то тут, то там. Различные слои и классы населения, различныя национальности поднимались против давления тирании, силой захватившей власть в стране. Принцип национальный протестовал против кровавого интернационала...

Однако все эти восстания были либо одиноки, либо их необходимо было раньше всего организовать, как это было на южном фронте; было совершенно необходимым создавать самое важное, то есть, военную силу, набирая ее путем вербовки добровольцев, сначала буквально по одному человеку.

Все же на самом в о с т о ч н о м фронте дело обстояло несколько иначе; хотя и здесь имели место отдел:ные восстания, все же здесь основа для создания армии была положена организованной военной силой и при том не русской, а иностранной. Это был чехословацкий корпус.

Этот корпус был создан русским правительством еще во время Мировой войны. Сначала, еще в императорский период, корпус собрал вместе добровольцев чехов, которые постоянно жили в России, потеряли связь с своей родиной и надеялись, в случае победы на фронте мировой войны государств Антанты, добиться самостоятельности

Чехии. В послереволюционный период 1917 года чешские войска, по приказу Временного Правительства стали в широком масштабе пополняться чехами, которые или попросту попали в плен к русским или, еще проще, находясь в рядах австрийской армии, — сдавались противнику, вместо того, чтобы защищать Австро-Венгрию, в состав которой тогда входила Чехия. Таким образом, в рядах чехословацкого корпуса находились наравне как чисто идеалистические элементы, так и те, кто предавал свое отечество и перебегал в ряды его противников... это обстоятельство потом отразилось и на способах действий этого корпуса. После того, как они уже раз предали Австро-Венгрию, они потом уже легко предавали белых русских, для того, чтобы избежать боя и увезти с собою награбленное имущество. Но это случилось позже. В начале же белого движения, чехословацкий корпус играл на восточном фронте положительную роль, которую он, к сожалению, выдержал недолго.

Когда коммунисты захватили правительственную власть, почти что единственной организованной силой остались чехи. У них не было иного выхода, так как они не могли заключить с центральными державами мира уже потому, что с точки зрения последних, всякий чех, который поднимал оружие против своего старого отечества — был предателем. Заключение мира между большевиками и западными державами грозило чехословацкому корпусу полным уничтожением и потому руководители его должны были искать новых путей...

Один из этих путей, при том наиболее почетный, был тот, который указывал чехам генерал Алексеев, когда он предложил корпусу присоединиться к его усилиям создать в предгориях Кавказа антибольшевистскую силу. Из того, что было сказано о тех усилиях, которыя нужно было сделать на Дону и в Кубанской области, совершенно ясно, какого результата достигло бы соединение небольших добровольческих сил с чехословацким корпусом, который в то время насчитывал в своих рядах до 50.000 бойцов, снабженных русским правительством всем необходимым. Но меньше всего хотели чехи сражаться за возрождение России... Их цель была иная — война в Европе шла уже к концу, начинались мирные переговоры, всякая опасность уже миновала, возникали надежды на возрождение самостоятельной Чехии. Корпус стремился как можно скорее избежать пуль и вернуться домой. Поэтому предложение генерала Алексеева просто осталось без всякого ответа и чешский корпус по приказанию французского командования двинулся на восток, предполагая проехать всю Сибирь по железной дороге и потом во Владивостоке погрузиться на суда и быть переброшенным во Францию. Там их предполагали, если мирные переговоры не достигнут цели, употребить для нового боевого фронта, или же вернуть на родину. Россия, которая спасла им жизнь и сделала из дезертиров свободных людей, была для них не только безразлична, но даже, как показало будущее, — ненавистна.

Весной 1918 года многочисленные чешские военные транспорты двинулись по всей сибирской железнодорожной магистрали, так как наиболее короткий путь через Архангельск был для чехов нежелате-

лен из страха перед германскими подводными лодками. 14-го мая 1918 года в г. Челябинске, на западном краю Сибири, произошло небольшое недоразумение, которое вызвало вооруженное столкновение между чехами и большевиками. Троцкий, который тогда стоял во главе Красной армии, потребовал разоружения всех чешских воинских поездов и заключения чехов в концентрационные лагеря. Надо было защищаться. Часть чешских эшелонов покорно сдала большевикам пушки, пулеметы и винтовки. Однако русские офицеры, которые стояли во главе чешских частей, решили оказать сопротивление, сорганизовались с этой целью и таким образом положили первый камень для основания восточного белого фронта для борьбы против большевиков, просуществовавшего до начала 1920 года.

Начиная с мая месяца на всем протяжении сибирской железнодорожной линии начались столкновения между чехами и большевиками. С чехами соединились, как это было на юге России, добровольные формирования из русских офицеров, оставшихся верными солдат и казаков и патриотически настроенной школьной и университетской молодежи, которая стремилась к освобождению России от власти коммунистического интернационала.

С точки зрения военных операций, все действия чехов в Сибири сводились к незначительным столкновениям. Заслуга чехов была вовсе не в том, что они яко бы мужественно боролись с противником на фронте, а в том, что они могли противостоять тогда еще слабым большевистским организациям, сдерживать их напор и таким образом давать возможность собраться русским добровольческим группам.

Все эти достижения в Сибири привели к тому, что державы Антанты, которые стремились тогда к восстановлению Восточного фронта против Германии, приказали чехам повернуться опять на запад и образовать новый фронт на Волге, что было выполнено чехами — неохотно и с протестами, и — охотно и легко — русскими белыми формированиями... Лето 1918 года принесло в борьбе на Восточном фронте большие успехи против большевиков как чехам, так и русским: в течение июня и июля вся Сибирская железнодорожная магистраль была очищена от большевиков, в начале августа был занят на фронте г. Казань. Это давало не только значительный стратегический успех, так как позволяло впоследствии Восточному фронту соединиться с Северным, но и передавало в руки белых золотой запас, захваченный в Казани у большевиков, что обеспечивало дальнейшее ведение белыми войны.

На всем протяжении России (как европейской, так и азиатской) загорались восстания против тиранической власти большевиков. На Волге, в Самаре, возродился так называемый «Комитет Учредительного Собрания», которое в свое время в Петрограде было разогнано большевиками, в Омске образовалось Сибирское правительство; на территориях Уральского и Оренбургского казачьих войск образовались свои правительства, на Дальнем Востоке — тоже.

Главная роль принадлежала тому правительству, которое было ближе всех к фронту, то есть «Комитету Учредительного Собрания».

Несмотря на то, что руководители его стояли близко к Керенскому, который в свое время сделал не мало для разрушения России и которые по своим марксистским убеждениям, очень мало отличались от своих противников — большевиков, от которых их отделяло, в сущности говоря, только нежелание большевиков делить с ними власть, — русские офицеры, хотя и с тяжелым сердцем, во имя стремления во что бы то ни стало спасти Россию — вступали в эти полу-социалистические формирования. Тогда еще не окончательно выброшенная за борт интелигенция посылала школьников и студентов на фронт, офицеры и даже генералы старой Императорской армии безропотно вступали простыми рядовыми в антибольшевистские боевые ряды. Состав частей на Восточном фронте отличался от фронта Южного тем, что в его рядах боролись против большевиков также и рабочие Урала, лишенные большевиками всех жизненных возможностей. Они формировали свои особые воинские части из рабочих и мужественно сражались с поработителями до самого последнего дня существования этого боевого фронта... Вся слава успехов всегда приписывалась чехам. Тогда казалось, что, начав здесь борьбу, они вполне заслужили благодарность русских патриотов. Но это только казалось — благодаря попустительству русских, чехи только богатели, так как они захватывали русские государственные склады и даже накладывали свою руку на частное имущество. Они потеряли всякую меру и после того, как они захватили богатую добычу, в то время, как их русские боевые товарищи, которые не могли и не хотели грабить своих соотечественников, нуждались буквально во всем — они думали больше о том, чтобы во время уйти с фронта, а не о том, чтобы защищать его от большевиков... В этих стремлениях чехословацкого корпуса и надо искать основные причины того, что повело к крушению Восточного фронта...

Существование большого числа отдельных правительств было конечно неблагоприятно для выполнения боевых задач на фронте. В силу этого общим стремлением было создать наконец единое правительство, чтобы оно приняло бы на себя руководство громадной территорией и командование боевым фронтом.

Вследствие этого все вновь образованныя правительства пришли к решению созвать в сентябре 1918 года общий съезд в г. Уфе, чтобы он выделил из себя единое правительство. При этом немедленно обнаружились симпатии чехов, которые открыто поддерживали власть Комитета Учредительного Собрания, по своему отношению к большевикам неприемлемого для большей части Белой армии. Но чехи грозили тем, что они оставят фронт (что они потом и сделали) и требовали создание правительства в виде «Уфимской Директории», передававшого власть в руки той политической партии, которая уже в 1917 году привела Россию к страданиям и крушению... Сила была в руках чехов — приходилось им подчиняться... Но так продолжаться дольше не могло, тем более, что сами чехи думали только о том, как бы покинуть фронт. Это намерение они и выполнили, не останавливаясь перед прямым предательством. Они хотели увезти все ими награбленное и они это выполнили. Одно было ясно: трусость чехов и их союз с избранной на

съезде в Уфе Директорией, которая состояла в большинстве из членов губившей Россию партии социалистов, грозили стране новыми бедами. И потому русские патриоты должны были принять те или иные меры, чтобы избежать грозящей опасности, в особенности же в силу того, что чехи, несмотря на то, что их требования были выполнены, — все таки начали очищать фронт и русские города, которые были в свое время освобождены от кровавой власти большевиков, опять стали переходить в их мстительные руки.

Чехи оставляли боевую линию, не задерживая большевиков и в конце концов совершенно прекратили боевые действия; при первом же нажиме большевиков они отходили и в своих поездах и вагонах увозили с собой русское государственное имущество. Как только они погружали свою богатую добычу на поезда, они немедленно отправлялись на восток... За ними вслед шел поток беженцев из волжского района... Обязанность прикрывать отход «освободителей» ложилась на русских офицеров и добровольцев. Без сапог, без теплой одежды взирали эти истинные герои на переполненные платьем и кожами чешские поезда. За чехами следовали массы беженцев, стариков, женщин и детей, которым невозможно было оставаться на местах, так как за одно только сочувствие чехам большевики расстреливали целыми семьями. Директория ничего не предпринимала и по своим убеждениям и не могла ничего предпринять против измены чехов. Не могло помочь никакое посредничество прибывших представителей Антанты английского генерала Нокс и французского генерала Жанен. Протест наростал даже в чешской среде: командующий чешской армией в Казани, которая была оставлена большевикам, чешский полковник Швец не мог помешать бегству своих солдат и покончил самоубийством... Когда представители Антанты поняли невозможность вернуть чехов на боевой фронт, они, не имея достаточно судов для того, чтобы увезти чехов из Сибири, передали им охрану Сибирского железнодорожного пути, в тылу русской армии от Ново-Николаевска до Иркутска. Чтобы выполнить эту задачу, чехи захватили силой 20.000 железнодорожных вагонов, в которых они продолжали жить (один вагон на трех чехов), тем самым забивая все пути и затрудняя снабжение армии.

Чехи оставили фронт. Директория, которая, как уже было отмечено, в большей своей части состояла из представителей социал-революционной партии, — была безсильна. Для того, чтобы спасти положение, надо было принимать героические меры.

Одной из таких мер был переворот 18-го ноября, в Омске, который передавал правительственную власть в руки адмирала Колчака, вместе с званием Верховного Правителя России, в каковом качестве его признали сначала добровольно подчинившиеся ему возглавители других русских белых фронтов, а потом, через несколько времени, также и представители Антанты.

Это решение было принято 17-го ноября советом министров Сибирского правительства и приведено было в исполнение группой патриотически настроенных русских офицеров. Они 18-го ноября аре-

стовали членов Директории, безвольно подчинившихся совершившемуся факту.

Адмирал Александр Васильевич Колчак был особенно любим в русском флоте; в послереволюционное время он стал известен всей России, как блестящий командующий Черноморским флотом, так как именно он сохранил флот дольше других от неизбежного разрушения. Его личность представляет как исключительно светлая рыцарственная, честная и искренняя. Он был значительным русским патриотом, умным и образованным. Он принял на себя ответственность власти, как акт героический, с полным самопожертвованием, во имя родины, и вся его дальнейшая служба отечеству, которую он запечатлел своею смертью, до самого конца была отмечена любовью к родине и сильно развитым чувством долга. Он подчинился долгу и принял предложенную ему власть. Впоследствии чехи оправдывали свой уход с фронта тем, что они не хотели поддерживать власть адмирала Колчака, которого они считали «реакционером». Не лишне будет отметить, что их отход с фронта состоялся на т р и н е д е л и ранее, чем совершился государственный переворот, передавший власть в руки адмирала...

В своей декларации, которой он остался верным до самого конца, адмирал Колчак объявлял населению Сибири, что он принимает на себя всю власть для того, чтобы сбросить тиранию большевиков, восстановить права народа, свободу и порядок и дать каждому возможность заниматься своими делами. Он обещал, после занятия Москвы, передать всю власть в стране в руки вновь избранного Учредительного Собрания.

Сверженные им социалисты-революционеры не могли забыть своего поражения и развернули в народных массах оживленную деятельность, с конечной целью свергнуть установленный Верховным Правителем порядок. Они старались достичь своей цели сильной пропагандой в среде низших слоев населения, которое еще не знало темных сторон большевизма и вместе с чехами, против своей воли задержанными в белом тылу, подготовляли крушение белого фронта. В таком исключительно тяжелом положении должен был адмирал Колчак продолжать святое дело освобождения России от коммунистов.

Оставшиеся на фронте русские добровольцы к этому времени были усилены введением всеобщей воинской повинности населения и потому, несмотря на предательство чехов, им удалось в течение всей зимы 1918-1919 г.г. удержать в своих руках горные проходы на Уральском хребте. В тылу шла лихорадочная работа по созданию новых формирований, чтобы поддержать фронт, выдерживавший натиск большевиков. После бесконечных трудностей были созданы три армии. Армия была снабжена слабо, при страшных холодах Сибири нехватало теплой одежды, был большой недостаток в ружьях и патронах. Чехи не отдавали своей добычи. Представители Антанты не имели возможности ускорить свои поставки, за которые адмирал Колчак платил им из золотого запаса, захваченного в Казани. В глубине и в тишине социалисты подрывали вновь построенное государственное здание, в угоду близким им по убеждению большевикам.

Весной 1919 года белые армии, предупреждая возможность большевистского натиска, — сами перешли в наступление.

Снова был занят ряд ранее оставленных городов. Население встречало армии адмирала Колчака с твердой верой в создавшуюся легенду, что «он идет для освобождения России с духовенством в полном облачении, с хоругвями и с пением «Христос Воскресе»... Народ крестился и ожидал освобождения... Но сама армия, которая прошла при наступлении путь в 500 верст, имела разорванные полушубки, одетые почти что на голое тело, в рваных валенках на ногах, при полном отсутствии белья и не имея возможности вымыться... она нуждалась в подкреплениях новыми частями... а их не было!

И несмотря на это, к Пасхе 1919 года казалось, что поставленная цель будет достигнута. Верховный Правитель объехал весь фронт, все слои населения встрѣчали его, как спасителя, в деревнях крестьяне повсюду встречали его благодарственными молебнами и подносили ему скромную хлеб-соль. Оборванная армия героически исполняла свой долг. С юга пришло известие о добровольном подчинении Верховному Правителю главы военных сил на юге — генерала Деникина. Союзные интервенты изменили свое обращение с русскими, но все еще задерживали официальное признание их правительствами власти адмирала Колчака, так как добивались получить от адмирала «либеральную и демократическую» декларацию, которая могла бы удовлетворить «западныя демократии». Уже обсуждалось движение победоносных армий на юго-восток для соединения с армией южного фронта.

Но и красные не оставались пассивными. Они бросили в тыл белых миллионы рублей на пропаганду; их лучшими помощниками были социалисты, которые мстили за отобранную от них власть, они напрягали все силы, они бросали на фронт свежие части, они мобилизовали всю партию. Наступление красных началось. Адмирал Колчак сам отправился на фронт, чтобы вдохнуть в усталых бойцов новыя силы. Все было напрасно — сил не хватало. Белые армии дошли до предела своих сил, началось отступление... Разрушенный красной пропагандой тыл армии начал сдавать.

В конце мая 1919 г. началось отступление, которое безостановочно развивалось и продолжалось до начала 1920 г., то есть до того времени, когда прекратили свое существование остальные фронты белой борьбы и, в конечном счете, привело к крушению Восточного фронта... Время от времени части армий переходили в наступление, но это не могло ничего изменить в общем положении — силы сдавали и не было никакой возможности их восстановить. В тылу были восстания. Разрушительная работа социалистов, которые не были окончательно уничтожены, обнаружила свои следы. В ноябре пал Омск, оставленный правительством адмирала Колчака. Чехи, как и прежде «охраняли» железнодорожную линию. Их тогдашняя деятельность может быть правильно охарактеризована популярной тогда в армии песенкой, в которой были слова: «Наши с нашими воюют, чехи сахаром торгуют...»

Все надежды до крайнего изнеможения усталого фронта были направлены на успехи южной армии генерала Деникина, которая к этому

времени находилась в полном отступлении! Таким образом, наступала неизбежная катастрофа, которая на Восточном фронте присутствием чехов и их, и социалистов предательством была доведена до крайних пределов... Эти два фактора довели пути русских верных на Восточном те до ужасающих трудностей и страданий.

Армия отступала на восток, при чем естественно, при бедности дорогами Сибири, придерживалась железнодорожного пути. А железнодорожная линия была плотно закрыта «охраняющими» ее чехами. Поезда Верховного Правителя, вагоны с женщинами, детьми и стариками, которые должны были спасаться от красных банд, — не могли пробиться на восток, так как дорога была забита чехами. Таким образом, создавалась колоссальная пробка, пробить которую несчастные русские не имели никакой взможности и они попали между молотом, т. е. Красной армией и наковальней — чешскими легионами. По сторонам дороги развертывалась деятельность социалистов, которые в полном согласии с чехами организовывали непрестанные восстания.

Адмирал Колчак стоял перед неразрешимой задачей: каким образом мог бы он понудить чехов, либо пропустить отступающую армию, либо ускорить их уход на Владивосток, чтобы оттуда направить морем в новосозданную Версальскими победителями Чехословацкую республику?

В сущности говоря, целью чехов было тоже достигнуть Владивостока и погрузиться на суда... но при единстве идей являлась одна трудность: чешская добыча, награбленное ими достояние русского народа, забранное чехами с собой и которое белое правительство, естественно, должно было охранять от расхищения... Именно этим награбленным имуществом были наполнены 20.000 вагонов, не занятых, как это само собой понятно, 50.000 чешских легионеров.

Добыча была удивительной не только своим количеством, но и своим разнообразием. Чего только не имели чехи! Их склады ломились не только от массы русского обмундирования, оружия, материй, продовольствия и кож. Не удовлетворившись захватом государственных складов, чехи брали все, что попадалось им в руки, не взирая на то, кому данное имущество принадлежало. Металлы, все виды сырья, дорогие машины, породистые лошади — были объявлены чехами военной добычей. Одних только медицинских средств тащили с собой чехи более, чем на 3.000.000 золотых рублей. Резины на 40 миллионов рублей, в окрестностях Тюмени была награблена масса меди и т. д. Чехи не постыдились объявить военной добычей даже библиотеку и лаборатории Пермского университета. Точный учет стоимости награбленного был совершенно невозможен. По самому скромнейшему подсчету обошлась эта своеобразная «контрибуция» русскому народу во много сотен миллионов рублей. Часть этой добычи открыто продавалась, другая часть была погружена и предназначена для транспортирования в Чехию. Знаменитый «гений» чешских торговцев расцвел в Сибири пышным цветом. Во всяком случае этот вид торговли подходит очень близко к понятию об открытом грабеже, но чехи, как народ практичный, не были склонны считаться с подобного рода «предразсудками». Вдоль этих

обильных складов на колесах шла своим тернистым путем Белая армия раздетых, верных своей родине русских... они шли пешком и на санях, теряли своих командиров, своих родных и друзей, оставляя их замерзшими вдоль дороги. Адмирал Колчак наконец решил положить конец этому возмутительному образу действий чехов и приказал принять ряд мер, чтобы задержать их поезда за Байкалом в том случае, если они не поймут своей обязанности восстановить нормальное движение на железнодорожной линии. И он отдал еще второе приказание, и это было решающим — он приказал учредить комиссию (в которой должны были принять участие иностранные представители), и возложил на нее контроль всего того имущества, которое чехи должны были привезти с собою в своих бесчисленных вагонах во Владивосток. Это решение было смертным приговором, который адмирал подписал не только для себя, но и для всего белого движения в Сибири. Чтобы сохранить все награбленное, чехи были вынуждены свергнуть ненавистное им правительство, хотя бы во имя сохранения ими добычи. Для того, чтобы этого достичь, они сделали все. Забегая вперед, надо отметить, что первым распоряжением красных, захвативших у белых Иркутск, была телеграмма таможенному управлению во Владивосток: «без препятствий и без всякой проверки пропустить для погрузки на пароходы все, что чехи пожелают взять с собою, как признание их заслуг перед Россией». Это и была плата за их очередное предательство.

Белые армии отступали на восток, красные продолжали свое преследование. Далеко растянулись санитарные поезда с ранеными и поезда с беженцами. Много беззащитных стариков, женщин и детей было уничтожено красными, когда они настигали поезда, не имевшие никакой возможности пробить чешскую пробку. Еще более людей замерзало в неотапливаемых вагонах, умирало от простуды или же делалось жертвой неистовавшего при таких обстоятельствах тифа. На железнодорожной линии стояли настоящие поезда смерти — сытые чехи ехали медленно и осторожно на восток — они никого не брали в свои вагоны и никого не пропускали вперед... царило неописуемое отчаяние, виновниками которого были, главным образом, чехи.

Так предали они белое дело. Точно также предали они ненавистного и страшного для них Верховного Правителя — адмирала Колчака.

Адмирал, который также следовал на восток, отказался оставить поезд и уйти с своим окружением в Китай. К сожалению, он доверился чести французского генерала Жанена, главнокомандующего всеми иностранными войсками, которые находились в Сибири. Уже на полпути было уменьшено количество поездов, которые были предоставлены адмиралу, его штабу и запасам (которые тоже частично были ограблены чешскими «охранителями»). Число поездов было ограничено двумя. 18-го ноября, по прибытии на станцию Нижнеудинск, адмирал получил телеграмму от генерала Жанен, в которой последний предлагал Верховному Правителю перейти в один вагон и довериться чешской охране. В качестве «гарантии», на окнах вагона, который был предоставлен в распоряжение Верховного Правителя, по приказанию генерала Жанена было повешено пять флагов: Английский, Японский,

Соединенных Штатов Северной Америки, Чешский и Французский. Но эта многообещающая «охрана» не спасла ни жизни адмирала, ни... чести его «союзников». Когда поезд, к которому был прицеплен вагон адмирала, прибыл в Иркутск, к нему явился чешский офицер и сообщил ему, что чехи решили выдать его новому «революционному» правительству, образовавшемуся в городе Иркутске.

«Почему?» — спокойно спросил адмирал, пристально смотря на предателя.

«Революционное правительство Иркутска поставило вашу выдачу условием предоставления свободного пути для всех чешских поездов, следующих через Иркутск. Я получил приказ нашего генерала Сырового о вашей выдаче» — отвечал последний.

«Но генерал Жанен гарантировал мне свободное следование? А эти флаги...» — указал адмирал на пять флагов на окнах вагона. «Значит союзники меня предали!» — вырвалось у него.

Несколько часов спустя Верховный Правитель России, официально признанный своими «союзниками» был передан полубольшевистскому революционному правительству Иркутска. Оно было свержено несколькими днями позже и тогда плененный попал вместе с своим премьер-министром Пепеляевым в руки своих заклятых врагов-коммунистов. Голова адмирала Колчака была в руках чехов залогом и этот залог они использовали при первой же возможности... В противобольшевистской литературе имеется на это прямое указание. И не только это — иркутское правительство не знало, что ему делать с попавшим в его руки адмиралом — чехи не упустили возможности помочь им в этом их трудном положении: они к у д и в л е н и ю самих большевиков дали им возможность, (предоставив принадлежащую чехам телеграфную линию), передать революционному комитету в Иркутске приказ расстрелять адмирала... Это последнее предательство спасало их имущество и освобождало его от всякого контроля со стороны адмирала...

Большевики не дали себе труда даже инсценировать какую либо тень суда — 7-го февраля 1920 года адмирал Колчак и его министр Пепеляев были расстреляны во дворе иркутской тюрьмы. Есть сведения, что адмирал был настолько спокоен, что красноармейцы, смущенные его мужественным поведением, отказались стрелять. Тогда он с а м подал команду произвести залп, который положил конец его благородной жизни.

Чехи же увезли с собою вполне ими заслуженные серебрянники для того, чтобы положить прочную основу для «Банка чешских легионеров», который их обогатил и по сей день стоит в Праге на прочной финансовой базе... Заключается она в цене крови адмирала Колчака и всех тех, кто погиб в дни страшного сибирского отхода, происходившего во время суровой зимы 1919-1920 г.г., при сибирском холоде, более, чем в 40 градусов мороза по Реомюру.

Трудности характеризуются судьбой генерала Каппеля, одного из ближайших сотрудников адмирала Колчака, главнокомандующего армиями восточного фронта. Он умер во время похода от того, что отморозил себе ноги, от чего не смогли его охранить верные ему солдаты!

Армия, неся тяжелые потери, как в боях с красными, так еще больше в борьбе с суровой природой, медленно отходила на восток; время от времени она останавливалась и наносила сильные удары красным. Чехи отходили впереди всех, грабя население и буквально уничтожая военнопленных венгров и немцев — своих прежних боевых товарищей, имевших несчастье встретиться с ними на их «победоносном» пути. Тяжело пострадавшая Россия избавилась наконец от них в конце мая 1920 года.

Пути верных привели измученные белые войска к дальневосточной границе России. Это и было, в сущности говоря, ликвидацией белого восточного фронта. Еще в течение полутора лет пытались остатки белых армий установить нормальный порядок в занятых ими областях. Делались попытки образовать новое правительство, создавались новые войсковые части, — погибших вождей сменяли новые. Но все это носило уже местный характер и может быть только отчасти причислено к Белому движению в России, которое ставило себе целью свержение коммунистической власти в центре страны. Удаление дальневосточной границы не давало даже и при успехе делаемых попыток надежды, что это как нибудь повлияет на центральную власть России, захватившую страну — в лучшем случае, это могло иметь местное и при том, в виду внутренне русского и международного положения, только значение временное. В силу этого и пути верных на Восточном фронте пришли к тому, что и им пришлось покинуть родную страну и рассеяться по Манчжурии, Китаю и Японии и другим государствам восточной Азии, где в тяжелой тоске по родине они должны были зарабатывать горький хлеб изгнания.

V. СЕВЕР.

Попытки верных долгу русских спасти свою родину из рук интернациональной банды не ограничивались только боевыми действиями на юге России и в беспредельных просторах Сибири.

Как раз в то время, когда на юге Добровольческая армия, идя тяжелым путем второго Кубанского похода, почти достигла города Екатеринодара, осаждая который она в первый свой поход потеряла генерала Корнилова, а на Востоке правительство Омска еще до своего падения и передачи правительственной власти в руки адмирала Колчака, вело успешные бои и создавало Сибирскую армию — на крайнем Севере России в далеко удаленном от центра страны г. Архангельске, образовался новый фронт противобольшевистской борьбы.

Здесь, в отличие от других двух фронтов, особенно в начале борьбы, главную роль играли англичане. И на этот раз главной причиной почему Антанта протянула руку помощи русским патриотам для создания ими нового фронта, было опасение Германии и стремление создать на русской почве новый фронт вместо того, который был уничтожен миром в Брест-Литовске. Англичане опасались раньше всего, что Мурманск и Архангельск могут сделаться базой германских подводных лодок, действующих на путях связи с Россией, а кроме того они не жела-

ли допустить, чтобы Германия, при посредстве большевиков, использовала для себя громадные склады военного снаряжения, сосредоточенного на севере Императорским Российским правительством.

В своих стремлениях «обезопасить снаряжение» англичане шли очень далеко. Они могли расчитывать конечно образованием нового и притом далеко удаленного боевого фронта отвлечь внимание германского верховного командования от боевых линий на западном фронте. Менее всего были близки сердцу англичан интересы России, союзниками которой они были во время войны. Впоследствии, с развертыванием боевых действий на северном антибольшевистском фронте, выплыло на поверхность еще одно обстоятельство, которое весьма интересовало англичан, но не имело ничего общего с идейной стороной вопроса — англичан привлекал лес, который рос на безграничной поверхности северной России в громадном изобилии. Таким образом, англичане, которые помогали белым русским, не забывали и коммерческой стороны дела и не упускали случая спешно переправлять русский лес в Англию.

Однако, эти обстоятельства либо стали известны белым русским много позже, либо они игнорировались ими сознательно, потому что это давало им возможность извлечь из создавшегося положения известную пользу для родины на пути к образованию нового бевого фронта, чем затруднялось положение большевиков и повышались надежды на спасение страны. Следовательно было необходимым использовать хотя и сомнительную помощь англичан и только потом, уже в период борьбы, потребовать перевести ее на путь для России нужный и полезный. Другого выхода не было и положение надо было принимать таким, каким оно было, и позаботиться о том, чтобы извлечь из него возможно большую пользу.

Борьба на этом фронте велась в исключительно трудных условиях, так как крайний север России трудно проходим вне дорог и долин рек не только в период суровой зимы, но даже и летом. На всю территорию имелись всего две железнодорожные линии, которые шли с севера на юг, то есть, в направлении наступления против сидевших в центре большевиков — это была дорога от Архангельска на Москву и от самого северного пункта России Мурманска, который обладал незамерзающей гаванью, — на Петроград. Течение рек, которые в большинстве текли с юга на север, было в общем все же благоприятно.

Немедленно после захвата господства большевиками в центре страны — русские патриоты почти всех политических направлений начали постепенно подготовлять свержение враждебной власти. В середине лета 1918 года на севере появились русские офицеры и политические деятели. Большинство из них имело те или иные связи с французским или английским посольством в России, эти дипломатические миссии уже сами вели переговоры со своими правительствами об оказании помощи русским национальным боевым силам, если они считали их достаточно сильными для того, чтобы свергнуть большевиков. В последнем случае должны были быть высажены английские войска достаточной силы*).

---

*) Английские войска потому, что державы Антанты считали, Север России находящимся в сфере английского влияния.

К началу августа все было готово и надо было только дать сигнал к восстанию, которым должен был руководить капитан 2-го ранга Чаплин, живший в Архангельске, как английский офицер. В Мурманске большевистское правительство было представлено. «Областным Мурманским советом», в который вошли в достаточном количестве русские люди, стоявшие в прямой связи с иностранными посольствами. Члены иностранного дипломатического корпуса, в свое время покинувшие Москву, постепенно продвигались на север.

1-го августа, к большой радости населения, над городом появились первые вестники британских войск — английские гидропланы. Большевики в панике стали отходить на юг... 2-го августа русские добровольческие формирования повсеместно провели разоружение большевиков и при помощи нескольких орудий, которые попали в их руки, дело было сделано.

Радость населения, которое не могло сразу поверить в падение ненавистной власти, было безгранично. На правительственных зданиях вместо красной коммунистической тряпки развевался русский национальный флаг. Во главе страны стало новое правительство, возглавленное престарелым революционером Чайковским. Состав правительства был политически исключительно пестрым и это обстоятельство привело позже к осложнениям во внутренней жизни области, так как время от времени требовалось сделать разные перемены в составе представителей власти. В этих переменах сказывалось влияние враждебных социалистам-марксистам элементов. К ним в первую голову принадлежали право-настроенные офицерские круги.

Однако дессант, высаженный англичанами под командой генерала Пулль, был очень малосильным и это обстоятельство лишало вновь сформированные русские войска возможности продвинуться достаточно легко на юг. Кроме того англичане немедленно почувствовали себя господами в занятой ими области и начали действовать по своему усмотрению, что, естественно, повело к неизбежным столкновениям и осложнениям.

Борьба в северной области, бедной средствами, лишенной путей сообщения и с малочисленным населением, конечно, имела только второстепенное значение и в борьбе белых за освобождение России не могла иметь значения решающего. Значение созданных на севере военных сил сводилось к тому, что они могли, при успехе, оказать непосредственную помощь другим белым фронтам, то есть — правому флангу восточного фронта адмирала Колчака и левому флангу западного фронта генерала Юденича.

Поэтому все усилия русского командования на севере были направлены к тому, чтобы с одной стороны наступлением на юг отразить коммунистические полки, стремившиеся вернуть себе потерянное на севере господство, а с другой — всеми силами достигнуть связи с армиями адмирала Колчака, чтобы передать им запасы боевого снабжения и обмундирования, заготовленного при помощи англичан. В разграбленной чехами Сибири ощущался в этом большой недостаток.

А между тем ограниченность сил английского дессанта вела к то-

му, что наступление армии шло исключительно медленно и операции растягивались на долгие сроки.

Вследствие неизбежной несогласованности в действиях всех белых фронтов, которые были отрезаны один от другого бесконечными пространствами, своеобразной политики «помогавших» им представителей бывших союзников Великой России, а также вследствие инертности английского командования на севере России, так и не была решена задача, которая оправдала бы все жертвы русских верных и ясно показала бы значение северной области в общей борьбе.

Трудности во взаимоотношениях русского командования и английского генерала неизбежно должны были привести к крушению, а потом и к неудачному исходу предпринятой борьбы: окончание мировой войны лишило англичан какого либо интереса к начатому при их помощи предприятию. Им оставалось либо уйти и предоставить область произволу большевиков, либо остаться, но уже не для борьбы против большевиков, а для того, чтобы захватить политически и хозяйственно страну, ее колонизировать и использовать ее значительные природные богатства. На последний путь, естественно, не могло стать русское правительство и в этом направлении оно повело решительную политику против захватных планов англичан. Это, конечно, лишало русских английской помощи не только в военном отношении, но и в вопросах снабжения не только углем, но даже и хлебом и т. д. Весной 1919 года, в успешный период наступления армии адмирала Колчака, еще была надежда на плодотворное и планомерное сотрудничество с англичанами. Отступление армий Верховного Правителя России на восток имело для судьбы северного фронта решающие последствия... Англичане начали готовиться к отъезду... В августе 1919 года, в годовщину основания северного фронта, правительственная власть в этой области перешла в руки генерала Миллера (который позже, 22-го сентября 1937 года погиб в Париже), и в сентябре того же года, то есть в то время, когда армии генерала Деникина продвигались победоносно и заняли Киев и Курск, — англичане окончательно покинули тех, кого они сами именовали своими «союзниками» и предоставили их — их собственной судьбе.

Русские войска области были уже сформированы и, конечно, могли продолжать борьбу, в особенности же в том случае, если бы действия на других белых фронтах развивались успешно. Но все же уход англичан невольно внес начала деморализации и отчаяния в души борцов северного фронта, тем более, что англичане в сознании своей ответственности перед населением в том, что они сами втянули его в вооруженную борьбу против большевиков, давили на русское командование и старались убедить его в необходимости распустить войска, при условии, что «наиболее ответственные» офицеры и жители области будут увезены англичанами заграницу. В этом направлении англичане не останавливались ни перед какими средствами. Чтобы доказать правильность их точки зрения, они сеяли паническое настроение в войсках и среди населения, надеясь таким путем принудить русское правительство исполнить их волю и прекратить борьбу. Эта агитация повлекла

за собою тяжелые дни восстаний в войсках, что имело неблагоприятные последствия для судьбы области.

Командование, взявшее на себя обязательство вести на борьбу русских патриотов, которые возложили на себя добровольно крест служения родине, естественно не могло пойти по пути, избранному англичанами.

Пути верных были иными — по этим путям и пошли северные русские полки, не поддавшись в конечном счете ни уговорам, ни провокации англичан.

Англичане ушли. Но перед своим уходом они нашли еще время, чтобы нанести русскому делу последний и очень чувствительный удар. Под предлогом «опасения», что вновь сформированная армия не выдержит натиска большевиков и последним удастся захватить сосредоточенное в северных гаванях снабжение, — англичане перед своим уходом утопили все имущество в море... Таким образом, еще до того, как мог решиться вопрос обо всем имуществе и о том, могло ли оно вообще попасть в руки большевиков, оно было отнято «союзниками» от русских добровольцев, после ухода англичан вынужденных доставать все необходимое... со дна моря. Легко себе представить в каком виде возвращало море все то, что ему подарили англичане!

Конец 1919 года ознаменовался кризисом всех противобольшевистских фронтов и это обстоятельство раньше всего решило судьбу фронта северного, роль которого заключалась в том, чтобы быть связью между этими фронтами и помогать этим фронтам в тех или иных формах. Началась ликвидация, которая особенно затруднялась суровостью северной зимы. С величайшей осторожностью и большими потерями очищали белые боевые линии, когда то с большими потерями ими занятые, и отходили на север; чтобы уйти — кто знает куда и с какими надеждами... В глубоком снегу, по берегу Белого моря, на путях из Архангельска в Мурманск шли верные по своему последнему пути к гибели, становясь добычей либо красных палачей, либо страшных морозов. Только немногие, из последних сил достигнув северных гаваней, имели возможность погрузиться на суда и уйти в Норвегию, чтобы там, передохнув в специально для того созданных лагерях, потом распылиться на чужбине, без работы, без средств, связей и поддержки; они вынуждены были оставить на родине своих родных и друзей на произвол и суд большевицкой чеки.

Судьба все больше и больше разрушала усилие белых; она выдавала Россию в руки красных коммунистов, что создавало угрозу всей Европе, угрозу, которая не потеряла своего значения и по сей день.

VI. ЗАПАД.

Три антибольшевистских фронта окружали большевиков, захвативших правительственную власть в центре России, с юга, востока и севера. Фронты эти были отделены один от другого значительными пространствами, что объяснялось ограниченными силами этих фронтов и бесконечными расстояниями, свойственными России. На западной гра-

нице России, на протяжении многих километров оставался большой промежуток, ослабляя общее положение белых, и в центре этого промежутка находились военные силы вновь созданного Польского государства. Если бы эти силы присоединились к общему антибольшевистскому фронту, что впоследствии, в 1920 году, сохранило бы самую Польшу от красного нападения, то не оставалось бы ничего иного, как дотянуть левый фланг войск генерала Деникина до Польских армий, что в действительности и произошло, и завершить охватывающий большевиков круг на северо-западной границе России в Прибалтике. Это тоже совершилось, но никогда, никакие польские части не приняли никакого участия в общем противобольшевистском движении и может быть именно это обстоятельство было тем якорем спасения, на котором удержалась советская власть во время наступления белых.

Первый шаг для образования белого фронта в Прибалтике был сделан Германским командованием в Пскове, в начале октября 1918 года, в то время, когда на юге, незадолго до этого, в Екатеринодаре, наконец занятом добровольцами, умер основоположник Белого движения генерал Алексеев, на востоке — будущий Верховный Правитель России адмирал Колчак, еще как военный министр Сибирского правительства, прибыл в Омск и на севере было образовано временное правительство области во главе с Чайковским. Повсюду шла лихорадочная работа, всюду создавались и концентрировались военные силы, которые готовились к своей задаче — спасти Россию от красного зла — тогда именно началась работа и на западе страны.

10-го октября 1918 года, с официального разрешения Германского командования, с одной стороны предвидевшего возможность очищения германскими армиями районы г. Пскова, а с другой — понимавшего, что коммунистическое зло, есть зло не только для России, но что распространение его может грозить и Германии — в г. Пскове, а затем и в ближайших к нему городках были открыты вербовочные бюро, призывавшие русских офицеров вступить в ряды «Северной армии», во главе которой должен был стать популярный русский генерал от кавалерии граф Келлер, так, к сожалению, никогда не занявший предназначенного ему поста. Задержанный вихрем революции в Киеве, он в декабре того же года, вместе со своим адъютантом был зарублен на одной из площадей города украинскими самостийниками, временно захватившими власть в этом городе.

Во главе новых формирований стал генерал Вандамм. Германское командование помогло юной армии, снабдив ее по возможности обмундированием, денежными средствами и оружием. Уже к концу первой недели одно только псковское бюро могло отметить приток в 1500 добровольцев, из которых 40 процентов составляло русское офицерство, повсюду добровольно пополнявшее противобольшевистские войска — остальные были солдаты. При помощи Германского командования дело шло быстро вперед. Известный приток получался путем вливания солдат и офицеров из большевистских рядов, куда они были поставлены силой.

Первый болезненный удар нанесла новому делу революция в Гер-

мании. Германское командование увидело, что оно не в силах далее поддерживать начатое дело. Новое революционное правительство не имело желания продолжать его. К тому же, под давлением версальских победителей, Германской армии было необходимо спешно очистить Псковскую область. Русской белой армии приходилось одной вести борьбу против большевиков. Без всякой внешней помощи и к тому же еще не закончив свою организацию и формирование.

Уже в ноябре дралась молодая армия с наступавшими большевистскими полками и была вынуждена, вместе с отступавшими германскими войсками отойти в Эстонию, где она соединилась с новой армией Эстонской республики и подчинилась ее командованию.

В этот период интересы русских белых и эстонцев были одинаковы — волна большевизма, которая залила Россию, естественно грозила также и молодой Эстонской республике. Но одновременно эта Белая армия, так же как и армия северного фронта, подпала под английское влияние. В Эстонии англичане действовали также в достаточной мере самовольно.

При описании боев на балтийском фронте необходимо отметить также и те антибольшевистские формирования, которые, помимо формирований в Пскове, были вызваны к жизни немцами. В своем стремлении так или иначе принять участие в противокоммунистической борьбе, германское командование в январе 1919 г. сорганизовало в Латвии немецких добровольцев, которые приняли участие в борьбе под именем «Балтийского Ландесвера». В той же области скопилось тогда значительное число русских офицеров, которые, не имея прямых связей с Прибалтикой, желали предоставить свои силы для общей борьбы. При помощи Германского командования и при поддержке особого бюро в Берлине, которое взяло на себя эту задачу, были сформированы в южной Прибалтике две группы: «Либавская добровольческая группа», которая более известна под названием «Ливенской группы», получившей это наименование по имени своего руководителя Светлейшего князя Ливена, и «Группа генерала графа Келлера», во главе которой общим руководителем всех немецких формирований в южной Прибалтике графом фон-дер Гольц, был поставлен полковник Бермонт-Авалов. Эти новые формирования, богато снабженные немцами и усиленные немецкими солдатами, надеявшимися за свои военные заслуги получить возможность осесть на земле в Курляндии и в тех странах, которые они могли бы еще захватить, вызвали естественно опасливое и ревнивое отношение со стороны английских представителей, находившихся тогда в Ревеле. В конце концов группа князя Ливена подчинилась требованиям главы всех белых формирований балтийского фронта генерала Юденича и соединилась с главными силами белых в героических боях под Нарвой и Ямбургом. Группа же Бермонт-Авалова не подчинилась этому приказу, приняла название «Западная Добровольческая армия», и никогда не сражалась на антибольшевистском фронте, предприняв свое самостоятельное неудачное наступление против латышей на Ригу, а потом была вынуждена отойти в Германию и там расформироваться, чем и закончила свою деятельность.

Белая «Северная армия» отошла в Эстонию и после того, как она, пройдя ряд наименований, превратилась в «Северный корпус», она во главе с гнералом Родзянко в союзе с Эстонскими войсками перешла в наступление, с трудом продвигаясь на восток, имея кровавые бои с большевиками. Сразу же стала заметной недостача продовольствия, которое не было во время доставлено английскими представителями; была заметна и молодость новой армии — она еще не была прочно организованной силой. Но и здесь, как и на других белых фронтах, недостатки организации и снабжения возмещались личным мужеством тех, кто добровольно заполнял ряды новых формирований и по собственному желанию шел по путям верных, обозначенных по всем границам России кровавой чертой, путем, который, как надеялись добровольцы, приведет к спасению России от коммунистической власти.

В мае 1919 года корпус генерала Родзянко сражался с успехом в районе города Ямбурга и в том же месяце занял Псков, где армия в свое время родилась и который она в ноябре 1918 года, под давлением большевистских частей должна была очистить. Белые войска покинули Эстонию и находились на древней русской территории. Это привело к тому, что подчинение корпуса Эстонскому командованию стало ненормальным. Следовало во главе всего предприятия поставить русского человека — таковым и явился генерал Юденич, известный своими победами на Кавказе во время Мировой войны. Его назначение «Главнокомандующим Западным фронтом» исходило от Верховного Правителя России адмирала Колчака.

Положение белых становилось затруднительным, так как в их рядах находились эстонские части, благонадежность которых становилась весьма сомнительной вследствие того, что подготовлялось заключение мира между Эстонией и Советской Россией. Тыл армии опирался на новую эстонскую границу; большое влияние на судьбу армии имели англичане, которые обещали ей всяческую помощь, до содействия их боевого флота включительно, но уже в предвидении этой помощи вмешивались в чисто русские дела. В этом направлении английский представитель дошел до крайности, так как он позволил себе поставить ультиматум генералу Юденичу, требуя от него образовать правительство области... в 40 минут. Естественно, что подобные меры не улучшали ни русско-английские, ни русско-эстонские взаимоотношения, а все результаты такого положения раньше всего отражались на многострадальной русской армии.

В октябре 1919 года обстоятельства требовали спешного перехода в наступление, хотя для этого далеко еще не все было подготовлено. Повсеместно, на всех белых фронтах добровольцы должны были своею кровью восполнять недостатки политики и стратегии. Также было, конечно, и на Западном фронте. Приближалась зима — несчастное население Петрограда, жестоко страдавшее от террора большевиков, должно было страдать еще и от голода. Подвоз необходимого пропитания был возможен только морем, которое могло замерзнуть — надо было спешить. Противобольшевисткие элементы, которые уже сорганизовались в самом Петрограде и впоследствии заплатили тяжелыми му-

ками и самой своей жизнью за их жертвенность, просили о скорейшем продвижении. Эстония стояла перед заключением мира с большевиками. Армии генерала Деникина победоносно продвигались к Москве, отвлекали на себя внимание большевиков, англичане определенно обещали помощь своего флота левому флангу молодой армии. На обоих флангах белых стояли союзные эстонские полки. Дух молодой армии требовал наступления и героических действий, надо было решаться на последний удар, надо было напречь все силы, чтобы достигнуть решения главной задачи, которая стояла перед полками армии генерала Юденича — занятие Петрограда, что было бы тяжелым моральным ударом для врага.

13-го октября Северо-Западная армия перешла в наступление, которое еще в сентябре было заботливо подготовлено рядом боевых столкновений.

Наступление велось с большим воодушевлением и разворачивалось с успехом. Колонны Белой армии наступали вперед и во второй половине октября достигли района бывших летних стоянок русской Императорской армии и заняли: Павловск, Царское Село, Красное Село. Солдаты уже видели купола Петроградских соборов, казалось, что преследуемая армией цель уже настолько близка, что она без сомнения будет достигнута. Полки горели желанием сражаться, жители занимаемых и освобождаемых городов и деревень встречали их с восторгом. Но всякое напряжение сил имеет свой предел... и это обстоятельство становилось заметным. 23-го октября один из полков в центре боевого фронта не выдержал и отошел... Силы других полков сдали, они тоже начали отходить, резервов у белых не было и они не могли их иметь — все, что имела белая армия в своих рядах, было уже брошено в бой. Инициатива перешла к красным, которые имели в своем распоряжении неисчерпаемую массу запасов в человеческом и материальном снабжении всей России и ранее всего имели в своем распоряжении бронированные поезда, которые, действуя в богатом железнодорожными путями при петроградском районе, были для белых очень опасны. Предоставленные белым англичанами танки были попросту старой рухлядью — с их слабыми моторами, они не были в силах действовать на мокрых осенних дорогах. К присланным теми же англичанами орудиям кто-то еще в Англии «позабыл» прислать замки, без которых конечно стрелять они не могли.

Образ действий эстонского правительства при первом же намеке на неуспех белых становился определенно неприязненным. Расположение эстонских полков на обоих флангах белой армии делало положение этих флангов мало надежным и даже угрожаемым. Нельзя не вспомнить одного боевого эпизода на крайнем левом фланге белых, эпизода, который, вероятно послужил одним из оснований поражения белых. Гарнизон советского укрепленного пункта «Красная горка», уже некоторое время вел переговоры с белыми и готовился перейти на их сторону. Как раз в момент решительного наступления белых — он послал к ним депутацию для окончательных переговоров. Однако, депутация эта попала не к русским, а к эстонским войскам — депутация соглашалась, чтобы гарнизон сдался только русским; эстонцы на это не соглашались и

попытка окончилась тем, что эстонцы просто расстреляли депутацию. Эта бессмысленная жестокость потрясла гарнизон и в самый трудный для большевиков момент сохранила им укрепленный пункт. Английское правительство, которое определенно обещало содействие своего флота на море, что весьма затруднило бы положение большевиков, не только не выполнило своего обещания, но напротив, английский флот не был даже в состоянии подавить огонь красных судов, которые помогали своему фронту и наносили значительные потери белым... В то же время красное командование сосредоточило, используя все средства страны, все свои резервы на флангах белых и ввело в бой все свои силы, до курсантов, которые конечно защищали советскую власть, включительно; путем террора мобилизовало красноармейцев, понуждая их к наступлению пулеметным огнем в их спины... так наступила неизбежная перемена и в начале ноября началось отступление белых на запад... К 14-му ноября белые не имели в своем распоряжении ни одного города и были прижаты к эстонской границе... началась мучительная агония белой армии.

Расположенные к белым элементы в эстонском правительстве были к этому времени заменены элементами шовинистическими, которые принятыми ими мерами превратили поражение армии в трагическую катастрофу. Прижатая к границе белая армия была еще перегружена наличием при ней семей бойцов и гражданским населением, присоединившимся к армии, чтобы избегнуть большевистского террора, она жестоко страдала от холода и голода и шла к уничтожению вследствие свирепствовавшего в ее рядах сыпного тифа... Командование должно было соглашаться на все условия эстонцев, как бы они тяжелы ни были. Северозападная армия прекратила свое существование и умерла в страшных муках. Пропущенные на эстонскую территорию бойцы, были вынуждены работать на лесных работах и в невероятных условиях поплатились они своим здоровьем и своими жизнями только за то, что они не изменили своей родине, остались ей верными до конца и во имя ее спасения приняли на себя страдания и смерть.

Январь 1919 года принес объяснение непонятному поведению эстонцев. 3-го января было заключено перемирие между красными и эстонцами — мир был предрешен и это конечно лишало эстонцев всякой заинтересованности в судьбе белых; конец января принес с собой ликвидацию всех учреждений Северозападной армии. Это достижение совпало с заключением Совето-Эстонского мирного договора в Юрьеве. В ликвидации Северозападной армии, при невозможности использовать ее где либо для продолжения борьбы против большевиков, решающую роль играла Эстония.

VII. КРЫМ.

Так сражались русские верные, или, как их в России называли « б е л ы е », не думая ни о себе, ни о своих семьях, на всех границах России за счастье родины, стремясь спасти ее из рук узурпаторов, слуг III-го Интернационала. Они сражались с бесконечными трудностями, не имея достаточно даже боевых средств, в то время, как красные име-

ли в своем распоряжении все запасы, собранные еще Императорской властью. Судьба всех фронтов, добровольно объединившихся под властью Верховного Правителя России адмирала Колчака, признанного в этом звании представителями государств Антанты и потом ими же преданного, была исключительно жестокой. К началу 1920 года все эти фронты были на пути к полной ликвидации и конец февраля закончил их существование. Пролитая большевиками кровь адмирала Колчака как бы подчеркнула конец белых в России.

Но все же на одной границе России, на юге, в Крыму сопротивление белых еще не было прекращено и потому большевики еще не могли праздновать полную победу.

На маленькой территории Крымского полуострова в начале 1920 года сконцентрировались собравшиеся со всех гаваней Черного моря полуодетые и почти невооруженные остатки армии генерала Деникина.

Громадные запасы одежды и снаряжения были брошены в южной России и не было никаких средств одеть и снабдить голую и почти безоружную армию. Было достаточно ружей, но не хватало пулеметов и пушек. Почти все танки, бронированные машины и аэропланы были оставлены в руках противника. Небольшое число спасенных броне-автомобилей не могло быть использовано, так как бензина вообще не было. Огнестрельных припасов, а в особенности снарядов могло хватить только на короткое время.

Нельзя было перевозить орудия, так как не было лошадей. Природные конники-казаки были вынуждены перед переездом в Крым собственной рукой убивать своих лошадей, чтобы их боевые товарищи не стали добычей красного врага. В бедном лошадьми Крыму не было никакой возможности пополнить конский состав, в особенности в виду приближения весенних полевых работ... Почти все воинские части, которые были переброшены в Крым, — потеряли свои обозы. Остатки армии были сильно деморализованы и даже командование стояло перед серьезными сомнениями... Сам генерал Деникин, который стоял во главе армии в Крыму, повидимому потерял энергию для дальнейшей борьбы и не имел веры в свою армию. Армия платила ему тем же — она потеряла веру в своего вождя... Положение было катастрофическое, нужен был человек, который обладал бы особыми качествами и сильной волей, чтобы спасти армию от полного развала и уничтожения силами Красной армии, которая стояла перед входами в Крым... И такой человек нашелся — это был генерал барон Петр Врангель.

Генерал Деникин правильно оценил создавшееся положение и пришел к заключению, что он обязан сложить с себя верховное руководство армией. Он созвал военный совет для выбора себе преемника. Но члены военного совета отклонили выборы, как систему, которая сыграла исключительно отрицательную роль в разложении старой Русской Императорской армии. Они указали генералу Деникину, что единственным человеком, который, по их мнению, может спасти положение, является генерал Врангель. Генерал Деникин подчинился их решению, и назначив своим приказом генерала Врангеля своим преемником — Глав-

нокомандующим Вооруженными силами Юга России — удалился в Англию.

Тяжелое наследство принял новый Главнокомандующий. Международное положение армии было нелегким: вместо того, чтобы спешить на помощь многострадальной армии, англичане, как и всегда, предъявили ультиматум: начать мирные переговоры с большевиками, при чем они обещали свое содействие для достижения амнистии со стороны советского правительства для солдат и убежище вне России для Главнокомандующего и его штаба... отказ подчиниться условиям ультиматума означал прекращение всякой помощи со стороны англичан!

Для генерала Врангеля ответ был ясен — он отказался от непрошенной «помощи» англичан, отклонил ультиматум и после того, как он привел в порядок армию — перешел в наступление... но для этого генерал Врангель должен был провести гигантскую работу по упорядоточению полученного им наследия.

Блестящий кавалерийский начальник, первый кавалер ордена Святого Великомученника и Победоносца Георгия, в самом начале Мировой войны, один из победоносных вождей белых в период командования Южными армиями генерала Деникина, кумир офицеров, солдат и казаков, — он ясно представлял себе положение, в которое он попал, он был совершенно искренен, когда в ответ на заключение, что только он один может взять на себя все тяготы управления, ответил: «Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность Главнокомандующего». Он шел не к празднику власти — он возложил на свои плечи еще более тяжкий крест служения родине, чем кто-либо из белых бойцов.

Он знал самого себя, он не ошибался также и в своих соратниках, которые с первого же дня его командования в Крыму были ему верными помощниками в проведении в жизнь его трудной задачи.

Необходимо было привести в порядок армию, нужно было ее одеть и вооружить, надо было дать лошадей всадникам, надо было достать снаряжение, патроны, седла, повозки... все то, без чего армия, даже состоящая из героев, не могла быть армией, и оставалась бы только толпой. Большую часть всего необходимого для армии можно было получить только... от противника, силой оружия, перейдя в наступление. Но и после того как были удовлетворены самые насущные потребности, положение все еще оставалось тяжелым — бедный снабжением Крым и в мирное время жил на средства северной Таврии и при том надо было учитывать, что население полуострова сильно увеличилось в долгие годы суровой гражданской войны. Хозяйственный аппарат конечно не мог прокормить армию и население. В городах южного берега Крыма уже с первых же дней, вследствие затруднения в подвозе, не хватало хлеба. Цены на хлеб росли безостановочно. Совершенно не хватало необходимых жиров.

Началась исключительная работа... Армия приводилась в порядок. Оскорбительный ультиматум англичан произвел впечатление обратное

тому, которое они от него ожидали. Белые возмутились тем, что англичане хотели предать их тем, кого они считали врагами Родины. Гордый отказ генерала Врангеля выполнить требование ультиматума ясно показал армии, что во главе ее стал решительный и достойный вождь. Он видел только один достойный выход из беспримерно тяжелого положения — наступление! Этот выход и был им раньше всего использован.

При своих приготовлениях к наступлению генерал Врангель не забыл и моральной стороны подготовки армии, он не забыл дать ответ на вопросы, которые естественно стали перед бойцами за родину, вопросы духовного, внутреннего свойства. Наступление было назначено на май и поэтому 20-го мая им был отдан приказ, который может быть принят как образец подобного рода обращений, почему он здесь и приводится полностью:

ВОЗЗВАНИЕ.

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:
За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.
За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших Святую Русь.
За прекращение междоусобной брани.
За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.
За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.
За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе
Хозяина!
Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель.

В этом воззвании слышится глубокая вера в права белых! В нем заключается целая социальная программа. В первый раз на протяжении белого движения слова Вождя проникали так глубоко в души участников борьбы.

Интересно отметить, что в белом Крыму, может быть после всего пережитого, а может быть и под влиянием приведенного выше воззвания, выявилось совершенно своеобразное религиозное настроение, которое вылилось в экзальтированный план в народных массах — двинуться на север, против большевиков, на их окопы, пулеметы и орудия — крестным ходом, неся перед собою кресты, иконы и хоругви.... Защитники этого своеобразного плана верили, что народная масса будет присоединяться к ним по мере продвижения и своей численностью сметет большевиков... Конечно, план этот был неприменим к реальной жизни, так как не было решительно никаких оснований сомневаться в том, что коммунисты и большевики, которые презрели Бога, родину, религию и были пронизаны сильной еврейской прослойкой в своих рядах, остановились бы перед уничтоженіем любого числа верующих снарядами и пулеметами. Последующие годы коммуни-

стического хозяйствования в стране ясно показали, что к о л и ч е с т в о уничтоженного большевистским террором населения России границ не имеет.

Само собою разумеется, что осуществление этого плана разрешено не было.

В период подготовки армии к наступлению новый главнокомандующий развернул беспримерную работу, чтобы в осажденной крепости, каковой в сущности говоря и являлся Крым, установить не только нормальное положение, но и сделать его, если можно так выразиться — образцом для всей страдающей под игом марксизма России.

Упорный и энергичный генерал Врангель «искал» буквально отдельных людей, которые могли бы помочь ему в выполнении задачи, которую он поставил себе и своим сотрудникам ясно и определенно «спасти родину»... Он их искал, он их брал и старался их использовать. Он брал их не только среди тех, кто находился тогда в Крыму. Он связывался с русскими политическими деятелями, финансистами и учеными, которые бурей русской революции были раскиданы по всей Европе. Он приглашал их в Крым, он созывал съезды, решал вопросы внутренней политики, в том числе и вопрос, разрешение, или вернее, НЕразрешение которого привело к русской революции — вопроса земельного, имевшего наибольшее значение среди всех русских государственных вопросов. Он обнародовал тщательно разработанный «Приказ о земле». Провести этот вопрос ему суждено не было, но надо предполагать, в будущей, освобожденной России, его решение будет положено в основу всей земельной политики страны.

Крым кипел. Все работало. Все, начиная с главнокомандующего, который был буквально неутомим и появлялся повсюду, готовились к героическим делам, может быть и последним...

В начале июня армия генерала Врангеля перешла в наступление. Она сражалась за обладание выходами из Крымского полуострова в Северную Таврию. Этот момент естественно отразился немедленно на международном положении белых. Англичане соответственно своему ультиматуму — умыли руки. Французы....? Французы не последовали примеру своего старого союзника, потому что как раз в это время они помогали польской армии и потому наступление генерала Врангеля на Юге — соответствовало их планам. Их предательство было пока что отодвинуто на неопределенное время. Долго ждать этого не пришлось. Но в тот момент армия генерала Врангеля была им нужна и потому правительство генерала Врангеля было оффициально признано Францией, пославшей своего представителя в Севастополь. На самом деле эта посылка и была единственной «помощью», которую Франция оказала тогда белым.

Наступление развивалось успешно. Армия генерала Врангеля заняла новое пространство, а также, что в данном случае было более значительно, — захватила продовольственные запасы красных. Запасы эти были переброшены в полуголодный Крым. В конце июня белые разбили на голову красную конницу, которая стремилась отрезать им обратную дорогу на полуостров. В августе была предпринята отчаянная

попытка придти на помощь донским и кубанским казакам, в своих областях стремившимся освободиться от ненавистной им красной власти. Все силы белых были введены в бой, все было поставлено на карту для освобождения родины. В белых рядах, в белых полках были офицеры и солдаты, которые дрались тогда уже шесть лет, так как гражданская война в России началась в те дни, когда буря Мировой войны еще не затихла. Если учесть в добавок к тяжелым переживаниям на фронтах и добавить к ним то, что принесла двойная революция в феврале и октябре 1917 года, если сложить все, что пережили русские в тот проклятый период, когда все разновидности марксистской власти раньше всего своим наибольшим врагом считали русского офицера — то легко будет понять ту бесконечную усталость, которую должны были чувствовать лучшие бойцы белого фронта, лучшие из верных, так бесконечно долго задержавшихся на путях к освобождению Родины!

Однако, несмотря на все трудности и физическое напряжение, выпавшие на долю Белой армии, армия сражалась, и сражалась успешно, твердо веря в своего вождя и кто знает, быть может маленькая армия генерала Врангеля была ближе к достижению своей цели, чем громадная армия адмирала Колчака, разлагаемая социалистической пропагандой в ее тылу.

Судьба вмешивалась и решала вопросы всегда в последнюю минуту и почти всегда это решение исходило от иностранной власти, в жертву которой приносились интересы белых. Так было и на этот раз — французы, которые с одной стороны «признали» правительство генерала Врангеля и прислали к нему своего представителя, — с другой стороны спасали польскую армию у Варшавы, что, конечно, было только нормально. Но они не остановились на этом и побуждали своих польских союзников к переговорам с большевиками, наступление против которых генерала Врангеля они поддерживали сами. В начале октября в красных линиях против Крыма появились большевистские дивизии, переброшенные из-под Варшавы, и были намечены мирные переговоры между большевиками и поляками в Риге. По неизвестным причинам большевики были уверены в том, что переговоры приведут к заключению мира и не только продолжали переброску своих сил на южный фронт, но мобилизовали под лозунгом «Все против Врангеля» для последнего наступления самые надежные свои части до курсантов, частей особого назначения и т. п. включительно.

Всякой силе надо по крайней мере противопоставить другую силу. В Крыму это было недостижимо. Увеличить Белую армию было совершенно невозможно. Генерал Врангель ясно видел, что приближается последний час героической борьбы русских в России. И так как он предвидел это новое положение и в то же время хорошо помнил ужасы прежних эвакуаций из гаваней Черного моря, — он, в полной тайне, предпринял шаги для обеспечения армии судами, снабжения всех судов водой, хлебом и всем, что необходимо для длительного путешествия в неизвестное... Оставленная всем миром, лишенная крова Белая армия, которая боролась не только за русское дело, но и за дело всего мира, должна была в ближайшее время покинуть родину. Судьба опять играла

гнусную игру: в безграничных просторах России не было места для людей, которые Россию любили больше, чем самих себя.

Близился конец белой борьбы в России. Пути верных приводили их на чужбину.

В середине ноября, под давлением превосходных сил красных, белые вынуждены были отойти из Северной Таврии в Крым и непосредственной задачей армии стало прикрытие посадки армии на суда, заранее приготовленные распоряжением генерала Врангеля. Раньше всего должны были быть погруженными раненые, больные, семьи бойцов и гражданское население, имевшее основание опасаться мести красных, которые каждый день могли вторгнуться в Крым.

Когда последний русский главнокомандующий, в своем последнем приказе, отданном на последнем клочке русской земли говорит о том, что: «для исполнения обязанностей по отношению к армии и населению сделано все, что было в человеческих силах», он говорил полную правду. Также правдиво обрисовал он в этом же приказе и будущее, которое ожидало армию: «Наши дальнейшие пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. У нас нет никакой казны. Откровенно говорю я каждому то, что нас ожидает».

15-го ноября началось выполнение приказа об эвакуации, сначала гражданским населением, а потом и армией, в гаванях Крыма. В последний момент армия заняла позиции на исторической линии обороны, на которой русские полки дрались под Севастополем в 1854 году против англичан и французов. На этой же самой линии в последний раз на русской почве сражались белые русские против русских красных.

В эвакуации приняло участие 150.000 русских, из которых 70.000 с оружием в руках сражались против красного зла, грозившего всему миру и которое на время задержалось в России. Главнокомандующий генерал Врангель на борту русского крейсера объехал все гавани и ушел последним. Люди, которые не только стояли перед полной неизвестностью, но потеряли свое имущество, всех своих родных и все свое будущее и переполнили суда до такой степени, что они не могли ни лежать, ни сидеть, а должны были стоять, больные и раненые с простреленной грудью — приветствовали своего вождя бурными криками «ура». Понесенное поражение не помешало армии признать его героизм и понять, что он, как и обещал им в момент запоздалого приема им власти — испить чашу унижения и «сделать все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения», сдержал свое обещание. Если он и не смог достичь победы, то он спас честь страны и не сдался на милость красного врага.

15-го ноября опустился занавес не только над семимесячной борьбой Русской армии генерала Врангеля, он опустился и над эпической борьбой, которую вели русские верные, русские б е л ы е, против кровавого ига, овладевшего Россией, на всех четырех фронтах Гражданской войны. Все эти четыре фронта были между собою связаны и представляли собой одно целое, несмотря на громадное удаление одного фронта от другого и часто полного отсутствия связи между ними.

Полуторастотысячная масса русских патриотов, новая плавучая

Россия ушла в неизвестное. Сам генерал Врангель пишет в своих мемуарах, где он описывает свою деятельность во время Мировой и Гражданской войны, которые были изданы после его смерти, об этом тяжелом моменте так:

«Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний. Прощай Родина!»

Он был прав — он навсегда простился с родиной: он умер на чужбине в 1928 году.

VIII. ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ.

Неудача, которую потерпело Белое движение в России, или вернее сказать — неудача вооруженного выступления белых, так как, как это ни замечательно, но уничтожение белых фронтов в России в 1920 году не остановило Белого движения, — привело к укреплению коммунистической власти в России на десятилетия. И потому историк, который исследует судьбы русской революции, должен также установить причины неудачи белого оружия.

В рукописи моей статьи «Пути Верных» я останавливался на этом вопросе и посвятил ему несколько страниц, излагая в них в несколько сокращенном виде мои окончательные выводы.

Теперь же, в сборнике статей приводится моя статья, специально посвященная вопросу о «Причинах неудачи вооруженного выступления белых», где вопрос этот разбирается мною с доступной мне тогда полнотой. Поэтому, чтобы не повторяться, я позволяю себе, главу о «Причинах неудачи» в настоящей статье выпустить совсем и обратить внимание читателей сборника, интересующихся именно этим вопросом — на страницы сборника*) посвященные вопросу, которому должна была бы быть посвящена пропущенная глава.

Автор.

IX. ЗА РУБЕЖОМ.

Белые фронты прекратили свое существование. Бойцы белых рядов, русские верные были вынуждены покинуть пределы своего отечества и находились на чужбине...

Участники боев на восточном фронте временно задержались на дальневосточной окраине России и делали последние попытки удержать последний кусочек русской земли свободным от красной волны, затопившей всю Россию. Но эти попытки носили уже местный характер и не могли иметь того значения для всей страны, каковой могла иметь успешная деятельность генерала Врангеля в Крыму. В заключение коммунистическая власть распространилась также и на Дальний Восток до Желтого моря и Тихого океана и последние бойцы армий адмирала Колчака оказались в Японии и в Китае. Бойцы северного фронта гене-

*) Стр. 69-88.

рала Миллера попали в Норвегию и распространились потом по всей Европе. Те, кто принимал участие на западном фронте генерала Юденича, после того, как им удалось освободиться от тяжких работ в лесах Эстонии — ушли в соседние страны. Все фронты распылились и только, вывезенная генералом Врангелем, из Крыма армия осталась объединенной и вместе с беженцами, которые присоединились к армии, образовала «плавающую Россию» в водах Босфора и Мраморного моря. В виду того, что англичане уже раньше оставили генерала Врангеля и отказали его армии в какой-либо помощи в тяжелые дни очищения Крыма — армия попала в распоряжение французских оккупационных войск того времени в Турции, и надо признать, что французы в трагическую минуту эвакуации помогли армии, хотя, конечно, и не без того, чтобы за это взять себе плату, покрывшую как прошлые, так и настоящие и даже будущие расходы. Во французские руки попали все запасы, которые взял с собой генерал Врангель из России, до судов включительно. При таком способе действий — спасение белой армии из Крыма представляло собою для иностранцев доходное предприятие. Генерал Врангель выполнил свой долг и спас людей, которые ему доверились, от произвола большевистских палачей. Они заняли Крым и начало своей власти на полуострове ознаменовали тем, что уничтожили всех, кто по каким-либо причинам не имел возможности уйти вместе с армией. Такая же судьба постигла и тех, кто остался, поверив большевистским обещаниям, провозглашенным по радио и распространявшимся всеми способами в момент эвакуации большевистскими агентами в Крыму. Венгерский палач Бела Кун, которому Троцкий поручил ликвидацию крымского фронта, казнил до 15.000 человек как военных, так и из числа гражданского населения.

На Босфоре со всем своим значением встал вопрос о том, что должно случиться с армией дальше. Французское командование в занятых им областях было очень склонно сложить с себя всякую ответственность за вывезенных им же людей. Раньше всего оно стремилось отделить генерала Врангеля от армии и потому предлагало ему обеспеченную жизнь в западной Европе...

Генерал Врангель решительно отверг это предложение, он считал свою задачу еще не выполненной и свои обязанности по отношению к армии незаконченными. Он не соглашался, как того от него требовали французы «уйти на покой». Хотя он и потерпел поражение, — он не перестал считать себя вождем белых и не оставлял мысли, что когда-либо лучшие элементы русских верных могут быть еще использованы для продолжения борьбы против коммунистической власти в России.

Он не считал борьбу законченной... армия признала героический образ действий своего вождя и поддержала его полностью. Она не верила обещаниям французских представителей, которые сначала уговаривали офицеров и солдат покинуть ряды армии и подобно всем остальным бойцам белых фронтов, рассеяться по Европе, потом манила их обещаниями, перспективой вернуть в Россию и быть «амнистированными» большевиками или же переселиться в Бразилию для самостоятельной (?) работы на кофейных плантациях. Ничего не

помогало — армия оставалась верной своему вождю. Она была перевезена французским военным командованием в лагери на полуостров Галлиполи и на остров Лемнос, но осталась армией. Она продолжала свою военную подготовку, заменила стальные пушки деревянными и классные доски — палаточными полотнищами и углем... Французы перешли к реальной политике и начали сокращать ежедневный рацион, который, в сущности говоря, уже раньше передачей имущества армии — был ею заранее оплачен.

Такое положение могло стать невыносимым, — несмотря на все меры со стороны французского командования, армия частично сохранила свое оружие и могли создаться враждебные столкновения, что и случилось в лагере в Чаталдже под Константинополем.

В этот опасный период генерал Врангель, находясь на небольшой русской яхте «Лукулл», единственной из всего флота, оставшейся в его распоряжении, один на Босфоре вел жестокую борьбу против могущественных и сильных представителей Франции, оказывая сопротивление их попыткам рассеять армию не только по всей Европе, но и на пространстве от СССР до Бразилии. Поддержанный слепо доверявшей ему армией, твердо веря в самого себя и в своих соратников, — он боролся за существование своей армии и настаивал на ее целостном(?) поселении на Балканах, куда ее, после переговоров с представителями генерала Врангеля, согласны были принять правительства Югославии и Болгарии. Несмотря на громадное неравенство в силах, французы должны были уступить и все попытки как большевистских агентов, так и марксистских элементов в среде русской эмиграции закончились полным их поражением. Тогда большевики пошли по нормальному для них пути и решили уничтожить самого генерала Врангеля, чтобы с лишенной таким образом своей главы белой армией с помощью французов распорядиться по-своему... Осенью 1921 года итальянский пароход «Адрия» возвращался обратно на Босфор из СССР. Он плыл при спокойной погоде, на глазах у всех судов вниз по проливу. Внезапно он круто переменил свой курс и таранил русскую яхту, на которой в это время жил генерал Врангель, прорезав как раз каюту, которую занимал обыкновенно генерал... После этого пароход-убийца удалился, не подав никакой помощи экипажу яхты. Удар, который пароход нанес яхте, настолько можно было определить заранее, что турецкие лодочники, которые всегда в массе находятся в проливе, поспешили на помощь еще ДО момента столкновения, что и привело к спасению всего экипажа яхты, кроме трех человек, в числе которых был и дежурный офицер, сам отказавшийся покинуть доверенное ему судно. По замечательной и редкой случайности генерал Врангель и командир судна в момент столкновения находились на суше. Судьба пощадила генерала Врангеля, чтобы дать ему возможность исполнить его задачу — соединить все остатки белых, оказавшиеся вне границ России в одно целое.

Убийство не удалось, вернее — на этот раз не удалось. Французские оккупационные власти были склонны объяснить это столкновение «случайностью».

Генерал Врангель, после того как он в 1922 году достиг рассе-

ления всей своей армии в Балканских странах, перешел к исполнению новой задачи, которую он сам себе и поставил — обеспечить своих соратников материально на будущую их жизнь, что было, в сущности говоря, совершенно невозможно, так как средства, вывезенные из России, конечно таяли, а нового источника их пополнения не существовало. Для решения этой задачи он, по соглашению с соответственными правительствами, организовал в странах расселения армии — дорожные работы, передал часть армии на службу по охране границ Югославии и т. п. Но одновременно с этим стал и другой вопрос — дать возможность своим соратникам остаться членами военной организации, которая впоследствии могла стать основанием для продолжения борьбы, так как мысль, что борьба не прекращена не оставляла ни генерала Врангеля, ни его соратников. Необходимо было присоединить к спасенной им армии также и всех тех бойцов, которые, как это было уже изложено выше, рассеялись не только по Европе, но и по всему свету...

Во исполнение этого намерения генерал Врангель основал 1-го декабря 1924 года русскую воинскую организацию под именем «Русский Обще-Воинский Союз», который имел задачей в своих рядах объединить всех тех, кто боролся в белых рядах за свою родину, и кто не хотел удовольствоваться тем, что родина их попала в руки интернациональных проходимцев, то есть тем, кто мыслил еще честно и национально.

Как это уже неоднократно было упомянуто — бойцы русских белых фронтов рассеялись по всему свету. Поэтому создание из них крепкой организации явилось исключительно сложной и трудной задачей. Однако, все эти трудности были преодолены исключительной энергией русского вождя и созданный им Русский Обще-Воинский Союз распространился по всем частям света и образовал центры в Париже, Берлине, Праге, Белграде, Софии, Шанхае, Сан-Франциско, Нью-Йорке, Монреале, Асунсионе, Сан-Пауло, Брисбене. Эти центры расширили свою деятельность по странам их нахождения и таким образом в с е национально настроенные русские, все бойцы белых фронтов получили твердую организацию, единственной целью которой являлась подготовка себя для спасения своего Отечества, так как они верили, что рано или поздно, но придет час, когда образумившийся мир поставит в порядок дня этот неизбежный вопрос, потому что цивилизованный мир не сможет согласиться с тем, чтобы в бывшей России царила власть разрушения, которая с а м а ясно и определенно говорит, что конечной целью ее работы является м и р о в а я р е в о л ю ц и я, то есть уничтожение культуры, как это на глазах всех случилось в России!

После разрешения этого, для обыкновенного человека совершенно неразрешимого вопроса, генерал Врангель развил его и дальше, создав объединение русской молодежи, которая могла бы впоследствии заменить своих старших братьев, отцов и дедов, если бы решение русского вопроса так или иначе затянулось... Но, конечно, большевики не могли естественно спокойно наблюдать за деятельностью своего упорного врага и, вспоминая свою неудачу на Босфоре, они прибегли к иным средствам... 25-го апреля 1928 года генерал Врангель скончался в

Брюсселе, куда он переселился. После тяжких страданий, от последствий болезни, определить которую не смогли ни русские, ни бельгийские врачи, лечившие больного... На этот раз цель была достигнута...

Но, уничтожая самого генерала Врангеля, большевики не могли уничтожить того духа, который он вдохнул в своих соратников. Время между Константинополем и Брюсселем генерал не потерял напрасно!

Его должность принял следующий после него по старшинству генерал Кутепов, его ближайший сотрудник и воссоздатель той части крымской армии, которая попала в свое время на полуостров Галлиполи и которая в свое время послужила для генерала Врангеля базисом для того, чтобы иметь возможность противостоять французам. Генерал Кутепов продолжал дело, полученное им от своего предшественника с равной ему энергией дальше... Обстановка в Европе менялась, в ряде стран победил национальный принцип, работа интернационала натолкнулась на препятствия. 26-го января 1930 года генерал Кутепов бесследно пропал на людной улице Парижа... Генерал Миллер, в свое время командовавший северным белым фронтом, стал во главе белых, которые, несмотря на свои потери, остались объединенными попрежнему. Организация не была разрушена, начинание генерала Врангеля получило своего нового исполнителя. Казалось, что для нового главы белых не представлялось непосредственной опасности. Однако крутой поворот политического курса французского правительства немедленно принес свои результаты — 22 сентября 1937 года, также в Париже, и также при свете дня, генерала Миллера постигла участь генерала Кутепова... и опять при совершенно хладнокровном попустительстве французской полиции. Те же международные условия сделали невозможным назначить преемником исчезнувшего генерала предназначенного для этого генерала Абрамова, находившегося в Болгарии и которому местное правительство не разрешило принять роковое наследие... Но эластичность созданной генералом Врангелем организации показала себя и на этот раз — в должность начальника Русского Обще-Воинского Союза вступил генерал Архангельский *), проживающий в Брюсселе. И опять как стена встала за ним вся масса былых белых бойцов, которые, и оставаясь в удалении, остаются верными своему возглавителю и не идут и не пойдут ни на какое сближение с коммунистическим врагом....

И так будет продолжаться до того времени, пока не пробьет час возрождения России — в мире уже начинает побеждать идея, в свое время раньше всего провозглашенная вождями белых фронтов Гражданской войны в России.

Раздавленные превосходными силами красных, оставленные на произвол судьбы всем цивилизованным миром — белые армии потерпели военное поражение в предгорьях Кавказа, на необъятных просторах Сибири, на побережьи Северного Ледовитого океана и под Петро-

*) Скончался 2-го ноября 1959 г. в Брюсселе.

градом, но идея, которая вела белых вперед, сохранилась во всей своей силе и до сегодняшнего дня, а теперь она распространяется и по всему миру, то тут, то там ведя верных по путям спасения своей Родины от интернационального зла... Измученные перенесенными страданиями и муками многолетнего изгнания и неизбежными трудами для заработка куска хлеба своей семье и себе — русские верные бойцы белых фронтов не угашают своего духа, который много лет тому назад дал им силу поднять оружие против красного врага. И теперь, несмотря на все пережитое, уже состарившиеся и усталые они остаются верными раньше всего — самим себе, а за ними стоят их дети и становятся их внуки, будущие бойцы за Национальную Россию!

1938 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

1. Алексеев, ген. М. В. — Письмо генералу Дидерихсу. Белое дело т. I.
2. Белый офицер. — Записки. Наступление на Петроград и причины неудачи похода.
3. Врангель, ген. П. Н. — Записки. Ноябрь 1916. — Ноябрь 1920. Белое Дело т. т. V и VI.
4. Гинс, Г. — Сибирь, союзники и Колчак. Т. т. 1 и 2.
5. Головин, Н. Н. — Российская контр-революция в 1917—1919 гг. Т. т. 1—5.
6. Горн, В. — Гражданская война на Северо-Зап. России.
7. Городецкий, С. Н. — Образование Северной области. Белое Дело. Т. III.
8. Гутман-Ган. — Два восстания. Выдача адмирала Колчака. Белое Дело, т. III.
9. Деникин, ген. А. И. — Очерки русской смуты. Т. т. 1—5.
10. Деникин, ген. А. И. — Кто спас советскую власть от гибели?
11. Дроздовский, М. Г. — Дневник.
12. Родзянко, ген. А. П. — Воспоминания о Северо-Западной армии.
13. Занкевич, ген. лейт. — Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака. Белое Дело т. II.
14. Зеленов, Н. П. — Трагедия Северной области.
15. Зензинов, В. — Государственный переворот адмирала Колчака.
16. Ильин, проф. И. А. — Государственный смысл Белой Армии. Русская Мысль, кн. IX—XV.
17. Ливен, князь А. П. — В Южной Прибалтике (1919). Белое Дело, т. III.
18. Марушевский, В. В. — Год на Севере. Белое Дело. Т. т. I, II. III.
19. Миллер, Е. К. — Борьба за Россию на Севере. Белое Дело. Т. IV.
20. Сахаров, К. В. — Белая Сибирь.

21. Сахаров, К. В. — Чешские легионы в Сибири.
22. Славянофил. — Чешские аргонавты в Сибири.
23. Смирнов, К. — Начало Северо-Западной армии. Белое Дело т. I.
24. Сравнительная хронологическая таблица борьбы на белых фронтах. Белое Дело т. I.

25. Суворин А. — Поход Корнилова.
26. Суворин Б. — За родиной. Героическая борьба Добровольческой армии.
27. Чаплин, Г. Е. — Два переворота на Севере. Белое Дело. Т. IV.
28. Чрезвычайная комиссия для исследования большевистских зверств при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Сведения о жестокостях над церковью и священнослужителями.

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ БЕЛЫХ

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ БЕЛЫХ

Белые:

«Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую!
И как один умрем
За дорогую!..»

Красные:

«Смело мы в бой пойдем
За власть советов!
И как один прольем
Мы кровь кадетов!..»

(Из песен гражданской войны).

Неудача, постигшая вооруженное выступление белых, повела к укреплению коммунистической власти в России. И потому историк, исследующий пути и судьбы русской революции, должен будет всесторонне изучить те причины, которые вызвали неудачу белого оружия.

Вооруженное выступление белых не есть самостоятельный и обособленный эпизод в истории русской революции: это есть одна из стадий большого патриотического движения — белого движения. Этих стадий было несколько: зарождение, развертывание (т. е. именно вооруженное выступление, — наиболее активная стадия движения), исход его из России, организация его за рубежом.

Я хотел бы заранее оговориться о тех органических недостатках, которые неизбежны в моем очерке. Именно, я должен признать, что мое «я» совершенно поглощено белым движением, вошло в него, осталось в нем и будет в нем находиться до последнего момента моего существования. Поэтому, абсолютно беспристрастным по отношению к белому движению я быть не могу... Но именно поэтому беспристрастное решение вопроса о том, почему мы, белые, тогда не победили и были вынуждены покинуть пределы России, — приобретает для меня действенное значение, становится актом единой, продолжающейся борьбы.

Я не буду говорить здесь о моральном значении белого оружия... Не будь этого вооруженного сопротивления, история могла бы считать, что все в стране сочувствовало коммунистическому перевороту, что

никто не нашел в себе мужества протестовать против того, против чего честный человек не протестовать не мог...

В тот момент, когда так называемый «пролетариат» в 1917 году захватил власть в столицах, в Москве и Петербурге, и начал распространяться по другим большим городам, — окраины страны, хотя и были уже развращены революцией, но не знали еще большевизма. Это давало белым возможность уходить на окраины и формировать там свои кадры; но это вело и к тому, что окраины, «не изжившие еще» (как тогда говорили) большевизма, не знали и не понимали, чем он им грозит и потому не нашли в себе сил для поддержки белых выступлений до конца.

Белое движение, как вооруженная борьба, зародилось сначала на южной окраине России и лишь потом вспыхнуло в других местах. Борьба велась дольше всего там, где она началась ранее всего, на юге, где 15 ноября 1917 г. (по новому стилю) генерал Алексеев поднял в Ростове на Дону знамя протеста. Этот фронт просуществовал почти день в день три года. На востоке, считая с момента переворота адмирала Колчака до его убийства (с ноября 1918 года до 7 февраля 1920 года), борьба длилась год и три месяца. На севере фронт генерала Миллера жил с августа 1918 года по февраль 1920 года, т. е. почти полтора года. Западный фронт генерала Юденича просуществовал с октября 1918 г. по конец 1919 года.

Мое краткое исследование я делю на три части. Первая — это разбор данных, которые, с моей точки зрения неправильно «принято» считать за причины неудачи белых; вторая — исследование факторов, которые, не составляя непосредственно самих причин, как бы ложатся в основу последних; и третья — изучение того, что я считаю действительными причинами неудачи вооруженного выступления.

Начну с первой и в частности с оценки стратегического положения сторон в гражданской войне и тех промахов, которые были допущены с обеих сторон, как в области широкой — стратегии, так и в более узкой форме — тактики.

При одном взгляде на карту России в момент существования всех белых фронтов, бросается в глаза их общее положение: в середине сплошное ядро красных сил, базирующихся на центр страны и ее богатства; и вокруг — кольцо белых сил, имеющих за собою почти во всех случаях только море. А, как известно, центральная власть всегда сильнее окраинных протестов...

В стратегии возможность сплошного окружения надо считать, конечно, большим преимуществом, и потому, с чисто теоретической точки зрения, можно было бы считать положение белых более выгодным, чем положение красных внутри охватывающего их кольца. Однако, преимущество охвата было только кажущимся: для того, чтобы создать действительное кольцо, у белых не хватало многого. Во-первых, одновременное существование всех белых фронтов длилось менее года, т. е. срок существования западного фронта, тогда как движение было разбросано на неизмеримых пространствах; во-вторых, и в это время «кольцо» не только не замыкалось, но в нем были огромные пробелы

и прорывы, например, в виде промежутка между правым флангом Юденича и левым флангом Деникина, промежутка, занятого далеко неблагожелательными к белым польскими войсками...; в-третьих, не было единого управления всеми белыми силами, и не потому, что этого «не хотели» руководители отдельных белых фронтов, но потому, что не было физической возможности создать единое командование. Стоит только вспомнить, что генерал Деникин для связи с адмиралом Колчаком (он считал себя подчиненным ему) должен был пользоваться из Екатеринодара телеграфом — или через русского посла Демидова в Афинах, или через Париж. Все попытки установить иную связь кончались неудачей. Посланный Колчаком ротмистр Толстой-Милославский пропутешествовал ранее, чем добраться до юга, едва ли не четыре месяца; поехавший с юга к адмиралу Колчаку генерал Гришин-Алмазов так и не достиг своей цели, — он погиб в Каспийском море от руки большевиков. Так было и в сношениях между другими фронтами... Только летом 1919 года на короткий промежуток времени в Царицыне была установлена прямая связь фронта Колчака с фронтом Деникина в лице уральского разъезда, но эта тоненькая ниточка держалась только одно мгновенье; и к тому же в этот период восточный фронт переживал уже период неудач...

Этим стратегическое преимущество передается красным: оно давало им возможность, подобно Германии в Европейскую войну, вести борьбу по внутренним операционным линиям и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска с одного фронта на другой для того, чтобы наносить тот или иной заранее намеченный удар. А размеры белых сил были таковы, что им сжимать было труднее, чем красным рвать... У белых не было превосходства сил для окружения ни в стратегическом, ни в тактическом масштабе (напр., окружение большевиков в Ставрополе слабыми добровольческими частями и прорыв красных в степь на восток осенью 1918 года).

Нельзя, однако, не упомянуть, что белые не проявили решительного стремления исправить недостатки своего стратегического положения. Вспомним споры на юге России из-за так называемой «правой» стратегии (выдвижение направо, на восток, к Волге) и «левой» стратегии (выдвижение налево, на запад, на Украину). Я лично всегда был сторонником «правой» стратегии, так как она вела к объединению фронтов восточного и южного, а следовательно создавала если не кольцо, то хотя бы охват красных.

Несомненно, что ошибки делались, как всегда, с обеих сторон; что они были и у белых. Но считать их непосредственными причинами неудачи вооруженного выступления белых нельзя: ибо во всякой войне бывают и стратегические, и тактические ошибки, но одни они к поражению ведут очень редко...

И враги, и друзья белого движения, и более левые, и более правые, — указывали не раз, как на причину неудачи, на так называемое отсутствие положительной идеологии на белой стороне.

Справа белых обычно упрекают в том, что они не провозгласили чисто монархического лозунга. Я должен сказать, что я открыто испо-

ведую монархические убеждения, и не только теперь, но исповедывал их и на южном фронте белой борьбы, и притом в качестве ответственного руководителя монархической газеты «Россия» и «Великая Россия» в 1918—1919 г.г.. Но именно поэтому я представляю себе, что провозглашение монархического лозунга было возможно только в единственном случае и только на фронте адмирала Колчака: именно, если бы удалось искусным военным выдвижением предотвратить преступление 17 июля 1918 года, вследствие чего на восточном фронте оказался бы Император Николай II и его Семья... Другого случая я не знаю. Ибо во всех остальных случаях всякое провозглашение монархического лозунга привело бы не к объединению, а к разъединению бойцов, сражавшихся в боевой линии и объединенных родиной, честью и врагом. Именно пребывание в армии научило меня (ибо первое время я сам в донесениях генералу Алексееву, из Харькова, и лично, настаивал на провозглашении монархического лозунга) тому, что этот вопрос решающего значения на действительных борцов не имел; бередить его — значило бы вносить страстность в среду тех, кого надо было всеми силами от этого оберегать.

Самый опыт жизни белых фронтов показал, как мало значило провозглашение этого лозунга для успеха или неуспеха армии. Ведь были опыты формирования белых армий под чисто монархическими лозунгами: созданная при помощи немцев Астраханская армия, оперировавшая и в большей своей части погибшая под Царицыным, и Южная армия, под главенством генерала Иванова, оперировавшая в Воронежской губернии — носили на себе цвета дома Романовых, но не поглотили собою других формирований, а сами растворились в них. Не спасла белого движения и Земская рать генерала Дидерихса, объявившая монархический лозунг в борьбе с красными на Дальнем Востоке!..

Упрек в отсутствии «определенной идеологии» делался белым и слева. На этом упреке долго останавливаться не стоит. Самый состав армии совершенно исключал возможность навязывания ей «демократических» лозунгов: эти лозунги на протяжении русской революции достаточно уже причинили горя русскому офицерству, которое в большинстве и составляло ряды белых формирований. Однако, и здесь история дала живое доказательство бессилия соответствующих лозунгов: демократическая армия Учредительного Собрания на Волге разваливалась не столько от натиска противника, сколько от своей собственной «демократичности», т. е. от комитетов, «сознательной» дисциплины и прочих прелестей революционной эпохи.

При обсуждении этих упреков необходимо помнить о том, как родились белые фронты. На окраины стихийно кинулись все те, кто в душе своей затаил протест против совершившегося насилия над страной, кто стремился донести этот протест до белых рядов и жил им в период вооруженной борьбы на фронте... Для всех белых исповедуемая ими идеология освобождения России всегда была в достаточной степени положительной, что они и доказали, упорно продолжая эту борьбу, несмотря на натиски как слева, так и справа... Иного и быть не могло, ибо только это и именно это соответствовало настроению глав-

ной части белых, русского офицерства! Ведь в белые ряды шли не потому, что искали собственного спасения; нет, туда шли именно те, кто хотел бороться.

Только часть таких сильных людей в силу известных обстоятельств оставалась в самой гуще красных для борьбы с ними на месте, изнутри. Все остальные или сразу попадали в белые ряды, или же присоединялись к ним по мере продвижения белых фронтов к центру страны. Те же, кому красная власть угрожала, но кто не чувствовал в себе силы для борьбы, имели возможность уйти за границу хотя бы через Финляндию; не мало офицеров и солдат, не стремившихся к борьбе за Родину, было вывезено также немцами из Киева...

Нет, упреки в отсутствии идеологии, в неприятии правых или левых лозунгов, не указывают причины наших неудач. Это только демагогический прием в демагогических выступлениях, не больше!

Необходимо остановиться также и на тех элементах, из которых состояли белые армии: таковы ее начальники и армия в своей массе.

В отношении военной подготовки, боевого опыта и технических знаний у руководителей армии — все преимущества были, конечно, на стороне белых. В этом отношении вождей можно было бы разделить на три группы: старые начальники Русской Армии; начальники, выдвинувшиеся из рядового офицерства; и, наконец, начальники, выдвинутые волной революции и революционной борьбы.

В числе лиц, принадлежавших к первой группе, белые армии имели в своих рядах почти всех выдающихся русских вождей европейской войны. Мы видим в рядах белых двух Верховных Главнокомандующих Алексеева и Корнилова; мы видим главнокомандующих армиями фронта — Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видим в рядах белого генералитета почти исключительно лиц с высшим военным образованием, или с теоретическим цензом, в лице генералов Врангеля и Краснова, или кроме того и со служебным, — Каледин, Марков, Дроздовский, Богаевский, Лукомский, Казанович, Май-Маевский, Юденич, Флуг, Миллер, Эрдели, Марушевский, Мурузи, Сахаров, Дидерихс, Каппель и др.

Что касается второй и третьей группы, то в этом отношении я не вижу никакого различия между красными и белыми рядами; если у красных были Гиттис и Тухачевский, офицеры по службе и образованию, то у белых были Покровский и Шкуро; если у красных командовали порожденные революцией матрос Дыбенко и вахмистр Буденный, то в белых рядах командовали Пепеляев, фельдшер Гайда, вышедшие из казачьих низов генералы Топорков и Павличенко...

Итак, обе последние группы были представлены на обеих сторонах. Но преимущество образования и старых навыков было, конечно, у белых, хотя бы уже потому, что в красные ряды только с течением времени вошли Селивачев, Балтийский, Парский, Сытин и Гутор... Тут время работало против белых!..

Но и тут, как в вопросе о настроениях окраин, в преимуществах белых вождей таились и их недостатки: все они были опытные и порой ученые военачальники, но большинство из них обнаруживало отсутствие необходимой творческой гибкости и решительности в со-

вершенно исключительной обстановке. Исключений было мало; их имена говорят сами за себя....

Что же касается главной массы белых армий, то здесь, в особенности с начала вооруженного выступлениях белых, все преимущества были на их стороне. Нет лучше состава для армии, как тот, который идет на борьбу в силу одухотворяющей его идеи; а таким и был состав белых с самого начала борьбы. Вот почему в период первых выступлений ничтожных сил в Сибири, в начале продвижения на юг фронта генерала Миллера, в первых шагах отряда генерала Родзянко на западе и в операциях Добровольческой армии на Северном Кавказе, когда ей приходилось снабжать себя патронами и снарядами, добывая их у красных, конечно, с боя, — мы всюду видим успехи; и потом же с выходом всех фронтов на русскую равнину мы видим. что все они, постепенно захлебываясь в пространстве и во времени, приходят к отступлению....

В тот период у красных были только насильно мобилизованные, так как партийных коммунистов, добровольно пополнявших ряды, было мало...; а мобилизованные. конечно, представляли собою материал, с боевой точки зрения отрицательный. Но с течением времени, которое, как я уже говорил, благоприятствовало красным, обстановка менялась: надо было пополнять убыль в таявших рядах и белым пришлось также прибегнуть к мобилизации, т. е. к принудительному привлечению населения в свои ряды... Других способов не было. Конечно, это развращало белые ряды, так же как и та масса выжидавших, которая вливалась в ряды победителей, какими и были сначала белые, и, превращая полки их в дивизии, а дивизии в корпуса, на самом деле не давала никакой реальной силы, потому что при первых же неуспехах покидала белые ряды...

Для характеристики, как трудно давалось пополнение рядов, я приведу одну попытку, свидетелем которой я был сам. Я имею в виду прибытие в Екатеринодар из Франции так называемого «Легиона чести». Украшенные трехцветными знаменами, французскими военными крестами и медалями, осененные репутацией людей, которые единственные из всех русских, находившихся во Франции, не изменили принятой присяге, — они пришли и пополнили собою ряды южного белого фронта и... в первом же бою перешли на сторону красных, оставив у белых только своих офицеров... Правда, перешли не все: офицерская пулеметная рота соседнего по фронту с «легионом чести» полка во-время заметила «маневр» легионеров и уменьшила число перебежчиков... Легионеры стремились домой и почему-то думали, что их не задержат для пополнения красных рядов, как задерживали в белых линиях...

И опять делая вывод, я должен придти к заключению, что первоначальное преимущество белых с течением времени переходило на сторону красных, которым мобилизованный материал давал лучшие результаты. О причинах этого —в дальнейшем.

Итак, во всем доселе рассмотренном можно, конечно, найти известные данные для того или иного объяснения белых неудач, но все это, конечно, не могло быть решающим.

Несравненно больший вес имели иные факторы, которые возможно считать основанием причин неудачи белых. К ним я теперь и перейду.

Я начну с характеристики тех, кого белые нзаывали тогда «союзниками» и надежду на которых принято, быть может и не без основания, ставить в упрек белым...

Генерал Деникин в своем труде называет политику держав Антанты своекорыстной. Мне кажется, что это и есть самое правильное определение этой политики. «Союзников» нельзя, конечно, считать предателями, ибо в конце концов они, после мира в Бресте, ничего реального России, как таковой, не обещали; а наши русские национальные интересы были им совершенно чужды и они расценивали их не высоко. Они были действительно своекорыстны, т. е. они соблюдали только свои собственные интересы и далее этого не шли.

Всем хорошо памятна роль «союзников» в Сибири: вся «помощь», вся поддержка белым длилась только до тех пор, пока державам Согласия угрожали германцы и пока надо было во что бы то ни стало создать хотя бы только угрозу восстановления русско-германского фронта. На этом-то фронте и оказались — и чехо-словаки, сыгравшие впоследствии такую плачевную роль в ликвидации фронта адмирала Колчака, и японцы, и американцы, поляки, юго-славяне, и даже французы с их генералом, санкционировавшим впоследствии предательство по отношению к русскому вождю...

И на северном фронте, как и на Волге за чехо-словаками, формировались русские силы за англичанами и французами; и там так же, как и в Сибири, «союзники» оставались лишь до тех пор, пока события на полях Франции не сделали русский фронт просто излишним... Тогда англичане ушли; правда, они предложили русским уйти вместе с ними, но, когда те, стремясь к освобождению Родины, естественно отказались, то англичане перед уходом, вместо того, чтобы передать запасы и снаряжение русским, утопили все в море... И после их ухода снабжение северного фронта велось со дна моря... Легко себе представить, в каком виде море возвращало все то, что оно получило от «союзников».

Нельзя не вспомнить также роль английского флота при наступлении белых на Петроград, — когда русские силы при атаке Красной Горки были оставлены ими без всякой поддержки... Нельзя не вспомнить также «первую Одессу» и «первый Крым», внезапно оставленные «союзниками» в нелепый и ничем не вызываемый 48-ми часовой срок! Не надо забывать и той психологической загадки, что первые танки были получены большевиками под Березовкой у Одессы от французов, бежавших перед красными потому, что по их сведениям в рядах большевиков оказались немецкие инструктора, т. е. те самые враги, победу над которыми «союзники» как раз в то время праздновали на западном фронте!..

Достаточно вспомнить те обещания, которые давали от лица своего правительства французский консул Энно в Одессе и французский офицер Эрлиш в Екатеринодаре... Теперь многое тайное стало уже яв-

ным. В «Архиве русской революции»*) напечатана секретная сводка сношений главного командования на юге с командованием французским: где же те «дивизии», которые были обещаны французами на смену уходивших с Украины немцев? Вся «помощь» ограничилась только снабжением, данным англичанами, которые, однако, в то же время не преминули поддержать враждебные Деникину кавказские новообразования...

Политика «союзников» была именно своекорыстной: им была нужна противогерманская Россия; а потом?.. Есть основания предполагать, что они продолжали «поддержку» лишь в силу того, что российская неразбериха была просто выгодна для них...

Вспомним и Крым последнего периода, периода командования генерала Врангеля. Англичане закончили свое «содействие» уже в Новороссийске. А французы... Если считать «помощью» словесное «признание» и присылку комиссара Мартеля, то, конечно, они помогли. Но если в помощи видеть что-либо более реальное, то она бесспорно была миражем.

Вывод ясен: «союзники» работали на себя и «помощь» их белым была далеко не так реальна, как это принято изображать.

Однако, говоря так о «союзниках», я считаю себя обязанным вспомнить тех англичан, которые были с нами в самом пекле боевых линий. Так, в Киеве, в конце 1919 года, я помню англичан, которые, зная по-русски только одно слово «ура», ходили в атаку с русскими ротами, оставшимися без офицера. Они поняли, что такое большевики; но убедить в этом своих соотечественников, оставшихся на родине, они не могли. Нельзя не вспомнить и тех французов, которые, будучи на месте действия, не смогли отказать в помощи белым при эвакуации Крыма... Быть может их изменило то, что они увидели в России? Но вопросы помощи решались не на местах боя, а в Лондоне и Париже, в министерствах иностранных дел.

Останавливаясь на взаимоотношениях с иностранцами, я должен сказать, что в политике белых тоже не все было благополучно и удачно; и в такой борьбе, когда надо было пользоваться всем, быть может даже пренебрегая известными последствиями, мы не умели привлечь и использовать всю иностранную помощь — и великодержавную, и окраинную...

Так, нельзя не пожалеть, что наши старые дипломатические представители, сохранившие на местах свое положение и располагавшие прежними средствами, порою признавали русские белые фронты и силы лишь с оговорками, «постольку — поскольку», неудачно применяя эту формулу проклятия, порожденную революцией!

Но и в сношениях с лимитрофами было много промахов. Так непризнание адмиралом Колчаком или же просто генералом Юденичем — фактически уже осуществленной самостоятельности Финляндии и Эстонии, быть может было основной причиной неудачи белых на западном фронте; непризнание же поляков генералом Деникиным сделало их по-

---

*) Т. XVI.

стоянными противниками белых. Возможно, что несколько иначе следовало разговаривать и с «украинцами». Я говорю, конечно, не о Петлюре, ибо мало кто возьмется определить, где кончалось «украинство» Симона Петлюры и где начинался большевизм Льва Троцкого. Но «украинцев» гетмана было целесообразно признать...

И опять, переходя к очередному заключению, я должен повторить, что взаимоотношения с «союзниками», при наличности их своекорыстия и наших упущений, все-таки нельзя рассматривать, как основную причину неудачи вооруженного выступления белых.

Гораздо ближе можно подойти к этим основным причинам, остановившись на изучении тыла белых, к чему я и перейду.

Достаточно только одного беглого взгляда, чтобы бросилось в глаза то, неблагоприятное для белых, обстоятельство, что если, у красных тылом, районом снабжения, неисчерпаемым источником людского резерва, столь необходимого на войне, была вся Россия, — то тыл белых почти неизбежно свешивался в море, только временами, во время успехов белых, отходя от него. Таким образом белым до самого конца приходилось добывать свои пополнения как когда-то первым добровольцам свои первые патроны и снаряды, — отбивая их у противника.

Следовало бы подробно остановиться на устройстве тыла белых, так как, быть может, это привело бы ближе к цели моего исследования. По мере возможности я и постараюсь это сделать.

Если красные, для урегулирования своего тыла, прибегали к очень простому, но действительному средству, то есть к террору, к пулемету, которые всегда и на всякий тыл действовали отрезвляюще, то белые должны были применять иные меры, более подходящие к той закономерности, которую они неизбежно несли с собою. У белых были губернаторы; между ними были и плохие и хорошие; но не было стражников, то есть верхи тыловой администрации просто лишены были исполнителей, ибо все то немногое, что было в распоряжении белых вождей по части людского материала, конечно, в первую голову поглощалось боевой линией... И, как следствие, получалось — что при полном произволе в тылу красных, там царил относительный порядок, а при полной законности в тылу белых — тыл их был безусловно далек от порядка...

Я не могу останавливаться на подробном рассмотрении всего того, что делалось в белом тылу — я не могу перечислять все меры по аграрному вопросу, финансовому и иным законодательствам; — каждый из участников вооруженной борьбы белых может по своей специальности дать не мало материала для разработки этих вопросов; я лично хочу остановиться только на обстоятельствах непосредственно влиявших на положение белого тыла, и на том, почему это было так, а не иначе. Последнее вытекает уже из моих указаний на методы сторон в этой напряженной борьбе.

Были восстания, но в этом отношении оба тыла, обе стороны были в одинаковом положении — восстания были и тут и там; и в этом отношении образцом может служить разбойник Махно, который, не-

смотря на все свое моральное тяготение к красным, с одинаковым увлечением дрался и против них, и против белых.

Был бич тыла тиф — но был он и тут, и там. И белые, и красные, занимая районы расположения противника, натыкались на бесконечное количество трупов, на мертвые поезда, не имевшие в своем составе ни одного живого человека...

Бичем белого тыла была красная пропаганда. В этом вопросе красные преобладали, так как он был поставлен у них лучше, чем у белых, да и надо признать, что лозунги, проводившиеся ими в жизнь были всегда бесконечно более заманчивыми для массы, чем то, что могли предложить ей пропагандисты белого фронта... Дальше чем «грабь награбленное», «все дозволено» и настоятельного обещания рая на земле, все равно идти было невозможно!

Пропаганда была могучим фактором, разрушавшим белый тыл; восприимчивость к ней толпы, имевшей свой рупор в городских базарах, была поразительна; но на толпу эту — и не только на толпу, но и на так называемые общественные круги в белом тылу — не меньше красной пропаганды действовала и другая работа — работа русской интеллигенции отчасти и несоциалистического толка, но, конечно, главным образом работа самих социалистов...

Если первые, то есть радикальные интеллигенты действовали порой просто бессознательно, повторяя старые зады и насвистанные годами теории, то вторые действовали, конечно, совершенно сознательно.

В своем дневнике, в записи относящейся к 10-му июня 1919 года И. А. Бунин рассказывает, как вся Одесса с замиранием в сердце прислушивалась к тому, что делается на фронте и нервно гадала, удастся ли добровольцам сломить сопротивление красных и занять город, или же Одессе суждено оставаться под красным игом: «Вечером я у Р... и опять: я ему об успехах добровольцев, а он о том, что они в занятых областях «насилуют свободу слова» — кусаться можно кинуться». Да, надо согласиться: разговаривать с этими людьми было невозможно!

Обращаясь к деятельности социалистов в белом тылу, надо раз на всегда установить следующее: лозунг Керенского и комп. «Ни Ленин, ни Колчак», при настойчивой работе социалистов против всякого личного и собирательного «Колчака», всегда говорил о работе на Ленина!

И в действительности, работая против Колчака, можно было помогать только его противнику; не сознавать этого не могли даже и социалисты!

Для наглядности обратимся к фактам. В Сибири почтенная работа социалистов, о которой с гордостью достойной лучшей участи прямо и открыто говорит в своей брошюре член Учредительного Собрания Солодовников *), велась по строго продуманной программе и, пройдя через открытое восстание, устроенное социалистами во Владивостоке, дошла до прямого предательства и выдачи адмирала Колчака и его министра Пепеляева в руки большевиков, конечно, на издевательство и на смерть....

---

*) «Сибирские авантюры и генерал Гайда».

Что мы видим на Севере? Конечно, постоянную борьбу за власть и всяческие попытки насаждения столь несвойственных здоровой армии и массе офицерства и добровольцев социалистических лозунгов. Нельзя винить престарелого и лично порядочного Чайковского за то, что ему, несмотря на нахождение его во главе правительства, вместе с его «министрами» типа Бориса Соколова и общественными деятелями образца Скоморохова, это насаждение не удалось... они сделали с своей стороны решительно все для разложения белого тыла и фронта и... для торжества красного противника.

То же самое происходило на Западе, с «работавшими» там Кирдецовым, впоследствии сменовеховцем, имевшим тогда несомненне влияние на белую прессу, с «министром» Ивановым и т. д.

И менее всего на Юге! Менее всего потому, что в этом случае на Юге определеннее всего высказались вожди. Я не могу до сего времени установить более или менее точно, действительно ли правильны сведения о том, что в 1917 году в Ростов приезжал и делал попытки проникнуть к генералу Алексееву пресловутый главковерх Керенский; быть может это и так; однако и он понял, что среди преданных им же на растерзание черни офицеров, — ему делать нечего. Но достоверно, что Савинков там был, и несомненно, что он делал шаги для того, чтобы быть принятым верхами белых в свой круг для «совместной работы»; вопрос был решен категорическим отказом генерала Деникина, тогда еще не главнокомандующего, не соглашавшегося даже присутствовать на одном заседании с Савинковым.

Была и еще одна попытка, которая, как мне кажется, могла дать для социалистов положительные результаты в смысле возможности наложить руку на деятельность белого командования. Я имею в виду попытку группы членов учредительного собрания, выпустившей в Екатеринодаре газету «Родная Земля». Во главе группы был Григорий Шрейдер, который имел развязность начать говорить добровольцам о генерале Корнилове, о том, что, следуя его заветам, добровольцы должны идти влево и т. д. С этой провокацией пришлось бороться решительно: в один прекрасный день, когда Шрейдер разразился дифирамбами по адресу генерала Корнилова, — в газете «Россия» было просто перепечатано, без всяких комментариев, августовское воззвание городского головы Петербурга Григория Шрейдера, призывавшего петроградский пролетариат подняться на выступившего против Временного Правительства изменника Корнилова... Результат этого выступления был неожиданный — Шрейдер был выслан из пределов занятых Добровольческой армией, его газета закрылась и его группа потеряла всякое влияние.

Однако я слишком долго останавливаюсь на этом вопросе — вероятно слишком он наболел у каждого из нас, чтобы пройти мимо него...

Вывод один — социалисты были всегда естественными врагами белых и тем самым несомненно помогали красным, для которых они были во многих отношениях «своими»...

Подходя к заключению в вопросе о добровольческом тыле, я оста-

новлюсь еще на двух ходячих упреках, которые иногда выдвигаются против белых со стороны некоторых кругов, как русских, так и иностранных.

Во-первых, вопрос о грабежах. Я остановлюсь на нем только потому, что о нем говорят... Да, грабежи в тылу белой армии были, отрицать это нельзя и никто отрицать это и не предполагает! Надо только к этому вопросу подойти с несколько иного конца, чем это делалось до сего времени.

Я лично принимал участие в японской войне, имевшей безукоризненно налаженный тыл (хотя бы потому, что войска все время на него отходили); я принимал участие в великой войне, на европейском фронте ее — и должен установить следующее. Всегда и всюду, при самой дисциплинированной армии, при самом налаженном тыле, даже при психике, нравственно непоколебленной неудачами или революцией, — грабежи были, есть и будут... Да и что в этом удивительного? Природа войны настолько ужасна, обыденность ее настолько жестока, что человеческая натура, в основу которой, как мы, к сожалению, хорошо убедились, заложено столько гнусного, не может не отозваться на соблазн «безнаказанного» преступления... Несомненно, что солдат, вошедший в дом местного жителя с винтовкой в руках, чувствует себя полновластным господином и ведет себя именно так, как с его точки зрения подобает вести себя в этом звании. Если все это в полной мере применимо ко всякой войне, что лично для меня несомненно, то в какой же мере это подтверждается в войне гражданской, особенно жестокой, хотя бы уже потому, что в ней каждый сам себе выбирает свой фронт борьбы и естественно усматривает в каждом, кого он видит по ту сторону боевой линии, в том числе и в обывателе, никакого участия в этой борьбе не принимающем, — врага, которого он «имеет право» использовать для своего, хотя бы и минутного, благополучия...

Я, конечно, ни в коем случае не хочу сказать, что с этим фактом не следует бороться; — конечно следует, и эта борьба на юге России велась, — от приказов генерала Деникина до расстрелов генерала Врангеля включительно. Борьба необходима, но не надо закрывать глаза и на то, что результатом этой борьбы будет всегда не уничтожение, а только уменьшение размеров зла!

Я не могу не вспомнить, что даже в голой Манджурии, при строгой дисциплине тогдашней армии, солдаты умудрялись грабить, хотя объектов, кроме никому ненужных мелочей китайского обихода и объекта «натурального» грабежа у грязных и чуждых китаянок — не было!

Характерно и несомненно то обстоятельство, что при успехе армии, при ее поступательном на противника движении, грабежей всегда меньше, — они всегда увеличиваются при отходе и довольно понятно почему. Особенно это заметно в отходах гражданской войны, когда перед каждым, потерявшим меру дозволенного и не дозволенного, бойцом, уже открывается перспектива «черного дня», который грозит ему не на время, а на всю жизнь... И все-таки добровольцы генерала Врангеля, покинувшие Крым, пришли в лагери Галлиполи, Лемноса и Ка-

бажди, голыми нищими... Такими же голыми нищими были и участники белой борьбы на всех ее фронтах.

Я не буду останавливаться на том, что и у красных грабежи, конечно, были, как они бывают по моему убеждению, всюду; — это, конечно, не оправдание для белых.

И делая сводку всему мною сказанному о грабежах — я, повторяю: они были, но, конечно, не они были причиною неуспеха.

Если я не прошел мимо обвинений в грабежах, то я не могу игнорировать и того, что принято распространять о погромах.

В этом отношении я буду более, чем краток: я совершенно определенно утверждаю, что в районах действия белых армий, еврейских погромов, т. е. организованного уничтожения и ограбления евреев, ибо только их имеют в виду, — не было... Утверждаю это и постараюсь доказать, считая, что и генерал Деникин, в своих воспоминаниях (т. V, стр. 146), впадает в ошибку.

Скажу прежде всего, что все сведения о погромах, якобы имевших место на юге России, т. е. в районах «черты оседлости» евреев (остальные фронты проходили по местам, где почти отсутствовало еврейское расселение), — тенденциозно преувеличены. — Всем конечно памятно, что по газетным сведениям о случаях, так называемой «армянской резни» значительное количество раз писалось, и взывалось к цивилизованному миру, и всегда в одинаковых выражениях, гласивших о том, что каждый раз армян вырезали всех поголовно... Нечто подобное происходит и с еврейскими погромами на юге России. Так в Берлине мне пришлось слышать от одного докладчика, что петлюровцами в Проскурове было уничтожено... 60.000 евреев! Не надо доказывать насколько это правдоподобно для города тысяч в 15 жителей!

Я не противоречу себе, сначала говоря о том, что погромов в белой армии не было, а потом о том, что сведения преувеличены... Я только считаю, что моей задачей не может явиться разбор вопроса о том, учинялись ли погромы отрядами Петлюры, Григорьева и других украинцев, или отрядами их противника-единомышленника Буденного!

Но если согласиться со мною, что в белой армии еврейских погромов не было, то откуда же идет дым, от какого огня?

Очень просто — я утверждаю, что не было еврейских погромов. То, что стараются выдать за еврейские погромы, есть не что иное, как проявление тех инстинктов, о которых я говорил в отделе моего исследования о грабежах... Были нарушения дисциплины, были покушения на имущество, а иногда и на жизнь местных жителей, были грабежи и даже убийства; это было. Я лично знаю о случаях в районе Киева, Фастова, Белой Церкви, которые потом были специальной прессой раздуты в еврейские погромы... Это были удары по населению; за это были расформированы 2-ая кубанская пластунская бригада и Осетинский конный полк. Однако, от этих проявлений отрицательного типа страдало как еврейское, так и христианское население захваченного беспорядками района... Но о несчастных христианах, конечно, никто не кричал в мировой прессе. Может быть случайно еврейское население иногда страдало больше; но ведь в этих местечках евреев просто чис-

ленно было больше и они были богаче — естественно, что они страдали от этих бесчинств (против которых все время резко выступало белое командование) больше, чем христианская часть населения...

Вывод один — сведения об еврейских погромах, учиненных у белых, это только ничем неприкрытая демагогия и выигрышный способ борьбы с белыми, который широко практикуется и по сей день и красными, и их социалистическими единомышленниками... не больше!

Заканчивая часть моего доклада, посвященную вопросу тыла (которого, между прочим, совершенно не было у белых в период командования армией генералом Врангелем, ибо тогда весь Крым был в сущности говоря, военным районом), я скажу только, что тыл, как и всегда на войне, был конечно тяжел для обеих сторон. Для приведения его в порядок надо было проявлять во много раз больше принуждения, и, быть может, жестокости, чем это могли проявить белые; конечно, красные не стеснялись применять и гораздо большую меру жестокости. Напомню, что добровольцы генерала Алексеева 22-го февраля 1917 года уходили из богатого Ростова без гроша денег и полуголые. Я знаю случаи, когда один из горчичных «королей» Царицына дал на добровольцев... две сорокарублевые керенки... возможно ли было что-либо подобное в районах, занятых красными!?

Таким образом, я подошел постепенно к главной части моего исследования, к рассмотрению тех причин, которые я считаю непосредственными причинами неуспеха вооруженного выступления белых. Мне кажется, что из всего того, что я сказал до сих пор, они уже настолько ясны, что мне остается досказать и уточнить совсем немногое.

Что же именно я считаю непосредственными, истинными причинами неудачи вооруженного выступления белых? Что именно было тем роковым обстоятельством, которое отдалило от нашей Родины ее освобождение и в конечном результате привело белое освободительное движение к его современной, если можно так назвать, заграничной стадии?

ПЕРВОЙ И ОСНОВНОЙ ПРИЧИНОЙ Я СЧИТАЮ НАСТРОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЕХ ОБЛАСТЕЙ, ПО КОТОРЫМ ШЛО НАСТУПЛЕНИЕ БЕЛЫХ.

В самом начале моего исследования я уже отчасти остановился на характеристике этого явления. Окраины, естественно привлекшие к себе взгляды тех русских людей, которые не захотели подчиниться установленной в центре диктатуре, не знали большевизма, то есть, вернее не знали результатов практического его применения к шкуре обывателя. Они не испытали прелестей советского рая и не смогли дать полного напряжения, чтобы предотвратить надвигавшиеся на них испытания и мучения.

Население этих областей, конечно, знало войну, которая утомила всю Россию; население знало и революцию, которая дала, так называемые, «свободы», принесенные ею! Население с легкой руки солдат, знавших на фронте только декларацию прав, но не обязанностей солдата, знало только о своих правах и совершенно не представляло себе, что права эти все еще связаны с какими-то обязанностями.

На территории этого населения шла настоящая война, гражданская война с ее выстрелами, которые не всегда попадают только в тех, кто борется на линии огня; с ее репрессиями не только по отношению к людям и их имуществу, но и к самим селениям, которые иногда, в процессе боя, беспощадно и неизбежно сравниваются с землей... Население должно было поступиться своими правами, своими удобствами. Армия белых не была той снабженной и организованной армией, которую мы привыкли представлять себе, произнося это слово; немедленно по соприкосновении с населением она вынуждена была брать у него подводы, лошадей, запасы и, наконец, и самих людей!

Война на данной территории всегда несет с собою много лишений и страданий. Война, а в особенности гражданская, сама себя кормит и пополняет! И, конечно, население не могло приветствовать этого; оно, как я уже сказал, думало не об обязанностях, а только о правах, и от белых ожидало только немедленного восстановления порядка и нормальных условий жизни, с своей стороны совершенно не думая оказывать этому хотя какое-либо содействие.

Вся сумма этих неприятностей, приводимых затянувшейся войной, очень остро переживалась населением; в то же время его усиленно развращала красная и социалистическая пропаганда обещаниями избавления от всех этих напастей, обещаниями полного благополучия и полного господства, как известно, соблазнившими не одну только Россию, но смущающими и доселе не малую часть населения всего мира...

Все это сводилось к тому, что неудобства, приносимые белыми, восстанавливали население против них.

Отсюда постоянное оппозиционное настроение, начиная от интеллигентских благоглупостей, о которых говорит приведенная мною выдержка из дневника И. А. Бунина, и кончая социалистическим противодействием, а также распространением среди населения нелепых теорий о готовности белых «насадить старый режим» (чего конечно не было), и о «возвращении земли помещикам» (что прорывалось только в чаяниях и вожделениях отдельных лиц, дорвавшихся до своих владений и не понявших, что между прошлым и настоящим прошла революция). Вот почему так легко верили красной пропаганде, изображавшей полуголое и голодное (и в прошлом, и в настоящем) русское офицерство, составлявшее кадры белых армий, как «помещиков», «банкиров» и т. д.

Недостатки, о которых я говорил — в сфере административного управления, финансовых мер и аграрных распоряжений — принимались за злонамеренность; и в результате население, не только в лице крестьянской массы, но порой и городской интеллигенции, как это ни странно сейчас слышать, сначала не шло дальше пожелания приходившим белым — «Помоги вам Пресвятая Богородица», и совершенно не хотело принять на себя хоть часть этой «помощи», а потом начинало мечтать об избавлении, которое конечно должно было придти с красной стороны, ибо иного ничего не было!

В конечном результате получалось совершенно нелепое, но одинаково типичное для всех белых фронтов положение:

КОГДА УХОДИЛИ КРАСНЫЕ — НАСЕЛЕНИЕ С УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ ПОДСЧИТЫВАЛО, ЧТО У НЕГО ОСТАЛОСЬ...

КОГДА УХОДИЛИ БЕЛЫЕ — НАСЕЛЕНИЕ СО ЗЛОБОЙ ВЫСЧИТЫВАЛО, ЧТО У НЕГО ВЗЯЛИ...

Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять все и брали часть — население было обмануто и... удовлетворено. Белые обещали законность, брали немногое — и население было озлоблено...

Белые несли законность и потому им ставилось всякое лыко в строку...

Таким путем из главной, основной причины неуспеха вооруженного выступления белых я прихожу к той, которая вытекает из первой: отсутствие у белых методов действий, которые требовались жестокой обстановкой гражданской войны и небывалой разрухи.

Если красные «работали» дубиной по обывательским головам, несли революционный режим, грабили «награбленное», уничтожали остатки старого режима и... казнили и убивали за все без исключения, за всякий намек на сопротивление, то белые, быть может в силу своего наименования, (данного им, как и их противникам, самою жизнью) «работали» в белых перчатках, насаждали законы, призывали к их исполнению и тем самым сами же связывали себе руки и не получали сочувствия уже распущенного и развращенного демагогией населения.

Красные обещали все, белые только то, что полагалось по закону...

Красные в виде аргумента и меры убеждения имели террор и пулеметы; белые угрожали... законом.

Красные отрицали решительно все и возвели в закон произвол; белые, отрицая красных, конечно не могли не отрицать и применяемые красными методы произвола и насилия... Белые не съумели или не смогли быть фашистами, которые с первого момента своего бытия стали бороться методами своего противника! И, быть может, именно неудачный опыт белых и научил впоследствии фашистов!..

Население ничего не требовало от красных, так как единственно, чего оно могло, попавши в их руки желать — покоя, оно требовать, конечно, не решалось! От белых же население требовало... чуда, требовало для того, чтобы дать им свою поддержку, в которой не отказывало с самого начала белого движения; оно требовало, чтобы белые, единым мановением белой руки, смыли с России всю кровь... Это, конечно, было неосуществимо: белые не только не были чудотворцами, они не были и фокусниками, хотя бы в небольшой части того, насколько это было присуще красным!

На этом, в сущности говоря, я мог бы закончить мое исследование, так как считаю мою задачу, в мере мне доступной, выполненной! В заключение только суммирую все мною сказанное и сделаю самые краткие выводы.

Условия стратегии и тактики, ошибки и промахи, сделанные белыми в этой области, вопросы идеологии белых, качества их вождей и армейской массы — все это, при всем том, что я упоминал на протяжении моей работы — ни в коем случае не было причиной неудачи

вооруженного выступления белых. В этом отношении несколько выделяется только то, что мною было приведено в доказательство отсутствия необходимой гибкости в характере белых вождей!

Политика «союзников» в русском вопросе, их всегда в корне своекорыстное поведение, неумение или нежелание белых использовать «новорожденных иностранцев», в лице лимитрофных государств и даже украинцев, и, наконец, тыл всегда и всюду, в той или иной мере разложенный — все это скорее приближается к тому, что послужило причиной неуспеха белых, быть может и потому, что все то, что портило белый тыл, вытекало в свою очередь из тех причин, которые я считаю главными причинами неуспеха — неизжитость населением большевизма и индифферентизм, охватывавший население, когда оно убеждалось, что порядок не восстанавливается белыми по мановению волшебного жезла. Устранить эту последнюю причину, исправить ее злоносные последствия мешали основные качества белых, которые не смогли принудить население относиться к себе иначе! Я говорю именно о принуждении, так как из всего того, что я уже высказал, явствует, что иные меры, так охотно применявшиеся белыми, меры законные — успеха не имели!

Мне кажется, что если бы истории угодно было поставить нас перед повторением возможности восстановления белых фронтов в России — последние две причины, непосредственно приведшие к проигрышу кампании — не могли бы иметь места! С одной стороны население узнало, что такое большевизм на горькой практике минувших годов, с другой стороны — белые, перенеся горечь поражения, несомненно стали бы действовать иначе! Это несомненно уменьшило бы расстояние между ними и населением, разделявшее обе стороны во время существования белых фронтов!

Нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. При всем разнообразии белых фронтов или вернее областей, в которых им приходилось действовать, при разнообразии условий времени, лиц и обстановки, все белые фронты, без исключения, пережили одинаковые стадии бытия, и это, мне кажется, подтверждает те обобщения и выводы, которые я попробовал установить для всех них.

На самом деле, не показательна ли одинаковость в их судьбе! Все они проходили буквально через одно и тоже...

Сбор со всех сторон. Энтузиазм первых кадров... Приведу по фронтам — переворот адмирала Колчака на востоке, выступление капитана II ранга Чаплина на Севере, успехи ничтожных сил генерала Родзянко на западе и успешное движение в сплошной массе противника армии генерала Корнилова на юге...

Наступление, успех... Выдвижение к Казани и Волге на востоке выдвижение передовых отрядов к Вологде на севере, поход к Петербургу на западе и линия Саратов — Воронеж — Курск — Киев — Могилев Подольский — на юге...

Неурядицы тыла... восстание во Владивостоке — в Сибири, правительственные осложнения на севере, тоже самое на западе, и Махно на юге....

Союзники... противодействие чехословаков на востоке, уход англичан на севере, английский флот под Петроградом на западе, первая Одесса и первый Крым на юге...

Отход... разложение...

Предэвакуационный развал, январь—февраль 1920 года... Выдача адмирала Колчака на востоке, восстания в Архангельске и Мурманске — на севере, попытки арестовать генерала Юденича на западе и офицерские выступления в Новороссийске и Севастополе — на юге!

Только Крым генерала Врангеля, со всеми своими особенностями, которые не входят в рамки моего исследования, и с его беспримерной эвакуацией, избежал общего шаблона!

Мне кажется, что из всего сказанного можно сделать один и не малый вывод: белые могли бы победить красных, если бы они сами, в своих методах, в своей деятельности... стали тоже красными. Но, несомненно и то, что они могли быть только белыми! За ними осталось их незапятнанное прошлое, их беспредельная любовь к родине, их горький опыт былых неудач... И я хочу верить, что они добьются столь необходимых им материальных и политических возможностей и, оставаясь сами собой, победят как белые!

«Русский Колокол», 6 и 7, 1929.

РУССКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ
В ГЕРМАНИИ

РУССКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В ГЕРМАНИИ

«В окно скорого поезда вижу знакомые места... Вот Фельдкирх, где Великий Князь Владимир Кириллович прожил тяжелых полтора года... Вот Линдау, где генерал А. А. фон-Лампе защищал новых эмигрантов от репатриации, пока французы его не посадили в тюрьму, и продолжал заниматься тем же, когда его освободили».

В. Вальдемарас. «Поездка в Мюнхен». I. Газета «Наша Страна», Буэнос-Айрес. № 88-й. 22-го сентября 1951 года.

7-го сентября 1951 г. председатель Объединения Русских Юристов ДиПи в С.Ш.А. К. Н. Николаев в своем письме сообщил мне следующее: «В общем собрании Объединения 5-го мая с. г. постановлено составить «Меморандум» на тему «Борьба русских церковных и общественных организаций за жизнь русских ДП в Германии». Составление «Меморандума» поручено комиссии в составе: меня, В. Н. Ржевского и С. В. Юрьева. Общее собрание постановило обратиться к Вам с просьбой сообщить данные о деятельности возглавлявшегося Вами Красного Креста во Французской зоне Германии, направленной к спасению ДП от насильственной репатриации».

Желая посильно выполнить обращенную ко мне просьбу, я решил составить настоящий очерк.

Русский Красный Крест в Германии имеет свою историю, которую я приведу здесь в очень сжатом виде.

В Берлине с 1919 года работало отделение Русского Красного Креста, эвакуированного из Варшавы, во главе которого, в качестве уполномоченного стоял Барон А. А. Врангель, признанный потом в своей должности Главным управлением Русского Красного Креста (Старая организация), восстановившим свою деятельность, во главе с Графом Игнатьевым*), в 1920 году, в Париже.

При разворачивании деятельности отдела в Германии, Главное Управление назначило для возглавления его, в качестве особоуполномоченного Ф. В. фон-Шлиппе, подчинив ему Барона А. А. Врангеля.

---

*) **Не смешивать** с тем полковником ген. штаба Графом Игнатьевым, который был Российским Военным Агентом во Франции и сразу после революции 1917 г., задолго до описываемого периода, перешел на службу к большевикам.

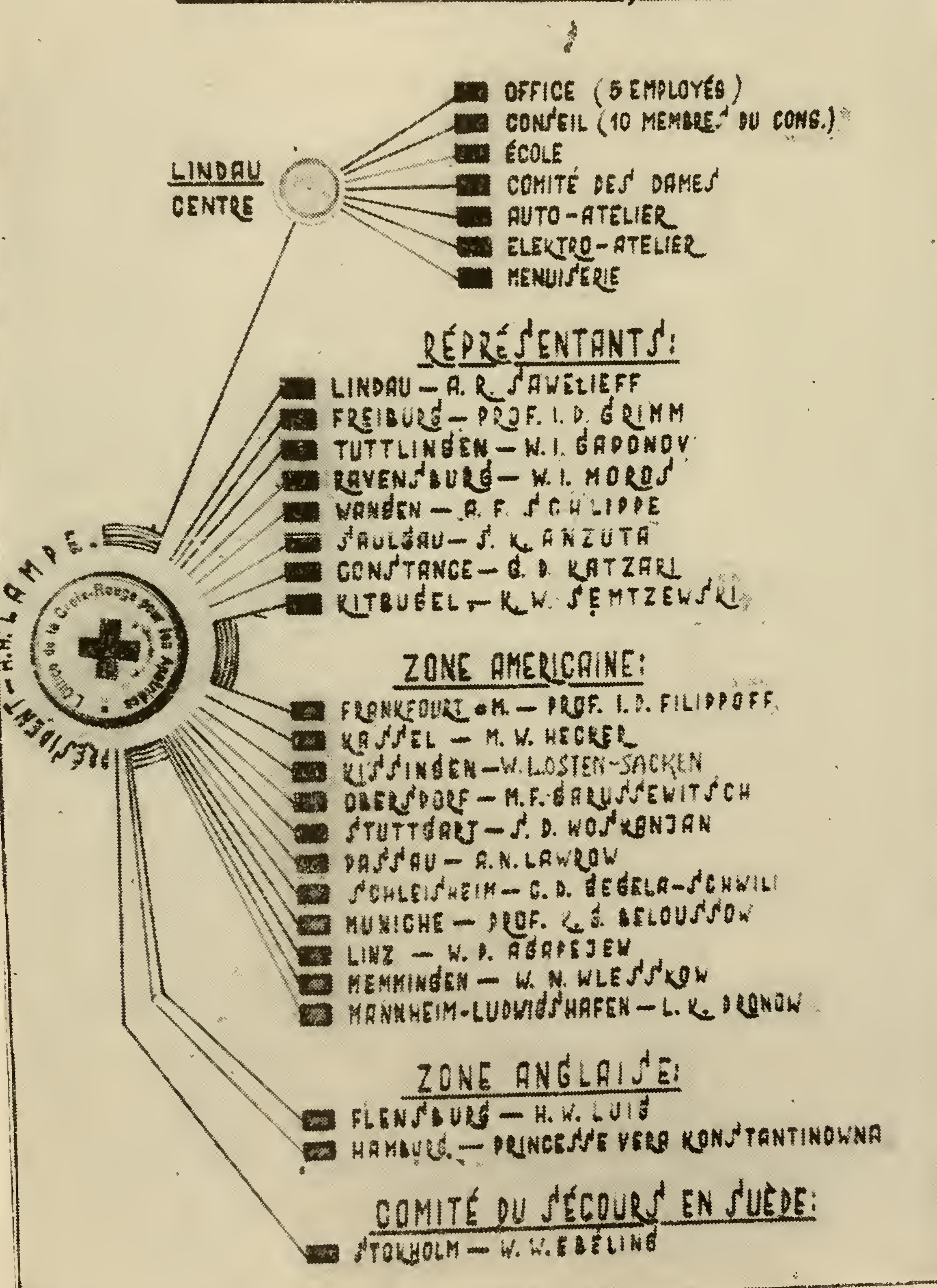
В 1934 году, Германский Красный Крест, по поручению национал-социалистического правительства Германии, предъявил Ф. В. фон-Шлиппе ультимативное требование прекратить всякую связь с Главным управлением Русского Красного Креста, находившимся в Париже, и придать Русскому Красному Кресту в Германии иной вид. Спасая положение, группа членов Русского Красного Креста в Германии, ранее состоявших в Красном Кресте еще в России, создало «Общество бывших деятелей Императорского Российского Красного Креста в Германии», президентом которого был избран Ф. В. фон-Шлиппе, негласно оставшийся в своей прежней должности и поддерживавший связь с Главным Управлением. Вице-президентом был тогда же избран генерал А. А. фон-Лампе.

В феврале 1938 года германская тайная полиция, без объяснения причин, потребовала от Ф. В. фон-Шлиппе, чтобы он покинул свой пост. Не подчиниться этому требованию не было никакой возможности и на очередном годовом собрании членов общества, оно, избрав Ф. В. фон-Шлиппе своим первым почетным членом — выбрало на следующее пятилетие своим президентом Ее Высочество Княжну Веру Константиновну, а вице-президентом переизбрало генерала А. А. фон-Лампе. Августейший президент общества постоянно проживал в г. Альтенбурге — центр общества оставался в Берлине, его местопребании с первого дня существования Русского Красного Креста в Германии.

11-го февраля 1945 г., в виду приближения к Берлину с Востока Красной Армии, совет общества в лице вице-президента генерала А. А. фон-Лампе и секретаря Б. В. Дуплева решил покинуть столицу Германии и присоединиться к своему президенту, находившемуся в гор. Альтенбурге. В Берлине остался заведующий амбулаторией общества доктор Л. В. Аксенов, впоследствие, после сложных переживаний и ряда арестов, скончавшийся в этом городе в 1950 году. Член Совета Барон В. Л. Остен-Сакен, покинувший Берлин еще раньше, временно проживал в г. Киссингене, потом в г. Фельдкирхе в Австрии, откуда переселился в Буэнос-Айрес, где и скончался в 1949 году.

В виду того, что президент общества Княжна Вера Константиновна, по личным причинам не смогла покинуть Альтенбург, а Б. В. Дуплев, по семейным обстоятельствам должен был вернуться в Берлин (откуда впоследствии после ряда тяжких переживаний ему удалось уйти в среднюю Германию) — вице-президент общества генерал фон-Лампе с общего согласия, вместе с присоединившимся к нему в г. Альтенбурге — полковником Гаусманом, и в г. Карлсбаде (местопребывание штаба генерала А. А. Власова), профессорами И. Д. Филипповым и С. Н. Кожиным, 27-го апреля 1945 г. прибыл в г. Линдау (на Констанцком озере), который 30-го апреля был занят французской армией.

17-го мая, увидя, что русские эмигранты, находящиеся во французской зоне оккупации, оказались совершенно беззащитными и брошенными на произвол судьбы, я решил использовать то обстоятельство,



Сеть отделов Красного Креста к ноябрю 1946 г.

что среди немногих сохранившихся у меня бумаг находилось свидетельство, что я состою вице-президентом Русского Красного Креста в Германии, на котором, кстати сказать, в свое время секретарь забыл поставить печать Красного Креста и отправился к французскому военному губернатору района Линдау подполковнику Гоазет и предложил ему использовать мой опыт в работе с русской общественностью и передать мне защиту бесподданных (апатридов).

К счастью, подполковник Гоазет оказался старым офицером, понявшим меня сразу: он задал мне всего два вопроса: служил ли я в старой Императорской Российской Армии и принимал ли участие в действиях русских Белых Армий..., получив от меня утвердительные ответы на оба вопроса, он выдал мне специальное удостоверение*), которым уполномачивал меня на открытие в г. Линдау «Оффиса Красного Креста для бесподданных при Военном Губернаторстве». Последние три слова нашего нового наименования едва не оказались роковыми и для оффиса, и лично для меня.

Такова очень краткая история Русского Красного Креста в Германии со дня его зарождения в 1919 году до дня его возрождения в Французской зоне оккупации в мае 1945 года. К этому могу только добавить, что преемственность «Оффиса» от Русского Красного Креста «Старой организации» была подтверждена тем, что, будучи назначен на мою должность президента оффиса представителем Французского командования, я получил утверждение в ней письменным голосованием ряда членов Общества, с которыми по условиям переживавшегося тогда времени можно было установить связь, а именно: Е. В. Княжны Веры Константиновны (президент общества), Ф. В. фон-Шлиппе (б. президент общества), А. Н. Алексеевой (вдова Верховного Главнокомандующего Русскими Армиями в войну 1914—18 гг.), барона В. Л. Остен-Сакена (член совета общества), Л. М. Черненко-Триденской, Е. П. и М. В. фон-Шлиппе, барона А. А. Крюденера-Струве (знак Красного Креста 1-й степени) и Е. В. Семчевской. С течением времени была установлена связь с Международным Красным Крестом в Женеве и с Главным Управлением в Париже в лице председателя его Барона Б. Э. Нольде, выдавшим мне также соответствующее удостоверение**).

Вместе с получением полномочий от французских властей в районе Линдау мне были также переданы те русские, которые попали в отдел социальной помощи штаба французских военных сил: В. М. Савин, И. М. Гармаш и Г. Г. Щеглов (Багратион), которые начали работать в возглавляемом мною оффисе вместе с прибывшими вместе со мною Т. П. Гаусманом, И. Д. Филипповым, С. Н. Кожиным и теми моими сотрудниками, имена которых я приведу в моем очерке деятельности Красного Креста, во главе которого я волею судеб и французского командования — стал.

Положение было воистину нелегкое. Полномочия французского

---

*) См. страницу 97-ю.
**) См. страницу 98-ю.

командования были датированы 18-м мая 1945 г. Таким образом, в течение менее, чем в три недели были преодолены значительные препятствия, была установлена прямая связь с командованием только что пришедшей армии, были получены от нее полномочия и можно было приступать к осуществлению их — это и было сделано, 19-го мая мы нашли помещение (впоследствии оно стало местным «Русским Домом», в котором поместилась и православная церковь, также созданная с помощью Оффиса), это помещение сами (!?) реквизировали у немцев, и 24-го мая наш «Оффис» открыл свои действия. Конечно, в основе такого успеха лежало исключительное отношение к нам французского губернатора, но все же темпы были почти что «американские» — этим всем я, конечно, был обязан тому исключительному настроению, которое царило среди моих и старых, и новых сотрудников. Работа в буквальном смысле слова кипела.

Кто же тогда, также как мы, помогал русским в Германии? Конечно, в мае 1945 г., когда мы начинали нашу работу — мы этого не знали. Но постепенно стало выясняться, что мы не одни: в Мюнхене начал такую работу С. В. Юрьев, в Кемптене — генерал Данилов, в Касселе — К. В. Болдырев, и в далеком от нас Гамбурге — Протоиерей Нафанаил (Львов). Со всеми, кроме последнего, нам связаться постепенно удалось.

В течение июня месяца я побывал как у С. В. Юрьева (21-го), так и у генерала Данилова (24-го), и мы все трое составили и подписали обращение к французскому правительству, обращая его внимание на то, что так называемая — новая русская эмиграция (я, в моей работе, разницы между эмиграцией новой и старой не делал), ничем и никем не защищена от насильственной ее репатриации в СССР всевозможными советскими представителями, миссиями и т. д. Мы настаивали на том, чтобы каждому русскому эмигранту было позволено самому решить вопрос, куда он хочет направиться... с точки зрения «демократической» Европы, казалось бы исполнение этого нашего ходатайства было минимальным... Но сколько прошло времени до того, как русские эмигранты получили то немногое, что мы в июне 1945 года просили для них! Судьба нашего заявления мне неизвестна — его взял у меня, чтобы отправить по адресу (также и генералу де Голль), все тот же военный губернатор района Линдау, который с первой минуты поддерживал наш Оффис...

Для того, чтобы представить себе, когда мы начали нашу работу — дам справку: Т. А. Шауфус, впоследствие развившая в Германии работу в исключительно широком масштабе — начала ее осенью 1947 года, то-есть более, чем через два года после нас.

Вспоминая наше сложное положение в мае 1945 года, я не могу не остановиться на очень трудном вопросе, который нам также надо было тогда же, и при том сразу, разрешить — вопрос материальных средств, без которых, хотя бы и в самом минимальном размере — начать работу было почти что невозможно. В моем распоряжении их почти что не было или, вернее — они были, но в таком минимальном размере, что решиться начинать дело, — было нелегко.

В виду возможного ухода нашего из Берлина, совет Русского Красного Креста, по почину заведующего амбулаторией доктора Л. В. Аксенова решил разделить между собою всю наличность амбулатории. В кассе было 40.000 весьма низко котировавшихся тогда германских марок — нас членов Совета было пять человек: Княжна Вера Константиновна, В. Л. Остен-Сакен, доктор Аксенов, Б. В. Дуплев и я. Каждый получил по 8.000 марок, с тем, чтобы он эти деньги пронес на себе, сохранил их и при первой же возможности передал опять в Красный Крест. Сразу же оговорю — доктор Аксенов скончался в Берлине, ни на минуту не покидая его, Б. В. Дуплев должен был из Альтенбурга вернуться также в Берлин. Таким образом в кассу Оффиса постепенно поступило от Княжны Веры Константиновны, барона В. Л. Остен-Сакена и от меня по 8.000 марок Но первые два поступления пришли с течением времени, когда наладилась связь и начинать приходилось с тех восьми тысяч марок, которые сохранились на мне. Это было почти что ничего. Опять спасли сотрудники — они работали бесплатно, живя на свои сбережения и получая за работу только питание, которое в первые месяцы существования Оффиса нам обеспечил французский военный губернатор в немецком ресторане, находившемся в том же доме, где начал работу Оффис. Добавлю, что впоследствии помог нам материально Г. П. Брушвейлер, который, создав в Берне (Швейцария) организацию: «Secours International aux Réfugiés», передал нам ее представительство и смог немного помочь Оффису материально. Но это тоже пришло потом. Начинать же все-таки пришлось с 8.000 обесцененных германских марок.

Работы же было много — насколько помощь была нужна, показывает то обстоятельство, что при наличии в г. Линдау тогда всего 300—350 человек русских, посещаемость в первые два месяца существования Оффиса была до ста пятидесяти человек в день. Шли отовсюду, конечно, начиная с тех русских, которые попали во французскую зону оккупации. Приходили и из соседней американской зоны, и не только русские...

В основу работы Оффиса я вложил следующие два основные принципа:

1. — Мы, старая русская эмиграция, пользуясь нашими связями и способностью (привычкой) к организации — должны помочь эмиграции новой. Быть может в этом заключается наша последняя работа для Родины.

2. — Красный Крест, как таковой — работает бесплатно и никаких денежных взносов (кроме добровольных) за свою работу и за выдаваемые им удостоверения — не взимает.

Эти два основных правила были строго проведены в жизнь центральным отделом Оффиса в Линдау. Отделы на периферии, несмотря на мои запреты — взносы за выдаваемые удостоверения, в скромном размере, но взимали. Не надо забывать, что в то время, чтобы спастись от угрозы насильственной репатриации — многие готовы были уплатить какую угодно сумму. Этого, такой возможности, никогда не было использовано и на периферии!

1er. Armee francaise
Gouvernement Militaire.

Mönsieur le Génral A.LAMPE
Vice-Président de
'ancienne Organisation de
La Croix Rouge Russe en
Allemagne

LINDAU

18.5.45

Mon Général

Comme suite a votre proposition et à notre entretien du 17-5-45 relatif à la situation sociale des apatrides et réfugiés russes dans la zone occupée de l'Allemagne Occidentale, je vous autorise de procéder à l' organisation d' un Office spéial sous le nom

"Office de la Croix Rouge
pour les apatrides auprès
du Gouvernement Militaire"

Le but de cette organisation sera de s' occuper:

1.) de l ' enregistrement des personnes qui ayant perdu leur nationalité initiale n'ont pas acquis une autre nationalité et qui en conséquence devront etre considerés comme apatrides,

2.) de la défence de leur droit de refuge et d' existence en collaboration de notre Service Social

3.) de l'organisation de L'aide sociale aux apatrides enregistrés sous l'auspice de la Croix Rouge ou d'autres organisations similaires

Pour toutes les questions concernant l'organisation de l'Office ci-dessus et pour son activité eventuelle je vous prie de vouloir bien vous adresser au Bureau des Etrangers de notre Service Social.

Je vous prie d'agréer , Mon Général ,mes salutations distinguees.

Lieut. Colonel Ct. Détacht G.M.
Lindau.

18. Mai 1945
№ 1.

Удостоверение Французского губернатора г. Линдау.

Составлено было русскими на случайной машинке городского управления г. Линдау, в саду. Оттуда и ошибки в тексте.
Подполковник Гоазет его... поправил, подписал и приложил печать!

DIRECTION GÉNÉRALE
DE L'ANCIENNE ORGANISATION
DE LA CROIX ROUGE RUSSE

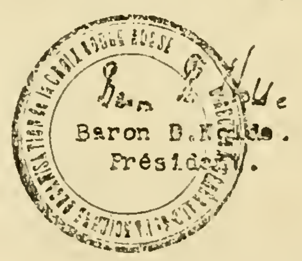
61, RUE BOURSAULT – PARIS (17e)
TÉLÉPHONE : MARCADET 66-92

PARIS, LE 18 Décembre 1946.

No 253.

C E R T I F I C A T.

La Direction Générale de l' Ancienne Organisation de la Croix Rouge Russe certifie par le présent que Monsieur Alexis de LAMPE est le Représentant de la Direction Générale pour les affaires des refugiés russes apatrides dans les zones d'ocupation française, britanique et américaine de l'Allemagne.



Baron B. Nolde.
Président.

Удостоверение председателя Главного Управления Российского Красного Креста, Барона Б. Нольде, присланное из Парижа.

Работа Оффиса развивалась по самым разнообразным направлениям. Уже на одиннадцатый день существования Оффиса я тогда записал: «нам удалось одержать значительную победу. Из близлежащего к нам лагеря Шлахтерс, вместе с подсоветскими людьми было направлено одиннадцать эмигрантов, которые хотели «зачислиться за нашим Оффисом», в советский лагерь в Фридрихсгафене... Нам удалось отстоять их и получить их в распоряжение Оффиса, что спасло их от репатриации. Надо, однако, признаться, что в этом успехе было и огорчение — мы спасли одиннадцать человек, которые говорили нам, что они лучше умрут, чем поедут в СССР. Но возвращенные нам из лагеря эмигранты утрачивали там часть своего имущества. Оценив положение, двое из одиннадцати решились остаться в Фридрихсгафене. Огорчение наше было, если можно так выразиться, чисто принципиальное — мы никого не уговаривали НЕ ехать в СССР, это было всецело их дело!

6-го июня из Хергенсвейлера, где был уже наш представитель, — прибежали в панике русские люди, — представители НКВД и офицеры Красной Армии, угрожая револьверами, требовали «добровольной» их посадки на грузовики в определенный день и час... приходилось выручать и их!

12-го июля я получил тревожное сообщение, что в лагере Люстенау лагерными властями намечен вывоз части русских в советский лагерь. Я спешно выехал на место действия, в сущности говоря, не зная как можно помочь беде.

Но дело разрешилось только фактом нашего (со мною был профессор Кожин) вмешательства. Французский комендант лагеря, узнав от нас все подробности положения русских в Германии — передал в наше распоряжение не только тех одиннадцать человек русских, по вызову которых мы приехали, но и присоединил к ним еще и тридцать одного украинца и десять армян. Они почти все имели при себе удостоверения Оффиса, которыми они предусмотрительно запаслись. Их тут же выпустили из лагеря на все четыре стороны.

Таким темпом пошла работа и дальше. Так продолжалось почти что ежедневно и повсеместно!

Задачами новосозданного Оффиса являлись:

1. Регистрация лиц, потерявших свое старое подданство и не принявших подданства нового.

2. Защита интересов этих лиц в сотрудничестве с французским Сервис Социаль.

3. Организация социальной помощи этим лицам в связи с Французским Красным Крестом и другими благотворительными организациями.

Первой и основной задачей Красного Креста была, конечно, регистрация апатридов, в состав которых входили не только русские эмигранты. В числе зарегистрированных были представители многих наций. Был даже раз случай, что французские власти прислали к нам двух... бразильских подданных.

Надо было, во-первых, помочь французским органам власти разобраться в обстановке и, во-вторых, что было, конечно, много важнее — дать опору русской эмиграции, в особенности так называемой эмиграции новой, которой грозила насильственная репатриация в СССР.

Я, лично, с самого начала установил совершенно одинаковое отношение ко всем эмигрантам вообще. Того же я требовал от моих сотрудников. Кроме того — никогда и ни в каком случае мы не нарушали того, чего ждали от нас французские учреждения, имевшие обязательства перед советскими представителями, им союзными. Мы никогда не отговаривали от возвращения в СССР тех, кто по каким-либо соображениям решался на это возвращение, и никогда не применяли никаких способов воздействия, чтобы уговорить того, либо другого эмигранта — остаться в Европе. Да такое воздействие было, к тому же,

совершенно излишним, во-первых, остаться хотели, за редким исключением, почти поголовно все, а, во-вторых, те, кто хотели ехать в СССР — естественно, к нам и не приходили — каждый из них знал условия жизни в СССР, по собственному опыту, много лучше, чем каждый из нас. Все обвинения советских представителей, против русских эмигрантских организаций, в том числе и против нашего Красного Креста — в том или ином воздействии на новую эмиграцию, для того, чтобы она не возвращалась в СССР — это несомненная и сознательная ложь. Мы строго исполняли наше обещание, данное нами французам — мы не мешали тем, кто решил вернуться, но мы всеми доступными нам способами помогали тем, кто решил остаться в Европе. Способы эти были многогранны и разнообразны, и я думаю, что все еще не настало время для полного освещения их в печати!

Поставив главной задачей Красного Креста регистрацию эмигрантов и, конечно, попутное оказание им гуманитарной помощи защитой их прав на убежище, оказание им социальной помощи во всех доступных нам отраслях — мы должны были как можно быстрее войти в сношения с группами эмигрантов (апатридов), разбросанными повсюду в пределах французской зоны оккупации. Приступив к этой самой важной части работы, я сразу увидел, что нельзя ограничиться только французской зоной, потому что положение эмиграции в соседней американской, а за нею и в английской зонах нисколько не разнится между собой и помогать надо было всем и как можно скорее. Других органов, кроме тех, кого я уже назвал — не было и надо было распространяться как можно шире.

В этом направлении и стала развиваться работа Оффиса. Постепенно наши представители или целые отделы появились повсюду.

24-го мая начал работу центральный Оффис в Линдау. 31-го мая стали работать представители в Хергенсвейлер, Крессброн и Зонтгофен. 5-го июня создался отдел в Форарльсберге (Австрия) с представителями в Дорбрине, Брегенц и Фельдкирх (в этом селении жил тогда Е. И. В. Великий Князь Владимир Кириллович, не принятый в княжестве Лихтенштейн, границу которого он перешел и принужден был вернуться обратно в Австрию). 9-го июня в г. Равенсбурге и в тот же день в г. Вангене. 21-го июня была установлена связь с организацией С. В. Юрьева в Мюнхене, а 24-го с общежитием генерала Данилова в Кемптене, пережившим впоследствии насильственную репатриацию американскими войсками и лично подвергшимся избиению. 13-го июля появился представитель Оффиса в Тутлингене, 16-го в Ротвайль и 21-го в Мерсбурге. 3-го августа народился отдел в Иннсбруке (профессор В. С. Ильин), с отделениями в Ландек, Китцбюгель, Куфштейн, Шварц, а потом и в Граце. 12-го августа — представитель в Касселе, а потом и в Лемго, 17-го августа — в Зигмарингене и в Вальдзее. 18-го в Зальцбурге, 21-го — в Заульгау. В течение ноября-декабря были назначены представители в Пассау, Фюссене, Мюнхене, Бад Киссингене, Линце, Фрейбурге, и даже в Гамбурге. 28-го января 1946 г. — в Констанце... В ноябре 1946 г. создан комитет помощи в Стокгольме.

Все перечисленные города и местечки, как можно видеть — совер-

шенно неравноценны. Надо было расширять сеть, увеличивать возможности помощи эмиграции — некогда было обсуждать и расценивать — надо было действовать. Богатые и мощные организации помощи пришли позже. Им постепенно передавали мы то, что нам удалось сделать сразу и в тот период, когда создание этих организаций еще обсуждалось в международных кругах... Работа Оффиса была работой черной, подготовительной, и в этом была и ее трудность и ее... необходимость.

Сколько русских эмигрантов прошло через все эти отделы и представительства? Это не так просто определить в той трудной обстановке, в которой нельзя было настаивать на точной статистике. Во всяком случае одна цифра в моем распоряжении имеется — к ноябрю 1945 года, через руки представителей Оффиса прошло более шести с половиной тысяч человек, а работа продолжалась дальше также интенсивно... Мы могли, вернее — имели право регистрировать только тех, кто письменно заявлял нам, что он не является подданным или гражданином никакого государства, и которые... могли представить документы, удостоверяющие их состояние апатрида. Это, конечно, было самое трудное и сложное. Но и это было преодолено. Надо отдать справедливость немецким органам власти, в особенности в г. Линдау — они всецело пошли навстречу русским эмигрантам, вняв нашему указанию, что если немцы в свое время создали бесправную массу «остарбейтеров», то они же должны были ей теперь помочь. И они помогали...

Но, конечно, не всегда. В самом г. Линдау имел место очень, по меньшей мере, «странный» случай. 21-го августа, автомобиль управления округом Линдау с громкоговорителем, который по тому времени заменял собою все способы сношения власти с населением — громогласно объявил, что на следующий день все русские эмигранты обязаны явиться в определенный пункт для... погрузки в поезд и отправки на родину. Одновременно с этим все немцы, хозяева квартир, в которых поселились русские, получили от городского управления письменное требование, которое обязывало их, под их ответственностью наблюдать за исполнением этого требования и направлять своих жильцов на погрузку. Можно себе представить, как обрадовались немцы, очень тяготившиеся переполнением своих жилищ чужим им элементом.

Но можно себе представить и переживания русских старых и новых эмигрантов, неожиданно ставших перед перспективой почти что насильственной отправки в СССР. Их обуяла почти что паника, все кинулись в Оффис, — вот когда стало ясно, поскольку такое даже и маломощное учреждение было для русских необходимо...

Срочным сношением с французским губернатором и немецким начальником округа удалось приостановить исполнение неожиданных распоряжений, до письменной рассылки по квартирам опровержений первого указания включительно. Очередной автомобиль с громкоговорителем должен был уже к вечеру 21-го августа объявить о происшедшем «недоразумении», но... еще большее недоразумение случилось с этим автомобилем — он пропал где-то в окрестностях города и только днем

22-го, уже следующий автомобиль выполнил его задачу и окончательно успокоил взволнованную массу апатридов.

Мне так никогда и не удалось выяснить подоплеку этой странной «ошибки», как ее назвал мне немецкий начальник округа. Было ясно, откуда шло то, что к этой ошибке (?) привело. Но выяснять и разбираться в этом деле было некогда — обстановка требовала работы и работы спешной — опасность была отведена и надо было идти дальше. Таков был темп работы Оффиса!

Не все перечисленные пункты сохранили отделы и представителей нашего Красного Креста..., кое-где они прекращали свое существование, кое-где нарождались новые..., — масштаб настоящего очерка не дает возможности осветить этот вопрос более подробно. Интересующихся я отсылаю к фотографии специальной схемы*), которая показывала сеть представительств Оффиса в ее окончательном виде к ноябрю 1946 г., то-есть, когда наша работа стала уже переходить к раскинувшей свои представительства организации УНРРА, с отделом (team) Нр. 578, которого возглавляемым г-ном Жербье, вошел в непосредственную связь наш Оффис и стал постепенно подсобным органом этой широко поддержанной международными представителями, и богато снабженной материальными средствами организации. В связи с ней работал Оффис до конца моего непосредственного руководства, то-есть до 14-го декабря 1946 г., когда я покинул Линдау, и еще потом полтора года, при моем заместителе А. Р. Савельеве-Ростиславиче, который вел свою работу под моим руководством из Парижа, пока сам, перед своим отъездом в Аргентину в 1948 году, не закрыл с моего согласия Оффис, просуществовавший таким образом три года!

Самый интенсивный и продуктивный период работы Красного Креста, в сущности говоря, продолжался до начала апреля 1946 года. С этого времени работа начала фактически переходить к УНРРА.

Постепенно перешла к УНРРА и регистрация бесподданных..., а с регистрацией пришла и проверка данных тех карточек, которые заполняли сами эмигранты на основании имеющихся у них документов... прошел первый, самый опасный и неопределенный период. Эмиграция применилась.

В порядке очереди поверочная комиссия, уже давно действовавшая на всей территории французской оккупации, 5-го и 6-го августа 1946 г. дошла и до центра пребывания нашего Красного Креста — города Линдау. Комиссия возглавлялась г. Жербье, начальником местного отдела УНРРА, в ее состав входил представитель от французского командования майор Рон, которому русская эмиграция во французской зоне оккупации обязана очень многим, и представитель одной из бесчисленных советских комиссий подполковник Гунларев, имевших задачей отправку так называемой новой эмиграции в СССР. Нашего представителя в комиссии не было.

*) См. страницу 93-ю.

Характерна работа комиссии. По указанию советского представителя из картотеки УНРРА было выбрано 80 карточек (всего русских в Линдау было примерно 350 человек). Владельцы этих восьмидесяти карточек предстали перед комиссией и подверглись проверке, в сильной степени пристрастной со стороны советского члена ее... Из 80 человек, одиннадцать были признаны советскими подданными, что уже по изменившимся обстоятельствам не грозило отправкой в СССР, так как французское командование от насильственной отправки сразу же отказалось. Шестьдесят восемь были признаны по их документам — старыми эмигрантами. Только один остался под сомнением и комиссия никак не могла определить, к какому разряду эмиграции он принадлежит и, в конечном счете, не без труда, признала его старым эмигрантом...

Я хорошо знал состав эмигрантов в Линдау — из 80, семьдесят девять были новыми эмигрантами и, только один, и именно тот, над определением принадлежности которого так долго спорили члены комиссии — был старым эмигрантом. Я его лично знал за много лет до начала войны в Берлине!

Однако, вопрос регистрации не был единственным вопросом, составлявшим предмет работы Оффиса. Были и другие неотложные задачи, которые, правда, относились больше к русской колонии в самом г. Линдау.

Было снабжение продовольствием и обедами, что, в особенности, было важно в виду того, что г. Линдау сделался объектом своеобразного «паломничества» русских эмигрантов со всех концов Германии. Необходимо было обеспечить всю эту массу помещением для ночлега. Во всех этих вопросах на помощь приходили взаимоотношения с органами французской социальной помощи.

Удалось сразу получить из французских запасов пятьсот продовольственных посылок. И тут, как было и во всех случаях, немедленно встал вопрос, как их использовать, чтобы удовлетворить большее число нуждающихся — мое решение вызвало не мало нареканий, но я его провел в жизнь — я раскрыл посылки и выдавал их содержимое по частям, хотя бы для того, чтобы табак и папиросы не получали дети, а сахар и сладости не попадали к взрослым мужчинам...

22-го июня в г. Линдау была открыта амбулатория, которою руководил сначала доктор Иляхинский, а потом доктор Жуковская. За восемь месяцев своего существования она пропустила почти пятьсот больных. Все необходимые инструменты мы получили от немецких властей. Медикаменты доставлял, и при том, конечно, бесплатно. Г. П. Брушвейлер из Швейцарии.

Уже второго апреля местный французский губернатор, сменивший подполковника Гоазет, известил меня, что к УНРРА переходит вопрос оказания врачебной помощи апатридам — открылась новая амбулато-

рия в самой УНРРА и, с моего согласия, туда перешел и наш врач, который, наконец, начал получать материальное вознаграждение за свой труд.

Были организованы **розыски** в рассеянии сущих русских эмигрантов, что проводилось в жизнь путем обмена списков с другими народившимися эмигрантскими организациями...

Конечно, встал вопрос о предоставлении работы; решение этой сложной и важной проблемы было очень нелегким, так как после только что окончившейся войны работу искали массы немцев, а в особенности солдат только что распущенных и самораспустившихся войсковых немецких частей...

Для решения этого вопроса пришлось приступить к созданию **своих** мастерских и, постепенно, в г. Линдау были созданы: **Автомастерская** (Л. П. Трунов), которая смогла шире всех развернуть свою работу, так как все тот же подполковник Гоазет выдал ей разрешение на беспрепятственный сбор по всем дорогам французской зоны оккупации остатков всевозможных автомобилей. А таких остатков в те времена было немало, так как завладевшие автомобилями люди легко бросали их при первой порче на произвол судьбы.

За авто-мастерской создалась **электро-мастерская** (А. А. Михельман), занявшаяся созданием электрических плит и печей, что было к зиме совершенно необходимо. За нею народилась **мастерская столярная** (Н. А. Сокальский).

Не обошлось и без столь необходимого при организациях русской эмиграции **Дамского Комитета** (З. Г. Гаусман, Е. А. Игнатьева, Т. В. Савина и А. А. Пресняков), взявшего на себя обеспечение бельем, платьями, устройством развлечений (елка) для эмигрантских детей и помощь в амбулатории Оффиса. Не удалось получить разрешения на создание **типографии.**

И, наконец, 21-го января 1946 г. удалось в том же г. Линдау создать **школу для детей** (Священник К. Соловьев, А. А. Пресняков, К. А. Годило-Годлевская, Г. В. Месняев — теперь талантливый сотрудник нью-йоркской газеты «Россия»).

В центральном бюро Оффиса работали: Т. П. Гаусман (работал одновременно и в УНРРА, в 1949 г. скончался), профессора И. Д. Филиппов и С. Н. Кожин, Н. М. фон-Лампе (начальница канцелярии), уже упомянутые мною В. М. Савин и И. М. Гармаш, П. В. Месняев, который, как старый и испытанный доброволец, начиная с шоферства за рулем автомобиля Оффиса, делал решительно «все», и Н. И. Преснякова. Машинистками последовательно были И. И. Дуброва и Е. В. Гаусман, (однофамилица полковника Т. П. Г.) — им всем обязан Оффис и я тем, что нам в той или иной мере удалось в острый переходный период помочь русской эмиграции найти себя и оглядеться для подготовки себя к дальнейшей борьбе за существование, в большинстве случаев «за океаном» — до переброски через который надо было дожить и... оградить себя от нежелательных посягательств со стороны «соотечественников», свободно распоряжавшихся в зонах ок-

купации Германии. Надо отдать справедливость французскому командованию, что оно, в противоположность командованию британскому и, в особенности, американскому, почти сразу обуздало вожделения советских комиссий и решительно не допускало у себя в зоне насильственных отправок «на родину». Как я уже упоминал, в этом вопросе большая заслуга принадлежала французской службы майору Ю. И. Рош, французу, родившемуся в России и хорошо знавшему русскую действительность и лично, и по своей жене Вере Павловне — также русской.

Еще раз отмечу, что весь персонал Оффиса, который упомянут мною выше — работал бесплатно и единственным вознаграждением его за труды были сначала бесплатные, а потом — удешевленные обеды и иногда — выдача мною продовольственных посылок. И это все!

Было бы ошибкой думать, что вся описанная мною вкратце работа Оффиса проходила без всякого противодействия со стороны тех, кто зорко наблюдал за нами и кто работой нашей, направленной к поддержке оставшейся беспомощной массы эмигрантов, обреченной на «возвращение на родину», конечно, должен был быть недовольным и обязан был ей противодействовать. Конечно, противодействие это сказывалось во всем, от доносов о том, что мы продаем наши удостоверения, которые составляли предмет страстного желания для эмиграции, по какой-то баснословной цене (читатели припомнят, что по поставленному мною принципу, удостоверения выдавались бесплатно), о том, что мы чуть не силою удерживаем эмиграцию от «добровольного» возвращения в СССР, и до оказания прямого противодействия Оффису в его работе.

Главная ценность удостоверений Оффиса, при кажущейся простоте их содержания, была в том, что составлялись они на основании документальных (!) данных, свидетельствовали о том, что данное лицо в Оффисе зарегистрировано, и в силу этого может рассчитывать на заступничество со стороны французских властей в нужную минуту. Иными словами — французские учреждения с этими удостоверениями считались — а это было главное, чего добивался каждый русский (и не только русский) эмигрант! *).

В какой-то степени спасали они своих владельцев даже и в дни ожесточенных преследований советскими комиссиями новых эмигрантов в г. Равенсбурге, Вангене и др., когда эти комиссии, явно нарушая свои «союзнические» права, врывались в частные квартиры, хватали людей прямо на улице и т. п.

Уже в самом начале работы Оффиса — подполковник Гоазет, а потом и местный представитель УНРРА, г. Жербье, предупреждали меня об... осторожности в отношении меня лично... Конечно, это было с их стороны очень внимательно, но как было эту «осторожность» осуществлять? А потом пришло и более реальное — лакмусовой бумажкой в этом случае послужили три заключительные слова нашего официального наименования: «При военном губернаторстве». — Уже

*) См. образец на стр. 107-й.

летом 1945 г. один из советских военных, входивших в состав очередной комиссии — настойчиво и даже резко требовал от подполковника Гоазет уничтожения этих слов, якобы противоречащим союзным обязательствам Франции по отношению к СССР, и моего ареста. В этом направлении военный губернатор «кинул кость», и 22-го августа в Оффисе был произведен французами «обыск», и мне было предъявлено требование эти сакраментальные слова, включенные в данное нам разрешение на существование, уничтожить, что и было окончательно выполнено к концу октября! В этот день (тоже в качестве «кости») мне было рекомендовано лично в Оффис некоторое время не ходить. Работа в Оффисе временно затихла и только по моему настоятельному требованию продолжалась она без задержки в благотворительном отделе (самый Оффис), амбулатории, отделе розысков и в мастерских.

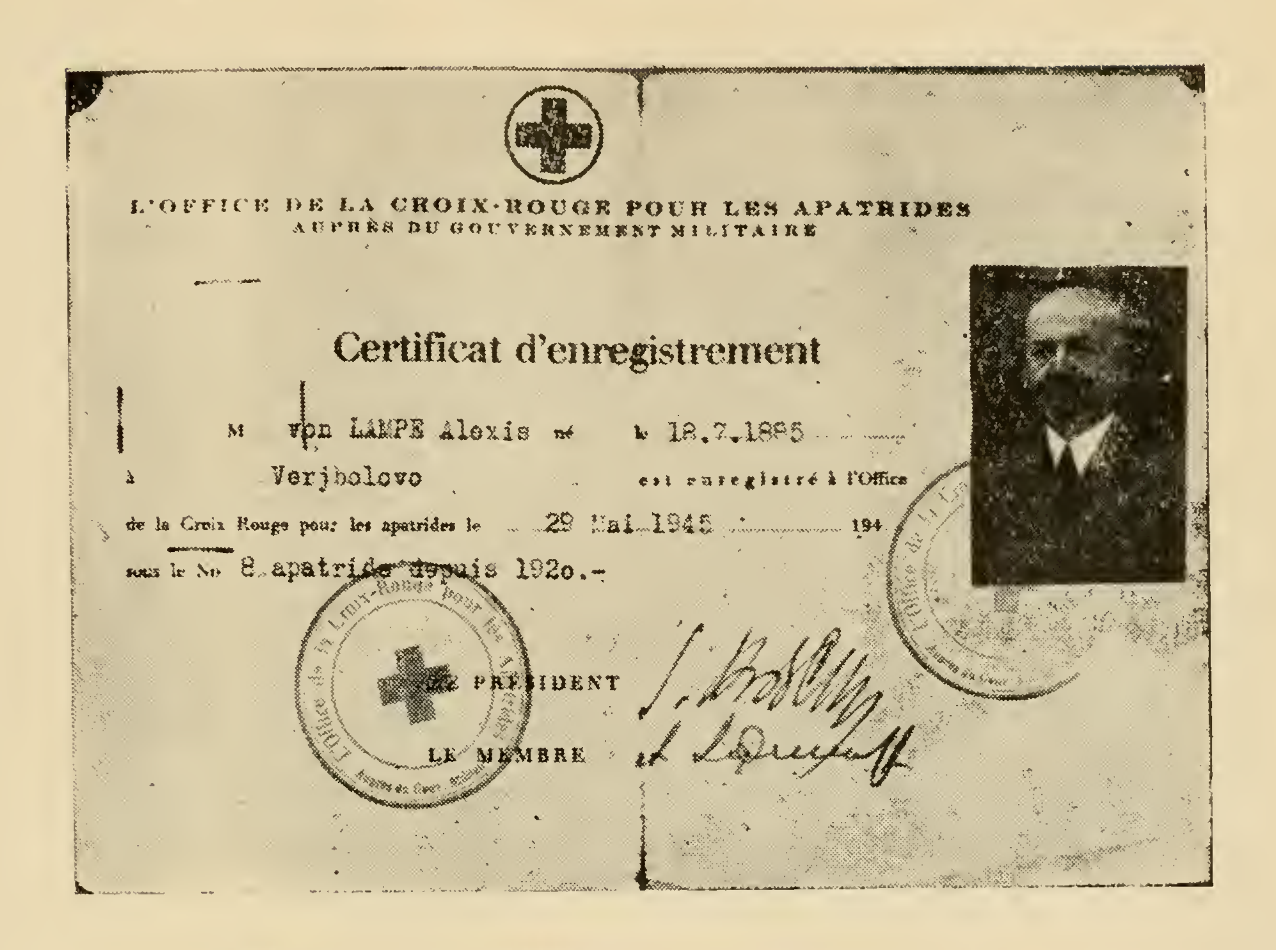
А третьего сентября я был арестован... агенты, осуществившие мой арест, сказали моей жене, что это делается «в моих интересах». Возможно, что это было и так, и даже наверное так, но... через десять минут после этих слов я оказался в одиночной камере местной городской тюрьмы, вместе с пятью другими арестованными: два немца, один сержант-француз с Мадагаскара, один интеллигент — гражданин Люксембурга и один русский Ди-Пи, обвиняемый в преступлении против нравственности, который был несказанно рад моему появлению, потому что с момента своего заключения, он, не зная ни слова ни по-французски, ни по-немецки — должен был объясняться знаками. Впоследствие я был его добровольным переводчиком на суде, приговорившем его к заключению.

Несмотря на слова, сказанные моей жене — положение было тяжелым и весьма мало походило на отдых... Международная кампания, сосредоточенная на пространстве, предназначенном для одного человека, конечно, увеличивала тяжесть заключения, которое, хотя и было осуществлено «в моих интересах» — но не было ничем решительно облегчено в сравнении с другими арестантами... Конечно, волнение в оставленном мною Оффисе и среди многочисленных его представительств — было немалое. К чести личного состава надо сказать, что он не поддался на провокационные слухи обо мне, моих, якобы незаконных, поступках и о моей грядущей, возможно что и грозной судьбе...

1-го октября моей жене сказали, что мое освобождение подписано на 15-е число, в виду того, что 12-го покидает район Линдау советская военная миссия (в Лангенаргене)... Я, действительно, был освобожден в этот день, после 42-дневного заключения в тюрьме. Советская миссия никуда 12-го октября не уехала и покинула французскую зону оккупации значительно позже.

После выхода из заключения я был принят подполковником Гоазет, который высказал уверенность, что я «не буду же обращать внимания на такие пустяки»... После этого я продолжал мою деятельность по Оффису беспрепятственно.

Не избежали той же участи и мои «коллеги» по работе на русскую



L'OFFICE DE LA CROIX-ROUGE POUR LES APATRIDES
AUPRÈS DU GOUVERNEMENT MILITAIRE

Certificat d'enregistrement

M von LAMPE Alexis né le 18.7.1885
à Verjbolovo est enregistré à l'Office
de la Croix Rouge pour les apatrides le 29 Mai 1945 194
sous le No 8 apatride depuis 1920.-

LE PRÉSIDENT

LE MEMBRE

Образец удостоверения (уменьшено в два раза).

эмиграцию. 11-го марта 1946 года, не без трудностей приехав в Мюнхен, я с огорчением узнал, что накануне арестован американскими властями С. В. Юрьев, а 26-го марта, ко мне в Линдау приехал из Касселя К. В. Болдырев, незадолго до этого освобожденный из заключения... Большевики принимали свои меры.

Я очень сжато и неполно осветил работу Русского Красного Креста — в Германии и, в частности, работу его во французской зоне оккупации. При этом я не использовал и малой части имеющегося у меня по этому вопросу большого материала, т. е. записей, писем, таблиц и фотографий. Быть может когда-нибудь жизненные условия позволят мне изложить это все более подробно. Сейчас, я думаю, что для «Меморандума», создаваемого русскими юристами в Соед. Штатах, даже и того, что я здесь написал — будет слишком много для включения в общую сводку.

Не мне и не моим сотрудникам судить о том, была ли полезна, а может статься, и нужна деятельность Оффиса для русской эмиграции в французской зоне оккупации Германии. (а. отчасти, и в других зонах). Я знаю, что есть лица, которые считают ее если не вредной, то бесполезной...

Мне кажется, что единственными судьями в этом вопросе могут быть только русские эмигранты, с этой деятельностью почему-либо соприкасавшиеся и к ней подошедшие ближе.

И в этом отношении я могу сказать, что я имею право чувствовать себя, в известной степени, удовлетворенным. Даже сейчас, через пять лет после того, как мы покинули Германию — моя жена и я получаем письма от тех русских эмигрантов, которых мы видели и знали в дни кипучей деятельности Оффиса в Линдау. Письма эти трогательны и авторы их, случайно узнав наш адрес — говорят о том, что Оффис им помог в наиболее трудную минуту их жизни.

Именно в этом-то и была его задача!

«День Русского ребенка», XXII, 1955.

ГЕНЕРАЛ БАРОН
ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
ВРАНГЕЛЬ

ГЕНЕРАЛ БАРОН ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ

«ПЕРВЫЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬ»

В конце 1919 года я занимал должность старшего адъютанта штаба Войск Киевской области (генерал А. М. Драгомиров) и вместе со штабом и войсками области отходил к Одессе. В Одессе наш штаб был расформирован, а офицеры генерального штаба были прикомандированы к оперативному отделению штаба Войск Новороссии (генерал Шиллинг), в числе этих офицеров был и я.

По приказанию Командующего войсками области я был командирован в Константинополь, для связи с союзниками и выехав 12-го января на полуразрушенном французском пароходе «Дюмон Дюрвиль», принявшим меня с женой и маленькой дочерью на свой борт на открытом рейде Одессы, прибыл в Константинополь и поступил в распоряжение Военного Представителя Главнокомандующего генерала В. П. Агапеева.

Через несколько времени в Константинополь прибыли, высланные с Юга России генералы барон П. Н. Врангель и П. Н. Шатилов. Поселились они в здании Драгоманата в посольской усадьбе, где была отведена комната и мне с семьей.

Генерал Врангель был полон энергии. Его исключительная и красочная фигура была заметна даже и при всей пестроте константинопольских улиц, по которым передвигалось немало русских военных, оставшихся от прежних эвакуаций или присланных по поручениям добровольческого начальства.

Сомневаясь в возможности достижения победы на южном фронте Гражданской войны в России, генерал Врангель решил пробираться в Сербию, дабы там подготовить для Вооруженных сил юга России, возможности для расселения в случае, если им придется покинуть Родину и, если обстоятельства позволят, то развернуть, главным образом в Сербии, с разрешения короля Александра, дальнейшие противобольшевицкие силы. Генералы Врангель и Шатилов хлопотали о разрешении выехать на Балканы...

Вести с северного берега Черного моря приходили все более и более тяжкие. Вооруженные силы юга России сворачивали свой фронт на правом (Кубань) и на левом (Одесса) крыле и с громадными трудностями переходили в Крым. Катились слухи о неудачах, приезжающие на частных пароходах, говорили о возможности смены командования.

Я лично готовился также к отъезду в Сербию, вместе с генералом Врангелем, с которым я был прочно связан со времени моего пребывания в качестве начальника оперативного отделения штаба армии в Царицине, откуда я был эвакуирован после двух перенесенных тифов, после которых я и попал на ту же должность в штаб Войск генерала Драгомирова.

Скверные слухи из Крыма оправдались... в самый разгар своей работы по подготовке к концентрации белых войск в Сербии — генерал Врангель, вместе с генералом Шатиловым, получили приглашение прибыть в Севастополь на Военный Совет... для выбора нового Главнокомандующего южным белым фронтом Гражданской войны в России...

Можно было относиться отрицательно к попытке перейти к «выборам» начальства в Белой Армии, но считаясь с тем, что «Военный Совет» был назначен вполне законно — не приходилось сомневаться в том, что выбор может остановиться только на генерале Врангеле, что естественно вытекало из всей его деятельности на фронте.

Генерал Врангель, при всех качествах его, как военного Вождя, не мог не ехать, не мог не отозваться на полученное им приглашение. Генерал Шатилов, его естественный начальник штаба, заставлял себя смотреть на дело спокойнее и доказывал своему другу-начальнику, что он идет на дело безнадежное и ничего достигнуть не сможет. Полученный генералом Врангелем (для передачи в Крым) ультиматум «союзников», требовавших от белых (но не от красных) прекращения борьбы на юге России под страхом лишиться при неприятии ультиматума, всякой помощи со стороны «союзников» — еще более ухудшал положение.

Но генерал Врангель приглашение принял и решил ехать, получив возможность достичь берегов Крыма от Союзного командования. Все мы, в особенности военные чины управления генерала Агапеева, с волнением в сердце прислушивались к тому, что совершалось в Драгоманате.

Настал день отъезда генералов на Север.

Мне было совершенно необходимо еще раз, перед его отъездом, повидать генерала Врангеля, во-первых, для того, чтобы пожелать ему успеха, а, во-вторых, чтобы просить его, подобно тому, как он хотел взять меня в Сербию — вызвать меня в Крым для назначения на любую должность по его решению.

Я ждал Петра Николаевича в управлении военного представителя, перед комнатой, отведенной ему для житья генералом Агапеевым.

Мне повезло — генерал Врангель вышел готовым к отъезду и мы остались одни...

Он был взволнован предстоящим ему жребием и сильно волнуясь он был совершенно откровенен.

Он более чем хорошо и совершенно правильно понимал положение. Как я уже один раз упоминал в печати (Сборник, посвященный его памяти и изданный мною в 1938 году) — «он шел не на праздник власти, как это думали многие, он ясно сознавал трудность и почти безнадежность задачи, которую судьба возлагала на его плечи, он по-

нимал, что идет на тяжелый труд, на подвиг, и тем не менее он опять подчинился долгу и, заявив Военному Совету: «я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения», принял на себя тот крест, который и привел его к преждевременной кончине. Но это все было позже, а в ту минуту я горячо присоединился к его решению, считая, что его вступление в командование давало белым последний шанс на победу. Я считал, что ехать надо и только просил использовать и мои небольшие силы. Вошедшему в нашу комнату генералу Шатилову — генерал Врангель сразу же сказал о теме нашего разговора.

Расставаться было трудно, и я с радостью воспользовался предложением генерала Врангеля вместе с ними на автомобиле генерала Агапеева проехать на пристань, где провожающих не могло быть и не было. Таким образом я был последним, кто видел будущего Главнокомандующего на европейском берегу, в минуту завершения его «первого Константинополя».

Генералов принял на борт английский миноносец. Я остался на берегу и крепко задумался. Меня тянуло обратно в Россию...

Первые известия из Крыма повергли меня в недоумение — я сам, если можно так выразиться, погрузил генералов Врангеля и Шатилова на английский миноносец. А известия из Севастополя говорили о прибытии генерала Врангеля в Крым на английском броненосце «Император Индии».... В этом было что-то непонятное, для меня, по крайней мере...

Только значительно позже узнал я, в чем было дело... В последнем разговоре мне казалось, что генерал Врангель волнуется... так и было. Оказывается, что при выходе миноносца в Черное море при сильной качке, сердце, которое так нужно было России, не выдержало, и у генерала Врангеля произошел сильный сердечный припадок. Англичане это учли, они тогда еще были любезны с будущим Главнокомандующим и миноносец повернул обратно в Константинополь, где генералу Врангелю была предоставлена возможность пересесть на броненосец, который 21-го марта и привез его и генерала Шатилова в Севастополь...

Там генерал Врангель принял главное команование и, как мы все знаем, исполнил свой долг до конца!

Я же, в начале мая, был вызван в Крым «для получения нового назначения»...

«Галлиполиец», 27, 1958.

К ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ КОНЧИНЫ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

Иметь героя в своей среде — радость и счастье. Потерять героя — горе и беда.

И. А. Ильин

Беда потерять своего героя постигла белых двадцать пять лет тому назад, 25-го апреля 1928 года, когда скончался Главнокомандующий Русской армией генерал барон Петр Николаевич Врангель. Скончался в Брюсселе, как тогда говорили, «от неизвестной болезни», которую так окончательно и не смогли определить лечившие его врачи, скончался, в последних своих предсмертных словах вспоминая Армию и Россию!

В сборнике, посвященном его памяти и вышедшем к десятилетию его кончины под моей редакцией, я писал: «Трудно, если просто не невозможно дать оценку и характеристику генерала П. Н. Врангеля... Для того, чтобы во весь рост оценить его колоссальную фигуру, повидимому, мало десяти лет...» Теперь, когда прошло еще пятнадцать лет, картина остается прежней. Для того, чтобы написать «Историю жизни генерала П. Н. Врангеля» надо раньше всего знать историю белых, которых он вел и которые его потеряли. А история белых еще не закончена. Его соратники не сказали еще своего последнего слова, не выполнили еще его заветов, которым они остались верны, не закончили своей службы России... Повидимому, историю жизни генерала П. Н. Врангеля и историю его белых, будет писать кто-либо из следующего за нами поколения, кто-то, кто доживет до воскресения России, о которой неизменно думал почивший Вождь на своем смертном одре.

Здесь, в памятной статье, посвященной генералу П. Н. Врангелю, я хочу только вспомнить и отметить те работы, которые раньше всего лягут в основу труда будущего, неизвестного сейчас, его биографа. Раньше всего это, конечно, его личные «Записки», вышедшие в двух томах Летописи Белой Борьбы — «Белое Дело» под моей редакцией, по желанию самого генерала Врангеля, который за месяц перед своей кончиной (я был в Брюсселе в марте 1928 года два раза) были лично им переданы мне и мною перевезены из Бельгии в Германию, что по тогдашним временам, в виду того, что к запискам было приложено не мало карт и схем — было не так просто. Эти Записки (томы 5-й и 6-й Белого Дела) обнимают собою период жизни и деятельности генерала Врангеля с ноября 1916 года (период

развала Российской Императорской армии) и по ноябрь 1920 года по день беспримерной эвакуации Русской Армией генерала Врангеля — Крыма.

Последние слова этих двух книг: «Тускнели и умирали одиночные огни родного берега. Вот потух последний... Прощай Родина!»

Это было 15-го ноября 1920 года, П. Н. Врангель не ошибся — России он больше не увидел, — через восемь лет он безвременно (ему не было тогда еще пятидесяти лет). скончался на чужбине.

В сборнике, посвященном его памяти в 1938 году, помещены материалы, говорящие об его службе в строю (в большей своей части — также его личные записки, которые он посвятил войне 1904—05 гг.), статьи его сотрудников и близких ему людей — о работе Петра Николаевича в эмиграции и статьи, посвященные его памяти и его характеристике.

Уже тогда, по условиям эмигрантской жизни трудно было дать больший материал для его «оценки и характеристики» и потому сборник, приводя его «оффициальную биографию» — его послужной список, дает также сведения о тех изданиях, которые эмиграция посвятила своему герою. В нем двадцать три названия. Это было в 1928 году. Потом, конечно, прибавились еще и другие.

К этим изданиям я и отсылаю всех, кто хотел бы теперь ознакомиться с историей жизни генерала П. Н. Врангеля. Хочу только отметить, что двухтомные «Записки» и книга сборника, ему посвященная, целиком погибли в Берлине, во время воздушного налета на город 23 ноября 1943 г. и теперь их можно найти, только в частных руках. Вероятно было бы правильным уже теперь поставить вопрос о втором издании этих трудов. Но каждому понятно, что в условиях эмигрантской жизни, это пока только мечта и не больше.

Не имея, таким образом, возможности привести в том или ином виде «Историю жизни генерала П. Н. Врангеля». я хочу в рамках журнала, посвященного его памяти, осветить небольшой эпизод из эмигрантской деятельности генерала Врангеля, который, насколько мне известно, никогда не был описан в русской эмигрантской прессе — его посещение Берлина в конце 1924 года, где я тогда выполнял обязанности Военного Представителя Главнокомандующего Русской Армией — почему и присутствовал при всем том, что я постараюсь описать ниже.

Мое назначение в Берлин состоялось в 1920 году и приказ об этом был подписан генералом Врангелем в мае месяце в Джанкое, куда я был вызван Главнокомандующим из Константинополя, где я, по его приказу, нес службу при Военном Представителе, которым был тогда генерал А. С. Лукомский.

За четыре года, прошедшие со времени моего назначения в Берлин, вопрос о желательности приезда в Германию Главнокомандующего поднимался неоднократно. Но не было никакой возможности получить на это согласие тогдашнего германского правительства, которое, в силу

своих связей с большевиками, едва ли могло приветствовать приезд белого русского Вождя. В сущности говоря не следовало даже ставить этот вопрос перед оффициальными учреждениями, потому что получать отказ, а он был весьма вероятен, конечно, было неприятно.

Но, кроме оффициальных властей, в Берлине были круги, которые хотели, чтобы это посещение состоялось и надеялись, что приезд генерала Врангеля в Берлин, может принести ту или иную пользу делу русских белых. Круги эти были близки к немецкому «Союзу Врангелей», который в силу фамильной связи, почитал себя вправе интересоваться «русским Врангелем», а с ним и его делом. Установить родственную близость между генералом П. Н. Врангелем и Союзом не представлялось возможности. Фамилия Врангелей за долгие годы ее существования утвердилась в России, Швеции, Германии и Эстонии и получила сравнительно широкое распространение. Генеалогическое древо никто из Врангелей вероятно нарисовать не мог. Все удовлетворялись тем, что герб у всех линий был общий — значит и фамильная связь существовала.

Живя в Берлине уже четыре года, я встречался с Фрейхерром Вильгельмом фон-Врангель, бывшим командиром одного из кирасирских полков, тогда уже упраздненной Версальским договором старой Императорской германской армии. Он был, если не юридическим, то фактическим руководителем «Союза Врангелей» и деятельность генерала Врангеля и его роль в борьбе против коммунизма, живо интересовала старого германского полковника. Познакомиться с русским «фетером» (как именовали друг друга немецкие Врангели), было его давнишним желанием.

Учитывая эту возможность и ставя перед собою, конечно, и другие цели, генерал Врангель решил, во время одной из своих поездок между Бельгией и Югославией, при проезде через Германию, воспользоваться сроком действия германской визы и в силу, так сказать, «поверстного срока» на несколько дней задержаться в Берлине и познакомиться со своими немецкими однофамильцами и узнать об их связях. Отношение германских, тогда «левых» властей к личности русского Белого Вождя, как я уже упоминал, тогда установить было трудно и потому о предположенной задержке генерала Врангеля в столице Германии знал только я один и небольшой круг моих ближайших сотрудников, которых я в этот вопрос посвятил. Решено было, что генерал Врангель познакомится с немецкими Врангелями и теми лицами, которые с этим союзом были близки, а также, несмотря на отсутствие официального разрешения — встретится с русской колонией Берлина, которая, конечно, в подавляющем своем большинстве живо интересовалась генералом. Не надо забывать, что русские в Берлине, прибывшие туда с Юга России, где знали генерала Врангеля — были в меньшинстве, большинство же, по крайней мере в военной среде, было участниками борьбы на Западном фронте и генерала Врангеля никогда лично не встречали.

Я дам в очень кратком изложении описание того, как приняли Главнокомандующего в Берлине немцы, а потом и русские.

Обстановка в Германии тогда была довольно сложной. Сообщать властям о приезде генерала не приходилось. А в то же время его пребывание в Берлине ставило его под удары нашего красного врага... Из такого положения надо было найти выход. И он нашелся в том, что начальник секретной полиции Берлина Б. — был определенным сторонником белых русских антибольшевиков. Мы его посвятили в наши планы уже тогда, когда генерал Врангель был в Берлине, успокоили его волнения тем, что пребывание это продлится только несколько дней — и получили от него полицейского агента для охраны генерала во время его передвижений по улицам города. Охрану в пределах пансиона, в котором поселился генерал, и на русских собраниях — я решил возложить на группу надежных русских офицеров, прежних бойцов южного фронта белой борьбы.

Надо было, не теряя времени, познакомить немецкого Врангеля с Главнокомандующим. Зная старого германского кирасира, я понимал, что тут произойдет кое-какое «местничество» и немец будет претендовать на то, чтобы его русский «родственник» пришел к нему. Для нас, русских в Берлине, это было неудобно и потому я решил действовать определенно — я отправился к ничего не подозревавшему Фрейхерру и «доложил» ему, что... автомобиль у подъезда и Главнокомандующий ожидает его в таком-то пансионе. Мой полковник растерялся, и... поехал со мною вместе знакомиться с приезжим «фетером».

Петр Николаевич, когда он этого хотел, мог обворожить каждого. Особенно просто это было в разговоре со старым военным. Оба Врангеля очень скоро поладили за завтраком, который был предложен посетителю.

Наш кирасирский полковник сразу же увлекся своим русским однофамильцем и в ближайшие же дни с исключительной энергией наладил Главнокомандующему ряд интересных политических встреч, о которых я постараюсь сказать когда-либо, когда у меня будет возможность говорить об этом более подробно. Отмечу только между собеседниками генерала Врангеля, бывшего когда-то профессором в Ярославле, немца по происхождению и по подданству барона Фрейтаг фон-Лорингофен, который, как член Германского Рейхстага и возглавитель влиятельной его группы, был для русских очень нужен. Его очень заинтересовало знакомство с русским генералом и, надо ему отдать справедливость, что после этих встреч — он всегда оставался другом русских в Германии, что часто имело немалое значение не только при старом германском правительстве, но и после этого, так как он стал уже членом Рейхсрата и представителем Германии в международной организации в Гааге!

В процессе переговоров небогатый немецкий Врангель решил чествовать своего высокопоставленного родственника обедом... Присутствовали, кроме меня, насколько я могу припомнить, только носители фамилии Врангеля. Петр Николаевич только понимал немецкий язык, германский Врангель по-французски не говорил. Я был переводчиком при разговорах между ними. Во время обеда немецкий Врангель, торжест-

венно приветствуя русского Главнокомандующего, отметил ту честь, которую последний оказал «Союзу Врангелей», просил его войти в этот союз и, поднимая бокал, сказал, что со времени тяжелых переживаний Германии после Мировой войны (первой) — это первый бокал шампанского, который будет выпит в его доме.

Казалось все шло хорошо и гладко... Дружественные немцы приветствовали и доверительно совещались с русским Вождем. Даже полиция как-то заботилась о безопасности его пребывания в Берлине... ничего неприятного грозить не могло. Несколько усыпленный этой благоприятной обстановкой, я пропустил один вопрос, который чуть-чуть не нанес удар торжественности пребывания генерала Врангеля в Берлине.

С Главнокомандующим приехал его неизменный секретарь Н. М. Котляревский, с которым мне меньше всего приходило в голову переговорить о сроке действия германской визы на паспорте генерала Врангеля... На предпоследний день пребывания наших гостей в Берлине был назначен русский банкет, для организации которого было, конечно, необходимо известное время. Почти накануне этого дня, взяв паспорт генерала Врангеля у Н. М. Котляревского, я направил одного из моих офицеров в полицию для постановки контрольных виз, что никогда никаких трудностей не представляло. Каково же было мое удивление, когда мне было отвечено, что полиция (даже при нажиме благожелательного к нам Б.), не может визировать паспортов, потому что они... просрочены! Надо было выездную визу продлить, а так как паспорта были дипломатические —это могло сделать только... Министерство Иностранных дел.

Делать было нечего — уезжать ранее банкета было уже невозможно. Оставаться лишний день, без визирования паспортов — могло привести к осложнениям на границе. Пришлось посылать моего офицера вторично, но уже в Министерство то-есть оглашать пребывание генерала Врангеля в оффициальном учреждении, да еще в Министерстве Иностранных дел, связанном с... советским посольством.

Штабс-ротмистр барон Каульбарс пошел в министерство. От его такта зависело разрешение вопроса... Придя в соответственный отдел, он просил продлить паспорт на день-два... Обыкновенно это делалось автоматически. На этот раз чиновник заинтересовался знакомой фамилией. У вас тоже есть бароны Врангели, спросил он Каульбарса. Да, есть... Как интересно. У нас в Германии есть даже союз Врангелей. Да, я знаю, — лепетал Каульбарс, предчувствуя что-то неблагоприятное. Но, позвольте, — напирал дипломатический чиновник, ведь у вас в России один из Врангелей играл большую роль в Гражданской войне. Да, играл... А скажите, какое отношение имеет этот Врангель, который сейчас находится в Берлине, к тому, который эту роль играл?..

Дело подошло к развязке — Каульбарсу пришлось сказать, что находящийся в Берлине Врангель это «именно тот, который вел армию против большевиков», а чиновник, уже замахнувшийся поставить необходимый штемпель — сразу же подобрался и отправился по начальству спрашивать указаний.

Указания были очень просты и еще более кратки... никакого продления паспорта быть не может, и ваш генерал должен покинуть Берлин и Германию. Назревал скандал, намеченный банкет срывался. Огласка становилась неизбежной... Сконфуженный Каульбарс, вернувшись, доложил о происшествии... Спокойнее всех к случившемуся отнесся сам генерал Врангель — ну, что-ж, сегодня я и выеду. Пусть получится огласка, что немцы меня из Берлина выкинули...

Но это не устраивало нас, в Германии остающихся и надо было что-то предпринимать. В особенности случившееся нервировало меня, конечно, «виноватого» в том, что произошло...

Вот тут-то и сказал свое слово «Союз Врангелей» и знакомства, сделанные через него генералом Врангелем с влиятельными немцами — новые связи были пущены в ход и новые немецкие друзья добились того, что паспорта были отсрочены... но только на двадцать четыре часа, не более. Пунктуальные и осторожные немцы из Министерства Иностранных дел не хотели рисковать запросом со стороны представителей своих «восточных друзей». Пришлось прямо с банкета ехать на вокзал и в новый указанный срок покинуть Германию. Тогда об этом почти что никто ничего не знал...

Ну, а русские, как отнеслись они к приезду Белого Вождя?

Конечно, за время своего пребывания в Берлине, Главнокомандующий принял в управлении военного представительства (тогда это называли «Красным Крестом») старших русских офицеров, нашедших приют в Германии. Офицерская масса добивалась возможности видеть генерала, говорить с ним, ощутить его, узнать по возможности, что он думает, на что он надеется... интерес был живой и понятный. Я предоставил возможность правлениям воинских организаций, в очень расширенном составе — присутствовать на приеме Главнокомандующего в моем бюро. Рассылая сообщение о приеме я упомянул о том, что право присутствия на нем предоставляется всем генералам, находящимся в столице — надо признаться, что нашлись такие, которые от возможности видеть приехавшего гостя отказались... действовала все та же старая причина — «военное местничество» — я не могу ему представляться, я старше его... Но эта, даже не капля дегтя в мед общего торжественного настроения, дела не испортила. Потом было посещение церкви, Русской гимназии, Поездка на кладбище в Тегеле, где генерал Врангель побывал на могиле своего ближайшего сотрудника по Крыму — А. В. Кривошеина. Было собрание старших начальников у меня на квартире, где я с радостью принял, после собрания, в моей семье моего Вождя, начальника и друга!

Все было радостно, оживленно и давало всем ощущение нашего единства и указывало на то, что белые настроения живут в воинской среде эмиграции. Но кроме этой среды была и среда общественная и представители ее возбудили вопрос об устройстве общественного банкета, того самого, возможность присутствия на котором едва не была отнята от генерала Врангеля, велением Министерства Иностранных дел.

Но до того встал вопрос о... визитах!

Докладывая Главнокомандующему о том, кому из членов русской колонии эти визиты сделать надо — я упомянул старшее духовное лицо — епископа Тихона, дипломатического представителя Боткина и... возглавителя Высшего Монархического Совета Н. Е. Маркова. Думского «Маркова второго», который вместе с князем А. А. Ширинским-Шихматовым и А. М. Масленниковым, тогда возглавлял Совет.

Генерал Врангель совершенно спокойно возразил мне: я сделаю визит Епископу Тихону, Сергею Дмитриевичу Боткину и... Вашей жене. И больше никому!..

Никакие уговоры не помогли. Не помогло и мое заверение, что моя жена, как это ни жалко, откажется от визита — в пользу Маркова... Генерал Врангель был деятельностью, если не самого Высшего Монархического Совета, то именно Н. Е. Маркова — недоволен. Марков занял какую-то странную позицию недоверия к «монархизму» генерала Врангеля, готов был обвинять его в «Бонапартизме», в котором, как это на первый взгляд ни кажется странным, в сильной степени был повинен... сам. Деятельность Маркова второго была всегда направлена не к укреплению авторитета Белого Главнокомандующего. Даже больше — он иногда прямо дискредитировал последнего. Это знали многие и, конечно, хорошо знал сам генерал Врангель.

Но и Марков второй имел причины быть недовольным генералом Врангелем.

За несколько времени до приезда генерала в Берлин, Н. Е. Марков, поддаваясь настояниям своих ближайших сотрудников и друзей, наконец, решил во время своего пребывания в Югославии, посетить Главнокомандующего, жившего тогда в Сремских Карловцах. Свидание состоялось. О чем говорили между собой П. Н. Врангель и Н. Е. Марков — мне осталось неизвестным, но я узнал, что Марков просил у Главнокомандующего... денег на работу Высшего Монархического Совета. Генерал Врангель отказал. Это было конечно для Н. Е. Маркова неприятно. Но можно представить себе, каково было его настроение, когда через недели две-три он прочел в газетах, что генерал Врангель передал двадцать тысяч франков (тогда это была значительная сумма) известному Оберу, который взял на себя защиту Конради...

Значит взаимоотношения, как это принято определять, «оставляли желать лучшего». А тут еще решение генерала Врангеля не делать визита Маркову второму во время своего приезда в Берлин... Осложнения были неизбежны... Повторяю, никакие мои настояния успеха не имели. Повидимому во время разговора в Карловцах было сказано что-то, что оттолкнуло генерала от возглавителя Совета «всерьез и надолго»...

Отклик со стороны Маркова не заставил себя долго ждать — членам монархических организаций было свыше запрещено принимать участие в злосчастном банкете, который и без того чуть не был сорван немецкими дипломатами.

Но... национальные и патриотические настроения победили. Русские офицеры видимо решили, что монархизм — монархизмом, а не почтить Белого Главнокомандующего они просто не в силах. Злополучный банкет прошел при невиданном в Берлине многолюдстве и с большим подъемом. Прямо из дверей ресторана, где состоялся банкет, П. Н. Врангель, Н. М. Котляревский и я — отправились на вокзал.

К сожалению размеры статьи и ограниченность предоставленного мне места не дают мне возможности развить тему о пребывании генерала Врангеля в Берлине в конце 1924 года — дальше. Придется отложить это до другого раза. Развить же этот вопрос можно довольно широко.

В начале моей статьи я перечислил те источники, в которых мои читатели могут найти ответы на интересующие их вопросы о жизни, деятельности и характеристике генерала Петра Николаевича Врангеля. Я должен к этому добавить еще одно сведение. которое не может не интересовать белую русскую военную эмиграцию.

После того, как генерал Врангель закончил свои Записки. обнимающие период его исключительного служения родине с ноября 1916 по ноябрь 1920 года. он продолжал подбор материалов для продолжения Записок и за период его работы в эмиграции, вазимоотношений с Великим Князем Николаем Николаевичем, создания Русского Обще-Воинского Союза и о многом еще. что тогда оглашено не могло быть. Это собрание документов, приведенное в полный порядок Н. М. Котляревским, я видел и содержание его знаю... Это то, что не успел доделать наш почивший Главнокомандующий. И мне кажется, что это сделать надо. Об этом должна подумать русская антикоммунистическая эмиграция и мое дело напомнить ей об этом в статье, посвященной мною печальному юбилею.

Все эти документы находятся на хранении в «Х» университете в Соединенных Штатах. Охрана этого архива возложена соответственным договором на нескольких представителей русской эмиграции. Срок хранения (после чего архив поступает в собственность университета) еще большой — 10-го января 1979 года. Но... кто из нас доживет до этого срока? И потому перевести архив для хранения в русских руках, может быть, необходимо уже сейчас. Для этого надо только компенсировать материальные расходы университета по хранению архива. Они невелики. И об этом необходимо подумать.....

Я помню, что при получении известия о кончине генерала Врангеля, один журналист, который уважал почившего, но не принадлежал к числу его особо горячих поклонников, сказал: «У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает»...

Это, конечно было, совершенно верно. Русская эмиграция никогда не была «счастливой», да и самый факт пребывания в изгнании исключает всякий вопрос о счастьи. Но у белой русской эмиграции при жизни генерала Врангеля был ее Друг, ее Герой. В генерале Врангеле сама Белая Идея нашла свое воплощение, он как бы олицетворял ее...

И он ушел от эмиграции!

25-го апреля 1928 года было последним днем жизни нашего почившего Вождя. Его последними словами было моление: «Я слышу благовест... Боже спаси Армию»...

Тот благовест, который в предсмертных муках слышал наш генерал, до сих пор не дошел до нас... Но его предсмертное моление о спасении Армии, уже спасенной им самим из Крыма, повидимому дошло до тех высот, на которых решаются судьбы даже и самых малых мировых организмов. Прошло четверть века со времени его безвременной кончины, а созданная им ячейка Армии, его Армии — Русский Обще-Воинский Союз жив... и жив его духом!

Генерал Врангель скончался преждевременно. В роковой день ему не было еще пятидесяти лет. Значит тогда он не дожил еще до теперешнего возраста самого младшего из чинов его Армии! Он мог жить и сейчас среди нас, если бы не «неизвестная болезнь», которая унесла его. Ему теперь не было бы еще семидесятипяти лет и это значило бы, что в дни, когда, может быть, русский вопрос опять станет перед миром, перед своим решением — он мог быть еще среди нас, как единственный и непререкаемый Вождь! Как тогда все было бы ясно и определенно!

Но его нет и перед решениями стоим мы одни... Но он был наш Друг и наш Герой... это накладывает на нас совершенно определенную обязанность, в его память сплотиться и сплотившись — выполнить его заветы!

«Вестник Общества Ветеранов», 195, 1953.

ОРДЕН СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

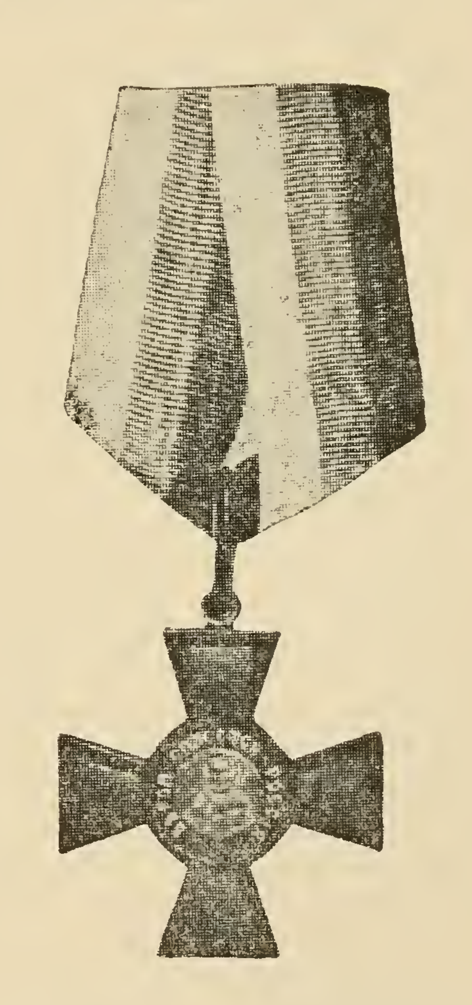
I.

Благоговейно посвящается памяти безвременно почившего Вождя.

В воздаяние за подвиги самоотвержения, мужества и храбрости и даже за простое исполнение воинского долга в военное время, в Императорской Российской армии, за ее свыше чем двухвековое существование, был установлен ряд боевых орденов, которыми, по представлению начальства отличившегося или же лично Верховным вождем армии и флота, могли быть награждаемы генералы, штаб- и обер-офицеры. В особом положении стоял высший военный орден Империи — Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия (четыре степени), который жаловался не только Государем Императором, но также (и это было более нормальным способом пожалования) особою Георгиевской Думой, составленной из кавалеров этого ордена и рассматривавшей представления к ордену отличившихся, на основании особого статута, который был создан при установлении ордена в царствование Императрицы Екатерины Великой и перес составлен незадолго до Мировой войны.

К этому же ордену причислялось и Георгиевское оружие, представлявшее собою как бы пятую степень ордена для офицеров, и Георгиевский крест и Георгиевская медаль для награждения нижних чинов. Каждая из этих двух последних наград имела также по четыре степени.

Награждение георгиевскими наградами влекло за собою известные преимущества по чинопроизводству для кавалеров ордена Св. Георгия и некоторое увеличение денежного оклада для кавалеров Георгиевского креста (солдат).



Наружный вид ордена Свят. Николая Чудотворца 2-й степени.

Лента ордена — трехцветная. Изображение Святителя — золотое на синем фоне. Девиз: «Верою спасется Россия». Оборотная сторона: вместо девиза — круглый венок, в нем три горизонтальных полосы: белая, синяя и красная. На них надписи: верхняя — 30, средняя — апреля, нижняя — 1920. Дата основания ордена.

В 1917 году, Февральская революция уничтожила все Императорские и Царские ордена и ввела новый способ награждения орденом Св. Георгия и Георгиевским крестом — по присуждению офицерских и солдатских дум, при чем например, солдатская дума могла присудить Георгиевский крест офицеру. Новые кресты, в отличие от орденов Императорского периода, должны были иметь на ленте ордена особую лавровую ветвь. Случаи присуждения Георгиевского креста («солдатского») имели место. Случаев присуждения ордена Св. Георгия, повидимому, не было.

Октябрьская революция смела и эту новую революционную награду.

На всей территории России настала Гражданская война. Она приняла затяжной характер и продолжалась в Европейской России три года, а на Дальнем Востоке России значительно дольше. Война эта, конечно, велась столь же интенсивно, как и война Мировая, несколько отличаясь от последней только в мере применения техники. Также гибли добровольцы офицеры и солдаты Белых противо-коммунистических армий от огня своих красных противников, также проявлялись подвиги храбрости одними, также хорошо или плохо выполняли свой долг другие. Во многом, однако, Гражданская война была более жестокой, чем война на внешнем фронте страны: каждый участник борьбы выбирал себе фронт, на котором он решал сражаться — сам, и шел туда, куда его влекло не только обязательное выполнение долга, как то было в войне с внешним врагом, но и твердое личное убеждение в необходимости спасти родину от развала. Стоявший напротив становился не только противником, но и врагом... как ни тяжел был плен в Мировую войну, он все же существовал и, при всей своей неприглядности, обеспечивал пленнику жизнь. Не то было в войне Гражданской, в ней не было плена и белый боец, попадая в руки красных, знал, что он обречен на издевательство и мучительную смерть. Если это было только относительно верно для белых солдат, то для белых офицеров это было несомненно.

И потому в боях на фронте Гражданской войны порой и мужества, и храбрости нужно было проявить больше, чем на поле сражения войны внешней.

Бойцы Белого фронта только с течением времени стали пополнять свои ряды обязательным призывом. Сначала этими пополнениями являлись добровольцы, как офицеры, так и солдаты, и потому сначала казалось, что и наградой за подвиги храбрости будет только сознание исполненного долга. Однако, боевые награды во все времена и у всех народов являлись одним из стимулов, побуждающих воинов к подвигам и, несомненно, что так было и в Гражданской войне, несмотря на то, что она велась во имя идеи и в основу ее легли высшие человеческие побуждения.

И потому, перед теми, кто вел вперед Белые армии, неизбежно встал вопрос о том, как наградить за подвиг сильных и храбрых и как побудить к деятельности слабых и робких. Надо было решать вопрос о боевых наградах.

И вопрос этот так или иначе, был разрешен на всех четырех фронтах Гражданской войны в России. Солдаты, а на большинстве фронтов и офицеры награждались боевыми орденами или производились в чины за боевые отличия. Офицерские ордена жаловались на фронте адмирала Колчака, генерала Миллера и генерала Юденича. На первом фронте было установлено пожалование даже орденом Св. Георгия, чего не приняли два другие участка Гражданской войны.

Несколько особняком стоял Южный фронт — фронт генерала Деникина. Тут ордена (но не орден Св. Георгия) давались только в Донской армии. В армии Добровольческой, а потом, с объединением командования, и в Вооруженных силах на Юге России — вопрос этот был разрешен принятием принципа, который гласил о невозможности награждения старыми русскими орденами за отличие в боях русских против русских... И потому армия генерала Деникина орденов не имела и только отдельные периоды наиболее напряженной боевой деятельности отмечались установлением того или иного знака, который не был орденом уже потому, что жаловался в с е м участникам этого периода и был сходен с теми медалями, которые в Императорский период жаловались за участие в кампании. Такими на Юге России были знаки за «Первый генерала Корнилова Кубанский поход» (Ледяной поход), знак за поход отряда генерала Дроздовского из Ясс на Дон и др.

В своих записках[1]) генерал барон Врангель говорит по этому поводу: «В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При беспрерывных боях многие получили в течение двух лет несколько чинов и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий»...

Естественно, что при таком взгляде, который вытекал из создавшегося положения и при соблюдении основного принципа по отношению к старым Императорским орденам — оставался один выход — учреждение нового ордена.

Обстановка требовала принятия в этом вопросе определенного решения и новый Главнокомандующий Русской армией в Крыму, генерал барон В р а н г е л ь, принявший на себя подвиг командования, всегда быстрый и решительный в своих действиях, принял его и 30-го апреля 1920 года, в Севастополе отдал приказ[2]), который начинался словами:

«Тяжкая борьба за освобождение России от захвативших власть насильников продолжается.

В этой борьбе доблестные воины Вооруженных Сил Юга России проявляют исключительные подвиги храбрости и мужества и беззавет-

---

[1]) «Белое Дело», том 6-й, стр. 79-80.

[2]) Приказ № 3089. Все даты по с т а р о м у стилю.

ного самоотвержения, памятуя, что «Верою спасется Россия».

Для увенчания славой героев и увековечения деяний их в памяти потомков, учреждаю орден во имя Святителя Николая Чудотворца[1]), постоянного молитвенника о Земле Русской.

Да придаст учреждаемый орден новые силы всем борящимся за наше Святое дело, да отметит он достойно их мужество и доблесть, и да укрепит нашу веру в ближайшее освобождение исстрадавшейся России и Русского народа[2]).

Новый орден был по положению и по способу пожалования приравнен к Георгиевской награде, хотя и должен был носиться ниже последней. Была учреждена следственная комиссия, на обязанности которой лежало всестороннее рассмотрение обстоятельств, при которых был совершен подвиг и обеспечение правильности представления к награде. Решение вопроса о награждении принадлежало особо установленной «Кавалерской думе», постановления которой входили в силу после утверждения их Главнокомандующим, который, однако, пользовался, в особо исключительных случаях, правом награждения обеими степенями ордена помимо Кавалерской думы.

На всем протяжении и приказа об установлении ордена, и временного о нем положения можно ясно проследить установление тесной связи с орденом Св. Георгия, на кавалеров которого распространялись также и все преимущества, которые предоставлялись кавалерам вновь учреждаемого ордена. В частности можно отметить интересную особенность: солдаты могли получить орден Св. Николая только при наличии у них Георгиевского креста не ниже 3-й его степени.

В отличие от старых Российских Императорских и Царских орденов, новый орден имел только две степени: первая, по внешнему размеру одинаковая с орденом Св. Георгия 3-й степени, должна была носиться на шее и вторая — соответствующая по размеру ордену Св. Георгия 4-й степени — носилась на груди, ниже этого ордена. Цветом ленты вновь созданного ордена были взяты русские национальные цвета, которые во все время Гражданской войны в России отличали борцов белого, национального фронта. Материалом для изготовления креста было, вместо эмали, золота и серебра ордена Св. Георгия — железо, что позволяло изготовить ордена даже в примитивных условиях жизни в Крыму[3]). Никакого различия во внешнем виде между отличиями для офицеров и солдат — не было и по внутреннему смыслу положения

---

[1]) Впоследствии, 19-го июля (1 августа) 1920 года, в эмиграции, Глава Династии Романовых Великий Князь Кирилл Владимирович установил другой «Орден Святителя Николая Чудотворца», который также являлся как бы памятной медалью, так как право ношения его предоставлено всем участникам Великой войны, находившимся в составе Императорской Российской армии и флота до 1-го марта 1917 года.

[2]) Полный текст приказа — см. приложение 1-е.

[3]) 50 экземпляров было выполнено в Берлине фирмою Годе.

каждый воинский чин Белой армии, вне зависимости от своего ранга или должности, мог, за боевое отличие, быть удостоенным награждением обеими степенями ордена.

Временное положение устанавливало также, помимо порядка награждения орденом, девиз и праздник ордена (9-го мая). Кавалеры нового ордена получали особые права по чинопроизводству, по воспитанию детей, по наделу землей, по устройству после оставления службы — в военном ведомстве, по сокращению выслуги лет на получение пенсии.

Для попечения о лицах награжденных орденом Св. Николая Чудотворца, заботы о неимущих семьях этих лиц и для ведения всеми вопросами, связанными с материальным обеспечением и приисканием средств для их призрения был создан особый «Комитет ордена Св. Николая Чудотворца».

Вследствие оставления Русской армией Крыма 2/15 ноября того же 1920 года комитету не удалось в какой-либо степени развить свою деятельность; но все же сразу же обнаружился приток пожертвований, поступивших в его распоряжение, как например, передача ему частным лицом крупного участка земли между Севастополем и Балаклавой. В какой-то степени русская общественность, скопившаяся за стеной белого фронта, откликнулась на установление нового отличия для бойцов. В условиях русской жизни это было ново и этого нельзя не отметить.

Учитывая исключительно тяжелое материальное положение бойцов белого фронта, надо признать, что учреждение такого комитета могло принести исключительную пользу, в особенности в вопросе обеспечения семей бойцов.

Первым кавалером нового ордена был штабс-капитан Ярмолович, получивший орден, повидимому, помимо думы, из рук Главнокомандующего, который так говорит об этом награждении [1]: «В пять часов вечера (26 мая) я выехал поездом в Ново-Алексеевку, несколько часов тому назад занятую кубанцами. Перед фронтом войск я наградил орденом Св. Николая поручика [2]) Любич-Ярмоловича, который, находясь на головном танке, прорвал проволочные заграждения и лично захватил одно орудие. Поручик Любич-Ярмолович был первым кавалером ордена Св. Николая».

Первая Кавалерская дума состояла из кавалеров ордена Св. Георгия и только впоследствие, когда ряды кавалеров нового ордена несколько пополнились, дума составлялась из кавалеров ордена Св. Николая и ей приходилось решать вопросы о награждении сначала в Крыму, а потом, после ухода армии из России, она собиралась на Галлиполи, где была полуинтернирована армия генерала Врангеля французским командова-

---

[1]) «Белое Дело», том 6-й, стр. 94.

[2]) Ошибка в чине. Штабс-капитан Ярмолович в списке кавалеров (см. приложение 3-е) указан под номером 15-м.

нием. На одном из своих заседаний дума, оценивая все то мужество и храбрость, которую проявил Главнокомандующий генерал барон Врангель в нечеловечески тяжелый период командования им армией — обратилась к нему с просьбой принять орден Св. Николая 2-й степени. Постановление это, сохранившееся во втором экземпляре подлинника цело и до сих пор и приводится в приложении 2-м.

Первой степени ордена не имел никто.

Удалось сохранить официальный список кавалеров 2-й степени ордена, который в копии приведен в приложении 3-м. Всего кавалеров (кроме генерала барона Врангеля) по этому списку было сто восемь. Возможно, что имеется еще ряд кавалеров.

Подобно тому, как это было в Императорской Российской армии, где за боевые подвиги награждались не только отдельные воинские чины, но и целые, отличившиеся воинские части — генералом бароном Врангелем, в Крыму было установлено награждение отличиями ордена Св. Николая воинских частей Русской армии, боровшейся против коммунизма.

Установление этого награждения несомненно было также зафиксировано в приказе по армии, но его, к сожалению, найти не удалось и имеется лишь список частей, награжденных знаменами ордена Св. Николая Чудотворца, серебряными трубами этого ордена, лентами ордена, к имевшимся уже в частях боевым трубам, и наконец, авиационным флагом с лентами и знаком ордена Св. Николая. Список этот приведен в приложении 4-м. Повидимому к первому награждению частей относится следующая телеграмма Главнокомандующего, текст которой был передан в приказе Корниловской ударной дивизии от 2-го июня 1920 года № 75 (в д. Натальино):

Командиру 1-го армейского корпуса.

От всего сердца благодарю Вас и весь Ваш штаб за блестящую разработку и проведение операций корпуса.

Начальников дивизий, командиров бригад и всех командиров частей горячо благодарю за блестящее выполнение задач. Всем героям и солдатам корпуса низкий поклон и громкое ура.

Награждаю доблестные полки славного корпуса: Корниловцев, Марковцев и Дроздовцев — Орденскими Знаменами Св. Николая.

Конным частям генерала Морозова даю Трубы с Орденскими Николаевскими лентами.

Врангель.

Джанкой. 30-го мая 1920 г. № 003072.

В настоящее время знамена ордена Св. Николая частично находятся при своих полках, рассеянных по государствам Европы (напр. знамена Корниловской ударной дивизии), частью же хранятся в русской церкви, выстроенной усилиями русской эмиграции в Белграде и висят над могилой генерала барона Врангеля, прах которого, согласно его последней воле, перенесен русскими воинами, пошедшими за ним в изгнание, из Брюсселя, где он скончался 12/25 апреля 1928 года, в Белград 6 октября н. с. 1929 года. В этой церкви наряду с многочисленными знаменами Императорской Российской армии, спасенными армией генерала барона Врангеля из Крыма, висят также и знамена пехотных полков дивизии генерала Маркова и стрелковых полков генерала Дроздовского — знамена ордена Св. Николая Чудотворца, пожалованные этим полкам генералом Врангелем.

На этом я заканчиваю мой краткий очерк по истории ордена Святителя Николая Чудотворца, родившегося на полях сражения Белой Русской армии в Крыму. Я буду счастлив, если эта моя работа поможет сохранить память как о самом ордене, так и о тех верных Родине кавалерах его, которые своею кровью, а порой и самой своею жизнью запечатлели свою верность России и среди которых был вернейший из верных ее сынов — генерал барон Петр Врангель.

«Acta Wrangeliana», 2, 1936.

Приложение 1-е.

Копия.

ПРИКАЗ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ.
№ 3089.

Гор. Севастополь. 30-го Апреля 1920 года.

Тяжкая борьба за освобождение Родины от захвативших власть насильников продолжается.

В этой борьбе доблестные воины Вооруженных Сил Юга России проявляют исключительные подвиги храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, памятуя, что «Верой спасется Россия».

Для увенчания славой героев и увековечения деяний их в памяти потомков, учреждаю орден во имя Святителя Николая Чудотворца, постоянного молитвенника о Земле Русской.

Определение подвигов и лиц, достойных награждения орденом Св. Николая Чудотворца, возлагаю на Орденскую следственную комиссию и на Кавалерскую Думу ордена.

Последним надлежит руководствоваться тем положением, что орден Св. Николая Чудотворца может быть пожалован лишь тем воинам, независимо их чинов, кои презирая очевидную опасность для жизни, окажут блестящие военные подвиги, увенчавшиеся полным успехом и принесшие явную пользу.

Да придаст учреждаемый орден новые силы всем борящимся за наше Святое дело, да отметит он достойно их мужество и доблесть, и да укрепит нашу веру в ближайшее освобождение исстрадавшейся России и Русского народа.

Утвержденное мною Положение об ордене Св. Николая Чудотворца при сем объявляю.

В воздаяние мужества и подвигов, оказанных бойцами по освобождению России, приказываю применить это положение со дня учреждения сего ордена.

Дабы сохранить значение Военного ордена Св. Великомученника и Победоносца Георгия на подобающей ему высоте, предписываю распространить на кавалеров ордена Св. Великомученника и Победоносца Георгия права сокращения выслуги при производстве по льготным цензовым правилам, права по наделу землей, по устройству по оставлении службы в военном ведомстве и по сокращению выслуги на пенсию, предоставляемые ныне кавалерам ордена Св. Николая Чудотворца.

Подписал : Главнокомандующий,

Генерал ВРАНГЕЛЬ.

Скрепил : Вр. и. д. Начальника Военного
Управления, Генерал-Майор Никольский.
(По Военному Управлению),
(Общий Отдел).

Копия.

«УТВЕРЖДАЮ»
Главнокомандующий Вооруженными
силами на Юге России,
Генерал ВРАНГЕЛЬ.
30 Апреля 1920 года.

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОРДЕНЕ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА.

1) В воздаяние отменных воинских подвигов храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, проявленных в боях за освобождение Родины от врагов ее, учреждается орден Св. Николая Чудотворца, как постоянного молитвенника о земле Русской.

2) Девиз ордена — «ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ».

3) Орден Св. Николая Чудотворца, носится при всех формах одежды.

4) Орден Св. Николая Чудотворца, жалуемый в порядке постепенности, имеет две степени:

а) 1-я степень носится на шее, ниже ордена Св. Георгия 3-й степени — выше других орденов.

б) 2-я степень — левее ордена Св. Георгия и правее других орденов и крестов.

5) Орден Св. Николая Чудотворца — железный крест, темный, носимый на ленте национальных цветов (бело-сине-красной). Размер 1-й степени, соответствующий ордену Св. Георгия 3-й степени, а 2-й степени — того же ордена 4-й степени. На лицевой стороне в обруче вокруг изображения Св. Николая Чудотворца надпись «ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ». На обратной стороне выгравирована дата учреждения ордена. Для лиц нехристианского вероисповедания вместо изображения Св. Николая Чудотворца — государственный герб.

6) Орденом Св. Николая Чудотворца награждаются генералы, адмиралы, штаб и обер офицеры, а равно солдаты, последние, имеющие Георгиевский крест не ниже 3-й степени.

7) Орденом Св. Николая Чудотворца награждаются отличнейшие воинские доблести, мужество и самоотвержение, как по удостоению постановления Кавалерской Думы этого ордена, утвержденному Главнокомандующим, так и по личному пожалованию Главнокомандующим.

8) Орденом Св. Николая Чудотворца может быть награжден лишь тот, кто презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустрашимости, присутствия духа и самоотвержения, совершит отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу.

9) Кавалерский праздник Ордена Св. Николая Чудотворца — 9 мая.

Порядок Награждения Орденом Св. Николая Чудотворца.

10) Об удостоении к ордену Св. Николая Чудотворца делается представление ближайшим боевым Начальником оказавшего отличие, или его заместителем и затем представление должно восходить к Главнокомандующему по боевому начальству, под командой коего подвиг совершен, с заключением по нем промежуточных начальников.

11) Главнокомандующий, получив представление о награждении орденом Св. Николая Чудотворца, приказывает произвести расследование об оказанном подвиге особо назначенной Орденской следственной комиссии.

Орденская следственная комиссия состоит из председателя, назначаемого по усмотрению Главнокомандующего и членов: — одного из состава дивизии или отряда, по возможности хорошо знакомого с обстановкой подвига, другого — из состава другой дивизии того же корпуса — оба по назначению командира корпуса, к составу коего при-

надлежит лицо, оказавшее подвиг, или начальника, равного ему по власти. Как председатель, так и члены комиссии — все трое — кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца, а за недостатком их кавалеры ордена Св. Георгия.

12) По производстве расследования, представление с заключением орденской следственной комиссии, по приказанию Главнокомандующего, вносится на рассмотрение Кавалерской Думы этого ордена.

13) Кавалерская Дума состоит из 5 членов — кавалеров ордена Св. Николая Чудотворца, а за недостатком их — из числа кавалеров ордена Св. Георгия, по выбору Главнокомандующего, в том числе один обязательно из состава орденской следственной комиссии, производившей расследование подвига.

14) Раз отклоненное Кавалерской Думой представление, вторично не может быть ни возбуждено, ни пересмотрено.

15) Постановление Кавалерской Думы ордена Св. Николая Чудотворца утверждается Главнокомандующим и объявляется в приказе Вооруженным Силам Юга России, с описанием того отличия, за какое удостоенный награжден этим орденом.

16) Главнокомандующий, в особо исключительных обстоятельствах пользуется правом лично награждать особо отличившихся в боях офицеров всех чинов и солдат орденом Св. Николая Чудотворца обеих степеней. Такое награждение рассмотрению в Думе не подлежит.

17) Возложение знаков ордена Св. Николая Чудотворца совершается тем же порядком, каковой установлен для награждаемых орденом Св. Георгия.

18) Виновные в неправильном удостоении представляемого к награждению орденом Св. Николая Чудотворца подлежат ответственности по суду.

Особые права и преимущества Кавалеров Ордена Св. Николая Чудотворца.

По чинопроизводству.

а) Офицерские чины:

19) Кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца производятся в следующий чин:

1) Производимые по льготным строевым цензам, — с сокращением сроков на одну четверть, по их личным ходатайствам.

2) Производимые не по строевым цензам могут быть производимы независимо занимаемой должности по выслуге в последнем чине, по их личным ходатайствам:

а) в обер-офицерских чинах — 2-х лет.

б) из обер-офицеров в штаб-офицеры — 4-х лет,

в) из штаб-офицеров в генерал-майоры — 5 лет, причем старшинство в новом чине, производимым на основании сих правил отдается не ранее дня, за который пожалован орден.

Ограничения, существующие для производства в штаб-офицерские чины в отношении общей фактической выслуги в офицерских чинах, а именно 5 лет для производства в подполковники и 8 лет — в полковники, и при льготных производствах Кавалеров ордена Св. Николая Чудотворца остаются в силе.

Тем или иным льготным производством Кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца могут воспользоваться не более одного раза в течение всей своей службы и независимо от числа степеней имеющегося ордена.

Производства эти ни к какому сроку не приурочиваются и могут быть осуществлены в том чине, в каком пожелает того кавалер ордена Св. Николая Чудотворца.

б) Солдаты:

1) При пожаловании орденом Св. Николая Чудотворца 2-й степени — производятся в подпрапорщики.

2) При пожаловании орденом Св. Николая Чудотворца 1-й степени — производятся в подпоручики.

По наделу землей:

20) Кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца пользуются преимущественным правом надела по тем правилам, которые будут установлены при разрешении аграрного вопроса и притом независимо рода занятий и деятельности их.

По воспитанию детей:

21) Кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца пользуются правом воспитывать своих детей на казенный счет во всех тех учебных заведениях, где установлено это, причем права их по вопросу воспитания детей за счет Правительства, приравниваются к правам Георгиевских кавалеров, следуя за ними.

По устройству после оставления службы в военном ведомстве.

22) Кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца, в случае оставления военной службы за ранением, контузией или по болезни, пользуются преимущественным пред другими правом на получение административной должности в соответствии с теми правилами, какие будут разработаны на этот предмет.

По сокращению выслуги на пенсию.

23) Кавалеры ордена Св. Николая Чудотворца, при выходе в отставку за ранением, контузией или по болезни, пользуются правом на сокращение общей выслуги для получения пенсии на 1 год.

Подписал: Председатель Комиссии,
Генерал от Инфантерии **ЭКК.**

Члены:

Генерал-Лейтенант **Киселевский.**
Генерал-Лейтенант **Архангельский.**
Генерал-Майор **Трухачев.**
Генерал-Майор **Ползиков.**
Полковник **Мезерницкий.**

Приложение 2-е.

Копия.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Орденская Николаевская Дума, в заседании 15 ноября 1921 года, под председательством Генерала-Майора СКОБЛИНА и членов: Полковников: РАППОНЕТ, ЛЕВИТОВА, ПЕТРЕНКО, Подполковников: ГОНЧАРОВА, НИКИТИНА и Капитана ЧАПОВА постановила:

«За неоднократные боевые исключительные подвиги, личную беззаветную храбрость и мужество, известные всей Армии и частое личное руководство боевыми операциями, дававшее всегда полную победу Армии над противником, просить Главнокомандующего Русской Армией, Генерал-Лейтенанта Барона Петра ВРАНГЕЛЯ, принять орден Святого Николая Чудотворца 2-й степени».

Председатель Орденской Николаевской Думы,
Генерал-Майор Скоблин.

Члены:

Корниловского Артиллерийского дивизиона полковник Раппонет.
Корниловского Ударного полка полк. Левитов.
Корниловского Артиллерийского дивизиона полковник Петренко.
1-го Генерала Алексеева Авиационного отряда подполковник Гончаров.
Марковского пехотного полка подполк. Никитин.
Технического полка танковой роты кап. Чапов.

Приложение 3-е.

СПИСОК КАВАЛЕРОВ ОРДЕНА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
1.	Командир 1-го армейского корпуса	Ген. Л. Кутепов, Александр	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
2.	Командующий 2-й армией	Ген. Л. Улагай	Пр. Главнок. 25 авг. 1920 г. № 3579	
3.	Командир 2-го армейского корпуса	Ген. Л. Слащев-Крымский, Яков	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
4.	Командир Сводного корпуса	Ген. Л. Писарев, Петр	тоже	
5.	Нач. Дроздовской див.	Ген. Л. Витковский, Владимир	тоже	
6.	Нач. 1-й Кубанской див.	Ген. Л. Бабиев, Николай	Пр. Главнок. 10 сент. 1920 г. № 3620	Убит
7.	Нач. авиации Русской армии	Ген. М. Ткачев	Пр. Главнок. 22 июня 1920 г. № 3294	
8.	Нач. Корниловской див.	Ген. М. Скоблин, Николай	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
9.	Командир 8-го кав. п.	Полк. Мезерницкий, Мстислав	тоже	
10.	Командир 6-го Донского Ермаковского кон. п.	Полк. Губкин, Петр	Пр. ВСЮР 19 июля 1920 г. № 176	
11.	Корниловской арт. бриг.	Полк. Глотов, Ефим	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
12.	Корниловской арт. бриг.	Полк. Петренко, Яков	тоже	
13.	1-го ген. Корнилова ударн. п.	Подполк. Ширковский, Дмитрий	тоже	
14.	1-го ген. Корнилова ударн. п.	Кап. Натус, Николай	тоже	
15.	3-го отряда 1-го танк. дивизиона	Шт. кап. Ярмолович	Пр. Главнок. 26 мая 1920 г. № 3241	
16.	1-го ген. Корнилова ударн. п.	Пор. Редько, Макар	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	
17.	1-го брон. автомоб. дивизиона	Подпор. Сидоренко	Пр. Главнок. 5 авг. 1920 г. № 3502	
18.	Командир Кубанского стр. п	Полк. Дмитриев	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	Убит

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
19.	Корниловской арт. бриг.	Пор. Попов, Александр	Пр. ВСЮР 11 июля 1920 г. № 167	Убит
20.	1-го брон. автомоб. дивизиона	Хор. Кириллов	Пр. Главнок. 13 авг. 1920 г. № 3542	Убит
21.	Сост. в расп. Дон. Атам. б. нач. 2-й конной див.	Ген. М. Морозов, Василий	Пр. Главнок. 16 сент. 1920 г. № 3651	
22.	Командир 3-го стр. ген. Дроздовск. п.	Ген. М. Манштейн, Владимир	тоже	
23.	Нач. Дроздовской див.	Ген. М. Туркул, Антон	тоже	
24.	Ком. Литовского пех. п.	Полк. Буяченко, Александр	тоже	
25.	Ком. Таганрогск. пех. п.	Полк. Куявский, Александр	тоже	
26.	Ком. 2-го Донск. кон. п.	Полк. Ружейников, Александр	тоже	
27.	Ком. 2-го Корниловского ударн. п.	Полк. Пашкевич, Яков	тоже	Убит
28.	Брестского пех. п.	Подполк. Руссов, Лука	тоже	
29.	Ком. 6-й конной бат.	Подполк. Гумбин, Федор	тоже	
30.	Белостокского пех. п.	Кап. Завгородний, Георгий	тоже	
31.	1-го танкового дивизиона	Кап. Абрамович, Сергей	тоже	
32.	1-го танкового дивизиона	Шт. Кап. Чапов, Сергей	тоже	
33.	1-го танкового дивизиона	Шт. Кап. Рембóлович, Иван	тоже	Убит
34.	1-го Терского каз. п.	Подъесаул Золотарев, Георгий	тоже	
35.	Брестского пех. п.	Пор. Шурыгин, Иван	тоже	
36.	Брестского пех. п.	Пор. Настенко, Тихон	тоже	
37.	Симферопольского пех. п.	Подпор. Кутепов, Тимофей	тоже	
38.	13-й арт. бриг.	Подпор. Горанин, Петр	тоже	
39.	1-го танкового див.	Подпор. Завалиевский, Павел	тоже	Убит
40.	» » »	Подпор. Кобзарь, Николай	тоже	Убит
41.	» » »	Подпор. Иванов, Сергей	тоже	Убит
42.	» » »	Подпор. Зехов, Александр	тоже	
43.	1-го Терск. каз. п.	Хорун. Бакай, Иван	тоже	

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
44.	1-го ген. Маркова пех. п.	Мл. урядник Лысенко, Александр	Пр. Главнок. 16 сент. 1920 г. № 3651	
45.	1-го танкового див.	Кап. Зенин, Юрий	Пр. Главнок. 28 сент. — 11 окт. 1920 г. № 3683	Убит
46.	» » »	Шт. Кап. Петрунин, Владимир	тоже	
47.	» » »	Подпор. Госочинский, Леонид	тоже	Убит
48.	» » »	Подпор. Вяткин, Федор	тоже	Убит
49.	» » »	Подпор. Кордубан, Георгий	тоже	
50.	Отд. конн. дивизиона	Подпор. Кравцов, Иван	тоже	
51.	Командир 4-го авиационного имени военного летчика полк. Казакова отряда	Полк. Шебалин, Сергей	Пр. Главнок. 1 окт. 1920 г. № 3712	
52.	1-го танкового див.	Шт. Кап. Госочинский	Пр. Главнок. 7/20 окт. 1920 г. № 3704	Убит
53.	» » »	Шт. Кап. Князь Макаев, Ираклий	тоже	Убит
54.	1-го танкового див.	Пор. Менцендорф, Владимир	тоже	Убит
55.	» » »	Подп. Завалиевский, Петр	тоже	Убит
56.	» » »	Подпор. Бабецкий, Болеслав	тоже	Убит
57.	» » »	Подпор. Беляев, Борис	тоже	Убит
58.	» » »	Подпор. Демьяненко, Петр	тоже	Убит
59.	Командир конного корпуса	Ген. Л. Барбович, Иван	Пр. Главнок. 7/20 окт. 1920 г. № 3705	
60.	Командир 2-й бриг. 2-й кав. див.	Ген. М. Крейтер, Владимир	тоже	
61.	Командир 3-го ударн. Корниловского п.	Полк. Щеглов, Василий	тоже	
62.	Командир Белостокск. пех. п.	Полк. Винокуров, Алексей	тоже	
63.	Дроздовской артиллерийской бригады	Полк. Чеснаков, Василий	тоже	
64.	1-го стрелк. ген. Дроздовского п.	Полк. Петерс, Евгений	тоже	
65.	2-го Корниловского ударного полка	Полк. Левитов, Михаил	тоже	
66.	34-й арт. бриг.	Полк. Миткевич-Волчанский, Владимир	тоже	

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
67.	3-го кав. полка	Полк. Агланмов, Всеволод	Пр. Главнок. 7/20 окт. 1920 г. № 3705	
68.	1-го кав. полка	Полк. Малевинский, Антон	тоже	
69.	» » »	Полк. Киленин, Владимир	тоже	Убит
70.	1-го стр. ген. Дроздовского п.	Подполк. Мельников, Сергей	тоже	
71.	2-го уд. Корниловского полка	Подполк. Померанцев, Александр	тоже	Убит
72.	Бывшего 5 (ныне 1) кав. полка	Подполк. Яновский, Георгий	тоже	
73.	3-го кав. п.	Подполк. Алтуфьев, Павел	тоже	Убит
74.	6-го кав. п.	Подполк. Фальц, Даниил	тоже	
75.	3-го кав. п.	Подполк. Гольм, Анатолий	тоже	
76.	6-го кав. п.	Подполк. Лесеневич, Владимир	тоже	
77.	1-го кав. п.	Ротм. Гленбоцкий, Евгений	тоже	
78.	1-го кав. п.	Ротм. Подольский. Сергей	тоже	
79.	3-го кав. п.	Ротм. Маркевич, Георгий	тоже	
80.	5-го авиац. отр.	Ротм. Грабовский, Сергей	тоже	
81.	1-го стр. ген. Дроздовского полка	Кап. Байтадаров, Григорий	тоже	
82.	2-го Корниловского уд. полка	Кап. Трошиц. Григорий	тоже	
83.	5-го авиац. отр.	Кап. Гончаров, Николай	тоже	
84.	3-го кав. п.	Шт. Ротм. Ковалевский. Александр	тоже	
85.	3-го кав. п.	Шт. Ротм. Войцеховский. Александр	тоже	
86.	6-го кав. п.	Шт. Ротм. Брынь, Николай	тоже	
87.	1-го кав. п.	Пор. Ткаченко, Николай	тоже	
88.	3-го стр. ген. Дроздовского п.	Пор. Будянский, Владимир	тоже	Убит
89.	Литовского пех. п.	Пор. Кожухарь, Иван	тоже	
90.	34-й арт. бриг.	Подпор. Торговицкий, Алексей	тоже	
91.	1-го кав. п.	Подпрап. Сычев, Иван	тоже	
92.	Черноморского див.	Старший урядник из вольноопределяющихся Ветлица, Сергей	тоже	

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ	Примечание
93.	Б. нач. Черноморско-Кубанского отряда	Ген. Л. Фостиков	Пр. Главнок. 14/27 окт. 1920 г. № 3737	
94.	Команд. Донск. корпуса	Ген. Л. Абрамов	Пр. Главнок. 14 марта 1921 г. № 93	
95.	Командир 2-й бриг. 3 Донской див.	Ген. Л. Фицхелауров	тоже	
96.	Нач. 3-й Донской див.	Ген. М. Гусельщиков	тоже	
97.	Ком. 3-го кав. п.	Полк. Байдак, Андрей	Приказ 24 янв. 1921 г. № 31	
98.	Ком. 1-го Донского каз. полка	Полк. Рябышев, Стефан	тоже	
99.	1-го кав. п.	Полк. Попов, Сергей	тоже	
100.	Ком. 1-го ударного Корниловского п.	Полк. Гордиенко, Карп	Приказ 2 дек. 1920 г. № 3772	
101.	Крымской боевой авиационной группы	Войсковой старшина Кутейников, Николай	Приказ 6 дек. 1920 г. № 3788	
102.	2-го Донского п.	Есаул Артемов Стефан	Приказ 24 янв. 1921 г. № 31	
103.	3-го кав. п.	Шт. Ротм. Логвинов, Александр	Приказ 20 янв. 1921 г. № 27	
104.	1-го стр. ген. Дроздовского п.	Кап. Михайловский	Приказ 24 янв. 1921 г. № 31	
105.	34-й арт. бриг.	Шт. Кап. Закс, Сергей	тоже	
106.	Легкого бронепоезда «Димитрий Донской»	Шт. Кап. Лагутин	тоже	
107.	1-го Корниловского уд. полка	Пор. Лясковский	тоже	
108.	2-го Корниловского уд. полка	Подпор. Маньшин, Иван	тоже	

Приложение 4-е.

ВОЙСКОВЫМ ЧАСТЯМ РАЗНОВРЕМЕННО ПОЖАЛОВАНО:

1. Знамя ордена Св. Николая Чудотворца:

Приказ Главнокомандующего 8-го июня 1920 г. № 3310.
1-му, 2-му и 3-му ген. Маркова пех. полкам.
1-му, 2-му и 3-му ген. Дроздовского стрелк. полкам.
1-му, 2-му и 3-му ген. Корнилова ударным полкам.

Приказ Главнокомандующего 11-го марта 1921 г. № 91.
Константиновскому военному училищу.
Кубанскому Алексеевскому военному училищу.

2. Серебряные трубы с лентами ордена Св. Николая Чудотворца:

Приказ Главнокомандующего 12-го июня 1920 г. № 3314.
1-й и 3-й батареям Корниловской арт. бригады.
1-й, 3-й, 4-й и 7-й батареям Марковской арт. бригады.

Приказ Главнокомандующего 24-го июня 1920 г. № 3436.
1-й, 2-й, 3-й и 7-й батареям Дроздовской арт. бригады.

Приказ Главнокомандующего 24-го июня 1920 г. № 3419.
3-й батарее 1-го тяж. арт. дивизиона.

Приказ Главнокомандующего 24-го июня 1920 г. № 3296.
3-му, 4-му, 5-му и 6-му Донск. конн. полкам.
Дзюнгарскому Калмыцкому конному полку.
2-й и 3-й Донск. конн. батареям.

Приказ Главнокомандующего 27-го июля (9-го авг.) 1920 г. № 3471.
Уманскому, Корниловскому, Волчьему и Партизанскому казачьим полкам.

Приказ Главнокомандующего 31-го июля (13 авг.) 1920 г. № 3495.
7-й батарее Корниловской арт. бригады.

3. Ленты ордена Св. Николая Чудотворца к имеющимся трубам:

Приказ Главнокомандующего 20-го июля 1920 г. № 3419 (3479?)
1-му Терскому и 1-му Астраханскому казачьим полкам.

4. Авиационный флаг с лентами и знаком ордена Св. Николая Чудотворца:

Приказ Главнокомандующего 4/17-го августа 1920 г. № 3498.
1-му, 3-му, 5-му и 8-му авиационным отрядам.

Примечание: Можно предполагать, что даты, отмеченные в списке относятся не ко дню отдачи приказа, а ко времени пожалования отличия.

II.

В моей статье, посвященной истории основания ордена Святителя Николая Чудотворца Генералом Бароном Врангелем в Крыму в 1920 году, я поставил себе задачей помочь «сохранить память как о самом ордене, так и о тех верных Родине кавалерах его, которые своею кровью, а порой и самой жизнью запечатлели свою верность России». Цель эта, повидимому, частично была достигнута, так как на появившуюся в журнале «Acta Wrangeliana», 1936 г., № 2, статью обратила внимание русская зарубежная печать[1]) и ко мне стали поступать из разных источников те сведения об ордене, отсутствие которых делало очерк его возникновения и существования не полным, и о присылке которых я просил моих корреспондентов.

Этот прилив сведений дает возможность теперь существенно пополнить опубликованную в 1936 году статью. В приложении 5-м я могу теперь привести как приказ, так и положение о «Комитете ордена Св. Николая Чудотворца», в приложении 6-м приводится список кавалеров, который повышает общее число известных ныне носителей ордена с 109 на 338 (Генерал Врангель и 108, плюс 229 кавалеров). Вероятно это число близко к тому, чтобы его можно было считать исчерпывающим. Пополнился (приложение 7-е) и список воинских частей армии, награжденных серебряными трубами ордена.

Из архива контр-адмирала Машукова поступили ценные сведения о флоте: в приложении 8-м приведен приказ, устанавливающий награждение судов флота Николаевским вымпелом, а в приложении 9-м указаны суда, удостоенные этого награждения.

«Acta Wrangeliana», 3, 1937.

Приложение 5-е.

ПРИКАЗ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ.
№ 3239.

г. Севастополь. 23-го мая 1920 г.

Высокая идея ордена Св. Николая Чудотворца вызвала прилив пожертвований на нужды кавалеров сего ордена и их семей.

В виду сего и признавая необходимым принять меры к наилучшему материальному обеспечению кавалеров ордена Св. Николая Чудо-

---

1) Журнал «Часовой» — Брюссель, газеты: «Новое Слово» — Берлин, «Голос России» — София, «Русское Слово» — Варшава и Вильно, «Вестник Галлиполийцев» — София, «Русский Голос» — Белград, «Морской Журнал» — Прага.

творца и их семей и к привлечению к этому делу общественных сил, учреждаю Комитет ордена Св. Николая Чудотворца. Временное положение о коем, утвержденное мною при сем объявляю.

Подписал: Главнокомандующий,
Генерал ВРАНГЕЛЬ.

Скрепил: Вр. и. д. Начальника Военного Управления,
Генерал-Майор Никольский.

«Утверждаю»
Главнок. вооруж. силами
на Юге России,
Генерал ВРАНГЕЛЬ.
23 мая 1920 года.

ПОЛОЖЕНИЕ
о Комитете ордена Св. Николая Чудотворца.

1. Комитет имеет целью попечение о лицах, награжденных орденом Св. Николая Чудотворца, а равно и неимущих семьях сих лиц, и ведает всеми вопросами, связанными с материальным обеспечением их, равно и приисканием средств для их призрения.

2. Председатель Комитета назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

3. Членами Комитета могут быть лица, состоящие как на военной, так и на гражданской службе, преимущественно из числа кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия или ордена Св. Николая Чудотворца, а равно и общественные деятели.

4. Члены Комитета утверждаются в сем звании Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

5. Делами Комитета ведает Управляющий делами Комитета, избираемый Председателем из числа членов комитета и утверждаемый в этой должности Главнокомандующим.

При Комитете состоит канцелярия его.

6. Вся денежная отчетность комитета сосредоточивается временно в Общем отделе Военного Управления.

7. Как председатель, так и управляющий делами и члены комитета от казны содержания по означенным должностям, а равно вознаграждения от Комитета не получают.

8. Комитет имеет право приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество, заключать договоры, вступать в обязательства, а равно искать и отвечать на суде.

9. Общий отчет о деятельности комитета за истекший год публикуется во всеобщее сведение.

Приложение 6-е.

СПИСОК (второй *) КАВАЛЕРОВ ОРДЕНА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
1.	13 арт. бригады	Пор. Мамонтов, Сергей	Пр. Главнок. 7 октября 1920 г. № 3705
2.	3 кав. полка	Кор. Жедринский, Владимир	тоже
3.	Нач. штаба Черном. Фл. б. нач. 2 отряда судов Черноморского Флота и нач. обор. Азовского моря.	К. Адм. Машуков, Николай	Пр. Главнок. 5 ноября 1920 г. № 008405 8504
4.	Нач. операт. части штаба н-ка 2 отр. судов Черном. Флота	Кап. 2 р. Карпов, Борис	тоже
5.	Ком. кан. лодки «Урал»	Кап. 2 р. Веревочкин, Сергей	тоже
6.	Ком. вооруж. ледокола «Гайдамак»	Кап. 2 р. Новиков, Борис	тоже
7.	Ком. кан. лодки «Салгир»	Ст. Лейт. фон Вирен, Роберт	тоже
8.	Ком. Алексеевского пехотного полка	Ген. М. Гравицкий, Георгий	Пр. Главнок. 3 марта 1921 г. № 77
9.	Ком. 6 кавал. полка	Ген. М. Иванов, Евгений	тоже
10.	Ком. 2 кавал. полка	Полк. Глебов, Иван	тоже
11.	3 кавал. полка	Полк. Барыбалов, Дмитрий	тоже
12.	Св. батар. 2 конно-горного дивизиона	Подполк. Пржебаловский, Виктор	тоже
13.	3 кавал. полка	Подполк. Кузьмин-Караваев, Всеволод	тоже
14.	3 кавал. полка	Корн. Харьковский, Тимофей	тоже
15.	Ком. 2 бр. 2 Донск. кон. дивизии	Ген. М. Клочков, Иван	Пр. Главнок. 10 июля 1921 г. № 239
16.	Ком. 1 Донск. кон. п.	Полк. Рябышев, Стефан	тоже
17.	Ком. 3 Калед. Георг. к. п.	Полк. Чапчиков, Григорий	тоже
18.	5 Донск. ат. Плат. к. п.	Полк. Побежимов, Василий	тоже
19.	10 Донск. каз. п.	Полк. Фолометов, Василий	тоже
20.	18 Донск. Георг. кон. п.	Полк. Кузнецов, Иван	тоже
21.	Гундор. Георг. п.	Полк. Шеврев, Федор	тоже
22.	Ком. 3 Донск. кон. б-ен	Полк. Леонов, Александр	тоже
23.	Ком. 1 б-еи 1 Донск. арт. д-на	Полк. Дубовский, Анатолий	тоже
24.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	В. Ст. Юдин, Василий	тоже

*) Исправлено в 1959 г. по данным архива.

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
25.	5 Донск. ат. Платова п.	В. Ст. Исаев, Николай	Пр. Главнок. 10 июля 1921 г. № 239
26.	6 Донск. ат. Ермака к. п.	В. Ст. Мартынов, Федор	тоже
27.	Ком. 2 Георг. Гундор. б-еи	В. Ст. Пивоваров, Андрей	тоже
28.	2 Донск. каз. сводн. п.	Ес. Кондратьев, Тимофей	тоже
29.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	Ес. Попов, Павел	тоже
30.	4 » » » » »	Ес. Желтоногов, Федор	тоже
31.	4 » » » » »	Ес. Чернов, Константин	тоже
32.	4 » » » » »	Ес. Чулков, Петр	тоже
33.	5 Донск. ат. Плат. кон. п.	Ес. Тормасин, Алексей	тоже
34.	5 » » » » »	Ес. Медведев, Тихон	тоже
35.	5 » » » » »	Ес. Попов, Константин	тоже
36.	5 » » » » »	Ес. Шевчиков, Илья	тоже
37.	7 Донск. каз. п.	Ес. Лазарев, Иван	тоже
38.	7 » » »	Ес. Пруцаков, Тимофей	тоже
39.	1 Донск. каз. легк. б-еп	Ес. Попов, Федор	тоже
40.	1 Донск. кон. п.	П. Ес. Сережников, Александр	тоже
41.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	П. Ес. Янюшкин, Александр	тоже
42.	4 » » » » »	П. Ес. Сафонов, Матвей	тоже
43.	4 » » » » »	П. Ес. Лестев, Андрей	тоже
44.	4 » » » » »	П. Ес. Рыбинцев, Григорий	тоже
45.	5 Донск. ат. Плат. кон. п.	П. Ес. Самохин, Павел	тоже
46.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	Сотн. Болдырев, Степан	тоже
47.	4 » » » » »	Сотн. Балкунов, Василий	тоже
48.	8 Донск. каз. п.	Пор. Сергеенко, Николай	тоже
49.	Инж. сотни 2 Донск. к. див.	Подпор. Максименко, Яков	тоже
50.	2 Донск. каз. сводн. п.	Хор. Куприянов, Михаил	тоже
51.	4 Донск. ат. Назар. кон. п.	Хор. Мартынов, Михаил	тоже
52.	2 Донск. каз. п.	П. хор. Харламов, Дмитрий	тоже
53.	2 » » »	П. хор. Пригорелов, Александр	тоже
54.	18 Донск. Георг. кон. п.	П. хор. Исаев, Михаил	тоже
55.	6 Донск. ат. Ермака кон. п.	П. хор. Казанков, Федор	тоже
56.	Георг. Гундор. п.	П. хор. Борисов, Андрей	тоже
57.	1 б-еи 1 Донск. лег. арт. д.	П. хор. Шпынев, Тимофей	тоже
58.	2 Донск. каз. п.	П. Ес. Юркин, Федор	Пр. Главнок. 2 августа 1921 г. № 241

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
59.	2 Донск. каз. п.	Хор. Т к а ч е в, Иван	Пр. Главнок. 2 августа 1921 г. № 241
60.	2 » » »	П. хор. П о п о в, Лука	тоже
61.	2 » » »	П. хор. Т и т о в, Филипп	тоже
62.	Ком. лег. бронепоезда «Офицер»	Полк. Л е б е д е в, Михаил	Пр. Главнок. 2 августа 1921 г. № 242
63.	4 авиац. им. воен. летч. полк. Казакова отр.	Подполк. С у с а л и н, Иван	тоже
64.	Ком. 2 авиац. им. ген. Каледина отр.	В. Ст. К а ч а л о в с к и й, Константин	тоже
65.	4 авиац. отр.	Кап. Б а р а н о в с к и й, Георгий	тоже
66.	Лег. Бронеп. «Георгий Победоносец»	Кап. С о х р а н с к и й, Алексей	тоже
67.	Ком. танка «Ген. Скобелев»	Шт. кап. Т р е м б о в е л ь с к и й, Александр	тоже
68.	Руков. того же танка	Пор. Б е к е ч, Владимир	тоже
69.	1 брон. автом. д-на 1 арм. корпуса	Кап. Х о л щ е в н и к о в, Борис	тоже
70.	5 авиац. отр.	Пор. К а ч а н, Павел	тоже
71.	Ком. брон. автом. «Огонь»	Пор. К а в т о р а д з е, Владимир	тоже
72.	Того же автомобиля	Ст. Пулем-к М и х а й л о в, Василий	тоже
73.	1 автом. бронев. д-на	Пор. А з а н ч е в с к и й - А з а н ч е е в, Глеб	тоже
74.	» » »	Подпор. П е н з и н, Константин	тоже
75.	» » »	Подпор. Д з ы к, Михаил	тоже
76.	» » »	Подпор. М о м д ж и, Георгий	тоже
77.	1 д-на танков	Подпор. Б а л е в и ч, Александр	тоже
78.	1 » »	Подпор. Б о б р о в, Иван	тоже
79.	4 авиац. отр.	Подпор. Б а й д а к, Леонид	тоже
80.	Крымской авиац. группы	Подпор. Г р е б н е в, Валентин	тоже
81.	Помощн. н-ка Корн. уд. дивизии	Ген. М. П е ш н я, Михаил	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 248
82.	Ком. 135 Керчь-Еникольск. пех. п.	Полк. Л о с н е в с к и й, Владимир	тоже
83.	Ком. кон. Дроздовского д-на	Полк. К о б а р о в, Михаил	тоже
84.	136 п. Таганрогского п.	Полк. фон Э с с е н, Владимир	тоже
85.	3 стр. ген. Дрозд. п.	Полк. Д р о н, Владимир	тоже
86.	1 Корнил. уд. п.	Полк. Д а ш к е в и ч, Михаил	тоже
87.	2 Корнил. уд. п.	Полк. З л о т н и к о в, Александр	тоже
88.	Ком. 3 ген. Маркова пех. п.	Подполк. У р ф а л о в, Александр	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
89.	Марковского пех. п.	Подполк. Чибирнов, Тихон	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 № 248
90.	Корниловск. уд. п.	Подполк. Челядинов, Василий	тоже
91.	Марковск. пех. п.	Подполк. Сагайдачный. Петр	тоже
92.	3 ген. Дрозд. стр. п.	Подп. Дюмин, Николай	тоже
93.	3 Марковск. пех. п.	Подполк. Никитин, Дмитрий	тоже
94.	Марковского пех. п.	Подполк. Шенберг, Михаил	тоже
95.	1 Марковск. пех. п.	Кап. Поляков, Анатолий	тоже
96.	Марковского пех. п.	Кап. Стрелин. Александр	тоже
97.	» » »	Кап. Керн, Сергей	тоже
98.	2 Дрозд. стр. п.	Кап. Ширяев, Афанасий	тоже
99.	2 » » »	Кап. Потапов, Исаакий	тоже
100.	3 » » »	Кап. Коваленко, Владимир	тоже
101.	3 » » »	Кап. Ахновский, Василий	тоже
102.	2 Корнил. ударн. п.	Кап. Старчиков, Мина	тоже
103.	136 п. Таганрогск. п.	Кап. Нахтигаль. Вольдемар	тоже
104.	1 Партиз. ген. Алекс. п.	Кап. Осипенко. Ефим	тоже
105.	1 Марковск. пех. п.	Шт. Кап. Свешников. Федор	тоже
106.	2 Корнил ударн. п.	Кап. Нашивочников, Семен	тоже
107.	1 Марковск. пех. п.	Ес. Лещук, Николай	тоже
108.	136 п. Таганрогск. п.	Кап. Бухвник, Илья	тоже
109.	2 Корнил. ударн. п.	Ш. Кап. Панасюк, Михаил	тоже
110.	2 Марковск. пех. п.	Ш. Кап. Борцов, Яков	тоже
111.	3 » » »	Ш. Кап. Пироженко. Петр	тоже
112.	1 » » »	Ш. Кап. Касацкий. Петр	тоже
113.	1 Корниловск. ударн. п.	Ш. Кап. Тывровский. Андрей	тоже
114.	1 » » »	Ш. Кап. Гаев, Кузьма	тоже
115.	1 » » »	Ш. Кап. Стороженко. Борис	тоже
116.	1 Дроздовск. стр. п.	Шт. Кап. Черенин. Василий	тоже
117.	136 пех. Таганрогск. п.	Ш. Кап. Голосной, Иван	тоже
118.	136 » » »	Ш. Кап. Рапота, Александр	тоже
119.	Дроздовск. конн. д-на	Ш. Ротм. Соколы, Филипп	тоже
120.	2 Дроздовск. стр. п.	Пор. Емельяненко. Василий	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
121.	3 Дроздовск. стр. п.	Пор. Чупрынов, Тихон	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 248
122.	1 Корниловск. ударн. п.	Пор. Федоров, Константин	тоже
123.	1 » » »	Пор. Лебедев, Дмитрий	тоже
124.	2 Корниловск. ударн. п.	Пор. Власенко, Федор	тоже
125.	2 » » »	Пор. Романюк, Степан	тоже
126.	2 » » »	Пор. Рекке, Андрей	тоже
127.	Марковск. конн. д-на	Пор. Ильенко, Василий	тоже
128.	1 Корниловск. ударн. п.	Подпор Пиньский, Густав	тоже
129.	1 » » »	Подпор. Сироткин, Виктор	тоже
130.	1 » » »	Подпор. Васильев, Анатолий	тоже
131.	1 » » »	Подпор. Селин, Илья	тоже
132.	2 » » »	Подпор. Жуков, Петр	тоже
133.	2 » » »	Подпор. Бондарь, Артем	тоже
134.	2 » » »	Подпор. Дяйкин, Николай	тоже
135.	2 » » »	Подпор. Рауп, Бернгард	тоже
136.	3 » » »	Подпор. Середин, Федот	тоже
137.	2 Марковск. пех. п.	Подпор. Рейнгард, Юрий	тоже
138.	3 Марковск. пех. п.	Подпор. Цыганенко, Ефим	тоже
139.	1 Дроздовск. стр. п.	Подпор. Романовский, Виктор	тоже
140.	1 » » »	Подпор. Гечевский, Станислав	тоже
141.	3 » » »	Подпор. Карпин, Александр	тоже
142.	Симферопольск. конн. д-на	Корн. Небытов, Петр	тоже
143.	Алексеевск. пех. п.	П. прап. Берелидзе, Владимир	тоже
144.	2 Корниловск. ударн. п.	Фельдф. Морозов, Николай	тоже
145.	2 Дроздовск. стр. п.	Фельдф. Зипунов, Георгий	тоже
146.	Марковск. конн. д-на	Вахм. Трегубов, Тимофей	тоже
147.	2 Дроздовск. стр. п.	Фельдф. Алехин, Петр	тоже
148.	2 Корниловск.. ударн. п.	С. у.-оф. Федотов, Степан	тоже
149.	1 Дроздовск. стр. п.	С. у.-оф. Хабленко, Иван	тоже
150.	2 » » »	М. у.-оф. Редько, Степан	тоже
151.	Ком. Гвард. кав. п.	Полк. Ковалинский, Дмитрий	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 249
152.	Нач. штаба 1 кав. див.	Ген. шт. полк. Фукс, Владимир	тоже
153.	3 кавал. полка	Полк. Крицкий, Александр	тоже
154.	3 » »	Полк. Комоцкий, Николай	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
155.	3 кавал. полка	Подполк. Ерофеев, Борис	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 249
156.	1 » »	Ротм. Чемичов, Иван	тоже
157.	4 » »	Ротм. Христинич, Николай	тоже
158.	6 кавал. полка	Пор. Одоевцев, Владимир	тоже
159.	2 » »	Пор. Говоров, Николай	тоже
160.	4 » »	Корн. Золотухин, Игорь	тоже
161.	Гвардейск. кав. п.	Корн. Малиновский, Лев	тоже
162.	» » »	Подпрап. Петров, Семен	тоже
163.	» » »	Ш. Ротм. Барон Меллер-Закомельский, Александр	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 361
164.	Ком. 2 бат. Алекс. арт. д-на	Полк. Думбадзе, А.	Пр. Главнок. 11 нояб. 1921 г. № 368
165.	Ком. 1 д-на Корн. арт. б-ды	Полк. Королев, Федор	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 500
166.	Ком. д-на Дрозд. арт. б-ды	Полк. Протасович, Виктор	тоже
167.	Корниловск. арт. д-на	Полк. Раппонет, Юрий	тоже
168.	» » »	Полк. Бялковский, Николай	тоже
169.	» » »	Полк. Пурниш, Альберт	тоже
170.	Марковск. арт. д-на	Полк. Лепилин, Александр	тоже
171.	» » »	Полк. Песчанников, Сергей	тоже
172.	» » »	Полк. Шперлинг, Александр	тоже
173.	Алексеевск. арт. д-на	Полк. Пусторнаков, Константин	тоже
174.	Марковского арт. д-на	Полк. Изенбек, Федор	тоже
175.	5 артиллер. д-на	Полк. Лопатин, Владимир	тоже
176.	Корниловск. арт. д-на	Полк. Гетц, Викентий	тоже
177.	Марковск. арт. д-на	Подполк. Стадницкий-Колендо, Вячеслав	тоже
178.	Корниловск. арт. д-на	Подполк. Смогаржевский, Донат	тоже
179.	» » »	Подполк. Пио-Ульский, Антоний	тоже
180.	Марковск. арт. д-на	Кап. Гавриленко, Владимир	тоже
181.	2 конно-горн. арт. д-на	Кап. Мономахов, Константин	тоже
182.	1 Кавказск. конн. б-еи	Кап. Станюкович, Николай	тоже
183.	Марковск. арт. д-на	Ш. кап. Калянский, Юрий	тоже
184.	Корниловск. арт. д-на	Ш. кап. Маруков, Гайк	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
185	Корниловск. арт. д-на	Пор. Акимов, Владимир	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 500
186.	» » »	Пор. Яблочков, Алексей	тоже
187.	Марковск. арт. д-на	Ст. фейерв. Тихоненко, Борис	тоже
188.	1 Лабинск. Ген. Бабиева каз. полка	Полк. Сомов, Борис	Пр. Главнок. 31 окт. 1921 г. № 501
189.	1 Лабинск. Ген. Бабиева каз. п.	Полк. Проффен, Антон	тоже
190.	2 Хоперского каз. п.	В. Ст. Маслов, Павел	тоже
191.	1 Лаб. Ген. Бабиева каз. п.	В. Ст. Алленов, Степан	тоже
192.	4 Кубанского стр. п.	Ес. Балуев, Михаил	тоже
193.	Кубанск. гвард. каз. д-на	Ес. Муравьев, Георгий	тоже
194.	Уманского каз. полка	Ес. Хорунжий, Иван	тоже
195.	Запорожск. отд. кон. д-на	Ес. Фоменко, Петр	тоже
196.	1 Кубанск. каз. п.	Ес. Шапошников, Кирилл	тоже
197.	Линейного каз. полка	Ес. Назаренко, Никифор	тоже
198.	Горского конн. д-на	Ротм. Тухаев, Антон	тоже
199.	1 Лабинского каз. п.	Ротм. Аджиев, Хаджи-Мурза	тоже
200.	4 Кубанского стр. п.	Кап. Падалкин, Василий	тоже
201.	1 Уманского каз. п.	Сотн. Удовица, Григорий	тоже
202.	1 конной арт. б-еи	Ш. кап. Владиславлев, Алексей	тоже
203.	1 Кубанск. кон.-арт. д-на	Ш. кап. Михельсон, Вальтер	тоже
204.	1 Лабинск. Ген. Бабиева каз. п.	Сотн. Портянко, Степан	тоже
205.	1 Полтавского каз. п.	П-хор. Дубина, Леонтий	тоже
206.	Ком. Корниловск. кон. п.	Полк. Литвиненко, Илларион	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 506
207.	Корниловск. конн. п.	В. Ст. Тюпин, Александр	тоже
208.	» » »	Сотн. Рева, Сергей	тоже
209.	Ком. 4 Донск. ат. Назарова полка	Ген. М. Рубашкин, Алексей	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 508
210.	Ком. 5 Донск. ат. Платова полка	Ген. М. Шмелев, Александр	тоже
211.	Атаманского воен. учил.	С. порт. ю. Бондарев, Петр	тоже
212.	» » »	М. порт. ю. Башмаков, Николай	тоже
213.	» » »	Юнкер Долгачев, Михаил	тоже
214.	» » »	Юнкер Гаврилов, Евстафий	тоже
215.	Георгиевск. Гундоровск. п.	П. хор. Борцов, Апполон	тоже
216.	» » »	Вахм. Домащенков, Георгий	тоже
217	» » »	П. хор. Фомичев, Арсений	тоже

№№	Часть	Чин, фамилия и имя	Приказ
218.	Георгиевск. Гундоровск. п.	П. хор. Гуреев, Степан	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 508
219.	» » »	П. хор. Долгопятов, Андрей	тоже
220.	» » »	Вахм. Низовкин, Иосиф	тоже
221.	» » »	Вахм. Летучев, Макар	тоже
222.	1 Марковск. пех. полка полка	Полк. Емельянов, Михаил	Пр. Главнок. 22 дек. 1921 г. № 509
223.	Дроздовского стр. п.	Кап. Трофимов, Павел	тоже
224.	1 Лаб. Ген. Бабиева каз. п.	Подполк. Оберемок, Георгий	Пр. Главнок. 10 фев. 1922 г. № 201
225.	2 конно-артил. д-на	Ш. кап. Федоров, Вадим	тоже
226.	1 Лаб. Ген. Бабиева каз. п.	Сотн. Гриценко, Иван	тоже
227.	Б. Нач. штаба 1 Кубанской каз. дивизии	Прич. к ген. шт. Полк. Гришин, Федор	Пр. Главнок. 10 марта 1922 г. № 227
228.	2 конного арт. д-на	Подпор. Добровольский, Виктор	Пр. Главнок. 12 июня 1922 г. № 268
229.	Уманского п. Куб. каз. в.	Хор. Дорофеев, Калина	тоже

Приложение 7-е.

ВОЙСКОВЫМ ЧАСТЯМ РАЗНОВРЕМЕННО ПОЖАЛОВАНО:

1. Серебряные трубы с лентами ордена Св. Николая Чудотворца:

Приказ Главнокомандующего 22-го августа 1920 г.

№ 3551.

2-му Донскому казачьему полку.
4-й и 5-й Донским батареям.
6-й конной батарее.
Сводной батарее 2-го конно-горного арт. дивизиона.

Приказ Главнокомандующего 26-го августа 1920 г.

№ 3582.

Гундоровскому Георгиевскому полку.
7-му и 8-му Донским казачьим полкам.
18-му Донскому конному Георгиевскому полку.
3-му Донскому конному дивизиону.
1-й и 2-й батареям 1-го Донского легкого арт. дивизиона.

Приказ Главнокомандующего 25-го марта 1921 г. № 122.
Александровскому Генерала Алексеева военному училищу.

Приказ Главнокомандующего 6-го мая 1921 г. № 186.
Военному Генерала Корнилова училищу.

Приказ Главнокомандующего 18-го ноября 1921 г. № 375.
1-й Генерала Алексеева и
2-й батареям Алексеевского арт. дивизиона.
3-й батарее 7-й артиллерийской бригады.

Приложение 8-е.

ПРИКАЗ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССИИ.
№ 117/190.

г. Севастополь. Июня, 26 дня 1920 года.

Соответственно с приказом моим по Военному Ведомству от 30 апреля с. г. за № 3089 об учреждении ордена во имя Святителя Николая Чудотворца, постоянного молитвенника Земли Русской, устанавливаю для судов Русского Военного Флота, за оказанные в сражении подвиги, награду Николаевский Вымпел, применительно к ст. 1291 книги X Св. М. П. изд. 1914 года.

Согласно с этим приказываю дополнить книгу X Св. Морских Постановлений издания 1914 года — нижеследующим:

Ст. 1325 — I. Судам Русского Военного Флота за оказанные в сражении подвиги, жалуется Николаевский Вымпел, состоящий из обыкновенного, присвоенного судам вымпела, общего или Георгиевского, но с косицами из 3 горизонтальных полос, считая сверху: Белой-Синей-Красной.

Ст. 1325 — II. Николаевский вымпел носится не только теми кораблями, коим он непосредственно пожалован, но и кораблями, названными в будущем в честь их.

Ст. 1291 — I. Флагман поднимает соответствующий по чину стеньговый адмиральский флаг, с Николаевскими на нем отличиями, в случае, если его Флагманский корабль имеет Николаевский Вымпел.

Ст. 1323 — I. Штаб-офицер, командующий отдельным отрядом, поднимает Николаевский плавучий Брейд Вымпел, в случае, указанном в ст. 1291 — первой.

Ст 1323 — II. Начальники дивизионов поднимают Николаевские Брейд Вымпела в случае указанном в ст. 1291 — первой.

Утвержденные рисунки и описания: вымпела, флага и брейд вымпела, при сем прилагаются.

Подписал: Главнокомандующий
Генерал ВРАНГЕЛЬ.

Скрепил: Начальник Морского Управления
Вице-Адмирал М. Саблин.

ОПИСАНИЕ НИКОЛАЕВСКИХ АДМИРАЛЬСКИХ ФЛАГОВ.

Николаевский Георгиевский Адмиральский Флаг имеет вокруг щита с изображением Св. Георгия трехцветную полосу с цветами: первая от щита — красный; вторая — синий и третья — белый.

Обыкновенный Адмиральский Флаг имеет в середине круглую трехцветную кокарду с цветами: наружный — белый; средний — синий и внутренний — красный.

Описание Николаевских Брейд Вымпелов, плавучих и не плавучих и Вымпелов и тех и других, как Георгиевских, так и обыкновенных:

Николаевские Вымпела и Брейд вымпела, имеют в отличие от обыкновенных вымпелов — косицы трехцветные: верхняя или правая — белая; средняя — синяя, нижняя — красная.

Приложение 9-е.

СУДАМ ФЛОТА ПОЖАЛОВАН: ВЫМПЕЛ ОРДЕНА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА:

Приказ Главнокомандующего 26-го июня 1920 г.
№ 118.

Канонерским лодкам: «Страж» и «Грозный».

Речным канонерским лодкам: «Алтай» и «Урал».

Вооруженным ледоколам: «Ледокол № 1» и «Гайдамак».

Вооруженным катерам: «Мария», «Азовец», «Никола Пашич», «Димитрий», «Пантикопея» и «Меотида».

Общее примечание: в Крымский период все приказы, объявления, списки и т. п. писались *по старой орфографии.*

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
СЕМЕНОВСКИЙ ПОЛК

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕМЕНОВСКИЙ ПОЛК

Мы верно служили при Русских Царях,
Дралися со славою, честью в боях.
Страшатся враги наших славных знамен,
Нас знает Россия с Петровских времен.

Слова Семеновского марша.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II
ШТРИХИ ХАРАКТЕРА

Что видел сам, и что вспомнилось из рассказов друзей......

1.

9-го августа 1904 года, я, юнкер Николаевского Инженерного Училища, мне девятнадцать лет, через несколько минут исполнится мечта моей жизни, двойная мечта — я сейчас буду офицером и при том «выйду на войну», то есть буду произведен в Действующую в Манчжурии против японцев армию! Большие и незабываемые переживания...

Еще кадетом, в 1900 году я решил «идти на войну», в ту же Манчжурию, где наши части боролись с китайцами, усмиряли Боксерское восстание. Все было задумано не плохо... летом, когда я был на каникулах с родителями в Старой Руссе, прошел слух, что, через этот городок пройдет... германский эшелон, направляемый из Германии через Россию на пополнение международного отряда на Дальнем Востоке... мы (я с одним из моих друзей), решили бежать на войну, воспользовавшись знанием немецкого языка и подходящей фамилией... Как далек я был тогда от мысли, что судьба заставит меня прожить в Германии «белым» военным представителем четверть века!

Добросовестные немцы нас, конечно, с собою не взяли. Весь план сорвался...

В 1904 году опять война, я накануне моего производства в офицеры, отказавшись от перехода на дополнительный курс училища (тогда он был еще не обязательным). Я решаю идти на войну. Но и тут препятствие. Нас не выпускают в части действующей армии. Говорят, что Государь не хочет, чтобы молодые офицеры сразу же шли на фронт. Туда посылают более опытных, а нас предназначают для частей, остающихся в России. Я напрягаю все силы, стараюсь исполь-

зовать все возможности и, о радость — наконец получаю «именную вакансию» в саперный батальон, формирующийся в Московском военном округе для посылки на Дальний Восток...

Нас, юнкеров, подлежащих производству в офицеры, выстраивают в каре перед Царским валиком в Красном Селе... неожиданно, всех выходящих в Действующую армию вызывают вперед, перед строем своих училищ... постепенно все затихает, раздаются команды, мы все застываем — наступает минута, которая не забыта и до сих пор, хотя прошло уже сорок семь лет, и каких лет...

Перед нами два всадника — Государь Император Николай II-й и Главный Начальник военно-учебных заведений Великий Князь Константин Константинович. Мы смотрим в упор, «едим глазами» только Государя. Нас трое, мы выходим в «четные» саперные батальоны: Киргизов — во 2-й Восточно-Сибирский. Барон Фредерикс — в 4-й и я — в 6-й.

Я не слышу, что говорит с моими соседями (мы стоим по номерам наших будущих батальонов) Государь. Я его только вижу... Но вот наконец Государ передо мною и обращается ко мне. В первый раз в жизни...

— Ты куда выходишь? — раздается такой мягкий, такой спокойный, но такой отчетливый голос. На меня смотрят ласковые глаза Государя...

— В 6-й Восточно-Сибирский саперный батальон, Ваше Императорское Величество, — отвечаю я...

— У тебя там есть родные? — спрашивает Государь.

— Никак нет, Ваше Императорское Величество, — не без недоумения, отвечаю я. Конечно, у меня там нет родных, но ведь это батальон, который идет на войну. Зачем мне родные — я хочу воевать....

— Может быть у тебя там есть знакомые? — задает Государь второй вопрос.

Недоумение мое растет. Как же это Государь не понимает, что я выхожу в этот батальон только потому, что мне надо идти на войну, это исполнение мечты всей моей девятнадцатилетней жизни... быть в Действующей армии, сражаться...

— Никак нет, Ваше Императорское Величество, у меня нет в батальоне знакомых, — выпаливаю я...

Повидимому, в тоне моего ответа, что-то звучит «неуставное», Государь внимательно, так смотрит на меня, и... понимает; я и по сей день помню ласку и мягкость Его взгляда. Так смотрит отец на своего сына, когда он им доволен. И я чувствую, что Государь не только меня понял, но Он одобряет мое решение служит Ему в рядах Действующей армии. Он немного задумывается и говорит, видимо желая сказать что-то приятное мне:

— Желаю тебе счастливой службы... это очень хороший батальон, Я видел его в Зарайске...

Через несколько минут, когда Государь закончил объезд выходящих на войну юнкеров — я стал офицером, напутствуемый словами Госу-

даря, который поздравил нас подпоручиками, пожелав служить России и Ему, также верно, как служили наши деды и отцы...

Прошло почти пятьдесят лет и я так ясно помню ту нить, которая тогда протянулась между Верховным Вождем Императорской Российской армии и мною, слишком юным подпоручиком, ставшим на пороге службе в этой армии.

Так помню мягкий взор и ласковые слова моего Государя!

2.

7-го февраля 1913 года я уже офицер Л. Гв. Семеновского полка, полка, в котором когда-то служил мой отец и куда я был переведен после Русско-Японской войны.

В полку, в последний раз (тогда мы этого не думали), в нашем собрании наш Державный шеф — Государь Император Николай II. Я в постоянной командировке в Императорскую Николаевскую военную академию. В этот день я, конечно, не на занятиях в академии, а в полку, в собрании...

Я стою в нашей читальной комнате, несколько в стороне и упорно смотрю на Государя. Среднего роста, с мягким взором, доступный и ласковый, наш Семеновский полковник... нет ни торжественной обстановки Высочайшего приема или очередного парада. Так все просто... и в тоже время, у каждого из нас, у меня, по крайней мере, так все напряжено, мое внимание сосредоточено только на Государе... Он сам сообщил, что приедет к нам в полк, Он сам захотел посмотреть наш полк, Он сам сказал, что Он будет обедать с нами в нашем собрании...

Надо чего-то ждать. Государь хочет обласкать полк. Может быть Он что-то скажет. Надо не пропустить, записать, как это мы делаем в академии на лекциях...

И, действительно, через несколько минут, за обедом, Государь говорит несколько слов нашему полку, который верно служил Ему в тяжелые дни революции 1905 года в Москве, Государь ничего не забыл и он произносит свой исторический Л. Гв. для Семеновского полка тост:

«Пью за славу и честь вернейшего из верных Моих полков...»

Я записал эти слова. Потом они были вырезаны на мраморной доске, которая висела в первой комнате нашего полкового собрания.

3.

21-го ноября 1912 года. Полковой праздник Л. Гв. Семеновского полка. Обед во дворце в Царском Селе.

После обеда за Высочайшим столом, Государь Николай II обходит офицеров «празднующих частей», которыми в этот день, кроме нашего полка, являются офицеры Л. Гв. Мортирного дивизиона и Пограничной стражи. Государь приближается к левому флангу офицеров нашего

полка и командир, генерал Новицкий, представляя Державному шефу полка офицеров последнего производства, не без ударения. произносит:

«Подпоручик фон-Фольборт, доктор химии и философии Боннского университета...». Научный ценз и вправду несколько замечательный для офицера пехотного полка, образовательный багаж которого нормально ограничивался офицерским экзаменом для вольноопределяющихся полка, курсом Пажеского корпуса или военных училищ (редко — специальных), для выходивших в полки из этих военно-учебных заведений.

Государь пристально посмотрел на представляемого ему молодого офицера и, усмехнувшись, спокойно произнес:

«Ну, что ж Я могу вам сказать?.. Не занимайтесь химией и... позабудьте о философии...» — и прошел дальше!

4.

Генерал Новицкий продолжает следовать за Государем, обходящим линию офицеров нашего полка. На левом фланге этой линии небольшая фигура Комарова, состоящего в необычном для мирного времени чине прапорщика. Он отбывал воинскую повинность в нашем полку, выдержал немудреный экзамен на чин прапорщика запаса, обязательный для каждого отбывающего воинскую повинность, но не ушел в запас, а задержался в полку, чтобы пройти офицерский экзамен и остаться на военной службе.

Новицкий, с присущей ему служебной аффектацией, немного гнусавя, докладывает: «Прапорщик запаса армейской пехоты, прикомандиронванный ко вверенному мне полку, Комаров». Государь почему-то заинтересовывается молодым офицером и начинает его расспрашивать и, «узнав» от того же генерала Новицкого о том, что Комаров держал офицерский экзамен, задает ему вопросы об этом экзамене.

«Как вы сдали экзамен? Как... артиллерия?» — «Не выдержал, Ваше Императорское Величество», сдавленно произносит Комаров. «Не выдержал?» — сочувственно повторяет Государь. «А по тактике?» — «Не выдержал», — повторяет Комаров. «Не выдержал», — опять с сочувствием констатирует Государь... Он ласково смотрит на Комарова и продолжает свои вопросы. «Не выдержал», — слышится чаще, чем более благоприятный ответ... Комаров напряжен, а вопросы идут... Наконец Государь спрашивает Новицкого, доволен ли он прапорщиком, как офицером? Новицкий преувеличенно дает самый благоприятный отзыв. «Вы говорите, он хороший офицер?» — «Так точно, Ваше Императорское Величество!» «Да?» «А как к нему относятся товарищи?» —продолжает интересоваться Государь. Новицкий опять в самых лестных выражениях говорит об отношении офицеров к Комарову. В этом нет неправды, — Комаров хороший офицер и прекрасный товарищ... Но видно, что Новицкий напористо ведет дело к оказанию царской милости своему офицеру. На последнем — солдатский знак нашего полка... Государь улыбается — видно, что разговор и все связанное с этим на-

пряжение окружающих, доставляет ему удовольствие. Все ждут... самые смелые мечтания Комарова и самое большее, чего хочет достигнуть для него Новицкий — это разрешение оставить его в прикомандировании к полку и, несмотря на неслишком «удачный» офицерский экзамен, поставить его в положение «прикомандированного для испытания по службе (год!) и перевода впоследствии!» Это предел мечтаний...

И вдруг: Государь спокойно говорит: «Я очень доволен сегодняшним парадом и в знак Моего благоволения (мне кажется, что Государь так и сказал «благоволения») к полку», продолжает Он, обращаясь уже непосредственно к Комарову: « поздравляю вас... подпоручиком Семеновского полка»... Все замерло... Новицкий доволен своим успехом, все мы довольны за Комарова, Государь видимо доволен принятым Им решением. А Комаров? Он стоит весь багровый и я единственный раз в моей жизни увидел, что выражение «у него брызнули слезы из глаз» не есть метафора и преувеличение. У Комарова действительно непроизвольно слезы брызнули и его растерянное «Покорнейше благодарю, Ваше Императорское Величество» — звучит неуставно, а как-то растерянно, чисто от сердца... видимо, что он никогда в своей жизни не забудет этой минуты...

Государь доволен и... отходит, продолжая «серкль», к шеренге офицеров Л. Гв. Мортирного дивизиона. Теперь растерян уже генерал Новицкий — разговор Императора Николая II-го с Семеновцами закончен. А с этим закончены и мечты командира о свитском звании, которое чаще всего жалуется гвардейским командирам полков именно на полковом празднике. Значит — в лучшем случае, это откладывается на год, а может, если он, как офицер генерального штаба, за этот год получит новое назначение — то и навсегда...

Государь заканчивает обход офицеров «празднующих частей» и направляется к выходу — красочные придворные арапы уже распахнули перед Ним двери... для Новицкого вопрос закончен... И вдруг, Государь поворачивается к нам лицом и вместо общего прощального поклона, спокойно и ясно говорит: «Генерал Новицкий». Генерал подлетает к Государю, который протягивает ему руку и говорит: «Поздравляю вас с зачислением в Свиту». Новицкий благодарит, Государь, улыбаясь, покидает собрание. Похоже, что «наказывая» Новицкого за слишком большую напористость его при защите своего офицера, Государь решил немного «помучить» его с вопросом пожалования его свитским званием...

Настроение офицеров повышенное, — пожалование командира — есть милость полку. Они окружают генерала и оживленно поздравляют его. Через их головы, с высоты гигантского роста Великого Князя Николая Николаевича, протягивается его поздравляющая рука.

Новицкий упоен, но... он не забывает службы и подходит к стоящему в стороне начальнику штаба войск гвардии генералу барону фон ден Бринкену, который принципиально против царских милостей, нарушающих закон, и уже дал понять до праздника, что он против ходатайства за невыдержавшего экзамена Комарова. Новицкий говорит: «Ва-

ше Превосходительство, разрешите доложить, что Государю Императору благоугодно было произвести прапорщика запаса Комарова в подпоручики во вверенный мне полк»... Бринкен удивленно смотрит на него и вопрошает: «Кто (!) доложил Государю Императору?»

Отдавая глубокий поклон начальнику штаба, Новицкий не без удовольствия произносит: « Матушка подала прошение Его Величеству!»

И это была правда. По традиции в день полкового праздника гвардейского полка «дежурство» при Императоре (генерал адъютант, свиты генерал и флигель-адъютант) наряжаются от празднующего полка. Глава дежурства в этот день старый командир нашего полка генерал-адъютант Пантелеев за завтраком сидел рядом с Государем и рассказал ему о всех злоключениях Комарова, от матери которого он, как дежурный генерал-адъютант, принял прошение на Высочайшее имя..., оттуда и осведомление Государя о неудачах Комарова и по артиллерии, и по тактике... Повидимому Государь принял решению относительно Комарова и Его забавляло немного тянуть перед тем, чтобы это решение высказать.

Хочется сказать еще одно — Комаров честно отплатил своему родному полку, когда это для него оказалось возможным. После революции и ликвидации фронта, наш Семеновский полк был отведен в глубокий тыл и там старый Петровский полк, после двухвекового боевого прошлого прекратил свое существование... Командование было уже выборное. Солдаты выбрали командиром мягкого и благожелательного Комарова. По настоянию офицеров он принял это избрание... под его влиянием при отпуске офицеров «на все четыре стороны», в неизвестное — не произошло ни одного недоразумения, ни одного случая сведения старых счетов солдатами. Офицеры получили все полагающиеся им документы и выслуженное ими жалование. Не было ни одного, как тогда принято было выражаться, «эксцесса», которыми был так богат этот грустный период умирания старой Императорской Российской Армии. Последним ушел Комаров. Его дальнейшая судьба мне неизвестна!

5.

Август 1913 года. Я только что окончил академию и, как причисленный к генеральному штабу, в штабе 22-го армейского корпуса принимаю участие в очередном «маневре в Высочайшем присутствии»... Случайно, во время затишья в «боевых действиях», я оказываюсь без дела и при том. очень близко к тому месту, где стоит Государь Император Николай II, и разговаривает с Главнокомандующим войсками Гвардии и Петербургского военного округа Великим Князем Николаем Николаевичем. Великий Князь стоит ко мне спиной... это дает мне мысль!

Я увлекался тогда фотографией. У меня в руках небольшой аппарат, который запечатлевает для меня все то, что мне хочется сохранить на будущее время... Конечно, мелькает мысль, а что если снять Государя и у меня будет мною сделанный портрет Его!

Но фотографировать Государя запрещается. Если это увидит Великий Князь, гроза войск подчиненного ему округа, то это означает тридцать суток ареста. Пощады не будет. Что-то вроде таксы!

А если увидит Государь... Не знаю, что тогда будет, но так хочется, чтобы Он посмотрел...

Я тороплюсь, волнуюсь и делаю снимок, не всмотревшись внимательно в тех, кого я снимаю... Все обошлось благополучно. Великий Князь не заметил.

После маневра я проявляю сделанные мною снимки. Вот и тот, который интересует меня больше всех... постепенно на негативе появляется... спина Великого Князя. Так. Вот почему все прошло благополучно. Но как же Государь?

Я всматриваюсь, на негативе появляется лицо... такое знакомое всей России лицо. Дальше... появляется правая рука, обратной стороной указательного пальца которой Государь проводит по своим усам. Такой знакомый, такой постоянный привычный жест Государя...

И наконец — глаза! Ура! Государь в упор смотрит в мой аппарат и так мягко улыбается... Он опять понял своего офицера. Он отлично знает, на что я шел, Он знает, что передо мной стоял месячный арест. Но Он смотрит и... улыбается. Он на моей стороне. Он позволяет мне перейти запрет! И опять протянулась та нить, которая так ясно виделась мне в день моего производства в офицеры у Царского валика.

Фотография вышла прекрасная. Я ликовал... Я дал ее увеличить и она до самого конца висела над моим письменным столом. А потом пропала, как пропало все в нашей жизни!

6.

Я записал несколько фактов, которые видел и переживал сам. А вот и еще то, что мне рассказывали мои друзья.

Перед войной 1914—17 гг. Государь в гостях в собрании одного из пехотных гвардейских полков, где Он состоит шефом. Также как было у нас в полку 7-го февраля 1913 года.

Как и всегда Государь милостив и доступен. Он с интересом разговаривает с офицерами полка, так охотно отвечает на их вопросы. Офицеры воспитаны и дисциплинированы — неосторожных вопросов никто из них задать не может. И Государь спокоен и едва ли может предположить, что все же, в молодом увлечении, кто-либо из офицеров скажет то, чего говорить не полагается. Это почти что невозможно...

И все же... вероятно, простота обращения с офицерами гвардейских полков во время пребывания в их собрании Государя — может быть (и даже наверное), искреннее увлечение необычайной возможностью не только услышать слова Державного шефа, но и сказать Ему что-то... но в том случае, о котором идет речь, один из молодых офицеров, в то время, когда разговор коснулся каких-то недавно бывших в России беспорядков, вдруг, вероятно неожиданно и для самого себя, сказал неосторожное слово: «Это все жиды Ваше Императорское Вели-

чество, мутят Россию. Убрать их всех надо». Я точно не помню слов, о которых мне говорили. Быть может молодой офицер в увлечении сказал и больше...

Для всех это был удар грома из чистого неба. Все как-то замерли. Воцарилось неловкое молчание. Молчал и Государь, для которого неудачные слова увлекшегося офицера, вероятно, были еще более неожиданными, чем для всех других...

Император Николай II немного помолчал. Потом серьезно посмотрел на неосторожного офицера. Провел рукой по усам и сказал:

Не забывайте никогда, что они Мои подданные!..

И продолжал разговор дальше. Все с искренним облегчением вздохнули свободно. Неосторожность офицера для него никаких последствий не имела.

7.

Как известно, пожалование офицеров в Свиту Его Величества составляло прерогативу самого Монарха. Эта высокая награда не регулировалась никакими законоположениями — это было выражением того, что Государь хотел отличить награждаемого офицера, приблизив его к себе, отличить его по тем или иным, известным лично Государю, причинам...

Штаб и обер-офицеры в таких случаях получали звание «флигель-адъютанта Его Величества», генерал-майоры делались «Генерал-майорами Свиты Его Величества». Генералы, старшие чином — назначались «Генерал-Адъютантами к Его Величеству»...

При производстве из полковников в генерал-майоры и из генерал-майоров в генерал-лейтенанты нормально свитское звание утрачивалось. Исключения были, но довольно редко. Они делались для Великих Князей и для лиц, просто лично близких Государю.

Во время Русско-Японской войны 1904—05 гг. Император Николай II по личной своей инициативе изменил порядок награждения свитским званием и эту высокую и исключительную награду получил ряд офицеров и генералов, командовавших частями в Действующей Армии, даже не будучи лично известными самому Государю. Такими были генералы Данилов, Лечицкий, Некрасов и др., впоследствии командовавшими Гвардейским корпусом, 1-й Гвардейской пехотной дивизией и Л. Гв. Павловским полком. Такими были в осажденном Порт-Артуре генерал Стессель, сделанный Генерал-Адъютантом и потом лишившийся этого звания по суду, таким был там же командир одного из героических полков Порт-Артурского гарнизона, полковник Семенов...

Награда, конечно, была высокая, но... наружных отличий, связанных с этой наградой, то есть золотых свитских аксельбантов и погон с вензелем Государя в осажденной крепости достать, конечно, было невозможно. Прислать извне — конечно тоже. И потому полковник Семенов был флигель-адъютантом Государя только, так сказать, на бумаге. В процессе боевых действий своего полка при обороне крепости,

он получил дальнейшие отличия и, к концу войны был за отличие же произведен в генерал-майоры, что естественно лишило его и заветного свитского звания...

Когда война окончилась, то генерал-майор Семенов проехал по своим личным делам в Петербург. А попав в столицу, решил воспользоваться правом каждого генерала и просил разрешения лично представиться Государю Императору, что ему, разумеется, было разрешено.

Во время представления генералов и офицеров, Государь отметил своим вниманием и несколько дольше, чем с другими, милостиво говорил с Семеновым, расспрашивая его про бои его полка во время обороны Порт-Артура и обратил внимание на высокие боевые награды, полученные генералом. Когда Семенов увидел, что Государь сейчас перейдет к следующему представляющемуся, то он обратился к Государю и в почтительных выражениях принес благодарность за оказанную ему честь, назначением флигель-адъютантом. Государ, отвечая на это, немного задержался, а Семенов, заканчивая разговор, сказал, что: «К величайшему моему сожалению я никогда так и не мог воспользоваться честью носить вензель Вашего Величества на моих погонах». Государь удивился такому заявлению и спросил, почему это могло произойти.

На это Семенов объяснил, что ни аксельбантов (тоже с вензелем Государя), ни погон в Порт-Артуре достать было невозможно...

Государь мягко посмотрел на генерала, немного помолчал, улыбнулся, и... поздравил его с зачислением в Свиту, то есть сделал генерал-майором Свиты Его Величества!

8.

В первую Мировую войну 1914—18 гг., которая затянулась на годы — многие офицеры, либо отличившиеся своими подвигами, либо получившие ранения или же длительно сражавшиеся в окопах, дошли в получении боевых наград до предела, который теми или иными законоположениями ограничивал для их чина — количество, или вернее — старшинство той награды, которую они могли получить, как высшую.

В поисках выхода из такого ненормального положения, которое приводило к тому, что блестяще сражавшийся офицер, отличившийся в боях, израненный во время совершения своего подвига — не мог быть отличен никакой боевой наградой — высшее начальство Действующей Армии испросило разрешения награждать таких отличившихся офицеров объявлением «Высочайшего благоволения за боевые отличия», что давало между прочим, сокращение одного года на выслугу пенсии. Но наружно это отличие никак не выражалось (как, например, была во французской армии надпись «сите» на ленте уже полученного ордена) и потому в офицерских массах к этой награде относились довольно безразлично, совершенно не вдумываясь в значение тех слов, которыми эта награда определялась...

Среди представлявшихся в Петербурге лично Государю были также и сравнительно молодые раненные офицеры... Один из таких обер-офицеров, не искушенный в придворной вежливости и никогда не видевший близко Императора Николая II, как-то на очередном представлении предстал перед лицом Государя.

Государь очень заинтересовался его ранениями и отличиями, как всегда, мягко и внимательно стал его расспрашивать о тех боях, в которых офицер участвовал. Последний, конечно, очень охотно стал описывать свои переживания и, как это часто бывало перед Императором Николаем II, в сущности говоря забыл, кто стоит перед ним.

Выслушав красочное описание какого-то боя, в котором отличился рассказчик, Государь спросил его, не получил ли он свое высшее отличие именно за этот бой.

«Никак нет, Ваше Императорское Величество», — наивно ответил увлекшийся офицер, — «за этот бой я получил только Высочайшее благоволение».

Ни одним жестом не показав своего удивления такой своеобразной оценкой Его благоволения, Император Николай сделал свой привычный жест, провел рукой по усам и спокойно, сказав еще несколько ласковых слов офицеру, перешел к следующему представляющемуся!

А потом? Потом... страницы дневника Государя Николая II и такие тяжелые и справедливые слова в нем:

«Вокруг измена, трусость и обман!..»

И так стыдно за всех и... за себя!

«День Русского Ребенка», XIX, 1952.

УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛА МИНА

В минуты печали, тоски и сомненья
От бед, что над Русью сбылись.
Солдат, приходи в храм соборный Введенья
И там у могил помолись.

Кн. Ф. Н. Касаткин-Ростовскій.

Пятьдесят лет тому назад, 13-го августа 1906 г. (все числа по старому стилю), в Петергофе, на пути к посадке в вагон, чтобы ехать в Петербург, сопровождаемый только своей женой Екатериной Сергеевной, командир Л. Гв. Семеновского полка Свиты Его Величества генерал-майор Георгий Александрович Мин был убит четырьмя выстрелами (все смертельные) в спину, революционеркой Зинаидой Коноплянниковой. Пятый выстрел в генерала не попал, как не попали и те выстрелы, которые убийца направила в жену генерала, пытавшуюся остановить стрелявшую.

Генерал Мин родился в 1855 году, в 1876 году из портупей-юнкеров (вольноопределяющихся) Семеновского полка был произведен в прапорщики, принял участие вместе с полком в Русско-Турецкой войне 1877—78 гг., храбрость его была отмечена боевыми отличиями. Потом командовал в полку сначала пятой ротой, а потом ротой Его Величества, а в 1900 году был произведен в полковники и принял четвертый батальон. В период 1902—04 гг. командовал 12-м гренадерским Астраханским полком (в Москве) и в том же 1904 году был назначен в чине полковника командующим Л. Гв. Семеновским полком, который и вел до дня своей безвременной кончины от руки убийцы. Таким образом в течение всей своей жизни, за исключением небольшого промежутка командования Астраханским полком — генерал Мин провел в рядах своего родного Семеновского полка.

Лично я генерала Мина не знал. В годы его командования Семеновским полком и в период, когда полк наш ликвидировал Московское восстание —я находился в составе войск действовавшей в Манчжурии против японцев армии и был в 1908 г. прикомандирован и переведен Л. Гв. в Семеновский полк, когда генерала Мина уже не было в живых. Но в полку, родном мне еще по службе в его рядах моего отца — я застал дух Мина и рассказы о нем и о том, что было с его именем связано.

Поэтому в тех немногих словах, которые я скажу ниже, мне неизбежно приходится основываться на рассказах и записях моих одно-

полчан, которые и до сих пор хранятся в Семеновском объединении и постепенно переходят в легенду*).

Генерал Георгий Александрович Мин был до мозга кости воином, религиозный, храбрый безусловно, преданный сын нашей родины, верный слуга престола, он весь был в понятиях: Бог, Россия, Государь и полк. Этим всю свою жизнь жил он сам, в этих понятиях воспитывал свой полк и с ними умер жертвой мести неудавшейся тогда революции, отлично понимая, что она ему отомстит. Меры охраны он категорически отвергал, считая, что все в руке Божьей.

И больше всего, и раньше всего это был человек долга!

Что говорят о нем его однополчане? Я выбираю наиболее спокойные и беспристрастные о нем отзывы.

Энергичный, решительный, чуждый рутины, очень религиозный с гражданским мужеством и импозантной внешностью, сильный духом и телом, очень добрый, в своей деятельности он не знал преград. Любил солдат, заботился о них и был ими боготворим. Владел сердцами масс, что не особенно нравилось социалистам всех толков и они боялись популярности генерала. Что особенно поражало — это понимание им текущего момента. В 1905 году большинство колебалось. А он был тверд и определенен в своих взглядах. Его командование в 1905 году — это целая эпоха в жизни полка.

Интересен разговор генерала Мина с графом Витте, тогдашним премьером. 18-то октября 1905 г., когда толпы революционеров двигались — одна от Невского на Загородный, другая от Технологического института туда же, а к Царскосельскому вокзалу подходил поезд с революционными элементами. Генерал был в полковой канцелярии у телефона, к которому его вызвал Витте. Полк был наготове и ждал приказа командира. Витте спросил его о том, что он думает предпринять. Мин объяснил обстановку и высказал свои предположения. Витте сказал, что он любит русский народ и просит его щадить... Генерал ему ответил, что он не меньше его любит русский народ и добавил, что «если у графа есть какие-либо сомнения, то самое лучшее, если граф сам прибудет к полку и отдаст свои распоряжения». Витте повесил трубку — Мин исполнил свой долг. Деятельность его в Петербурге была отмечена пожалованием его флигель-адъютантом к Государю 21-го ноября 1905 года в день полкового праздника.

Кульминационной точкой деятельности генерала Мина — было усмирение Московского вооруженного восстания. В начале декабря генерал-губернатор Москвы адмирал Дубасов понял, что ему с восстанием не справиться и просил прислать ему из Петербурга бригаду. Великий Князь Николай Николаевич, опасаясь за Петербург, хотел отказать, но Государ повелел помощь в Москву отправить и сам указал, вместо бригады, на Семеновский полк и Мина.

14-го декабря полк двумя эшелонами был отправлен по тревоге в Москву. Мин не взял с собою нестроевой роты и... новобранцев по-

*) Е. Ф. Новицкого, И. С. Эттера, Э. Л. Левстрема, А. А. Швецова, А. В. Попова и Н. К. Эссена — все Семеновцы, и А. В. Дурасова — Конно-Гренадер, бывшій ординарцем у генерала Мина в Москве.

следнего призыва, чем значительно ослабил себя численно, но привел в Москву сильный духом полк. С вокзала 15-го декабря он, в открытых санях с адъютантом, ординанцем и двумя конными, отправился к адмиралу Дубасову и там получил, письменное, по его настоянию, приказание генерал-губернатора. Это приказание было категорическим, в нем было даже указанье — арестованных не иметь. Во исполнение полученного приказа Мин отправил третий батальон полка на Московско-Казанскую ж. д., для ликвидации восставших там, а сам с остальными тремя батальонами и полу-батареей Л. Гв. 1-й арт. бригады, прибывшей вместе с полком — немедленно перешел к боевым действиям в районе Пресни (мебельная фабрика Шмидта, Прохоровская мануфактура) с целью ликвидировать центр восстания, захватить восставших, склады вооружения и снаряжения и ликвидировать все восстание в самом активном его районе.

Все время генерал Мин был между «фронтом» и генерал-губернатором... Московский гарнизон очень слабо помогал полку, но цель была достигнута «с малой кровью» и среди чинов полка и среди восставших — в несколько дней.

Одна из имеющихся у меня записей гласит: «Ни минуты не колеблясь, Мин, не считаясь ни с кем, пошел к своей цели и достиг ее. Мы вступили в парализованный и терроризированный город, шли по пустынным улицам, изрытым баррикадами. Мертвая тишина прерывалась лишь беспорядочной стрельбой, а через две недели полк выступил из Кремля к Николаевскому вокзалу и с музыкой шел по тем же улицам, встречаемый громадной радостной толпой народа».

Эта запись говорит о том, что «генерал Мин был готов на все»... это сказалось в некоторых других записях. После того как восстание было ликвидировано, адмирал Дубасов хотел получить свое предписание обратно... Мин не сделал вида, что не понимает в чем дело. Он ответил, что это предписание останется у него и он будет носить его на себе до самой своей смерти. Его нашли потом в кармане окровавленного сюртука Мина, который хранился, также и вокзальная скамейка, на которой он умер, в нашем полковом музее, тоже созданном руками Мина!

И еще интересная подробность: адмирал Дубасов отметил наступившее спокойствие большим обедом. Сразу же была обнаружена тенденция замалчивания того, что сделано было в Москве Семеновским полком, спасшим Москву, а может быть и всю Россию от того, что мы все увидели через двенадцать лет...

Из состава полка были приглашены только штаб-офицеры, сам Мин, тогда еще полковник, был посажен не по его званию и рангу, а главное не по той роли, которую он и его полк сыграли в Москве. Речи за столом показывали, что о Семеновском полку говорить не собираются — тогда Мин встал сам и сказал горячую речь о том, как он счастлив, что ему с его полком удалось освободить Москву от кошмара восстания!.. Руководителям обеда пришлось ответить тостом за полк...

Но генерал Мин не останавливался и перед большим. Когда восстание было подавлено и полк 31-го декабря вернулся в С. Петербург, то Мин увидел, что ему всячески мешают представиться Государю и доложить ему правду о действиях в Москве, которые не только революционная интеллигенция, но и растерявшиеся власти хотели изобразить превратно. Увидя, что без решительных мер обойтись нельзя — ген. Мин воспользовался тем, что он, как командир гвардейской части, имевшей своим шефом Государя, имеет право явиться к Монарху без предварительного назначения ему оффициальной аудиенции, отправился в Царское Село и поручил дежурному офицеру доложить Государю о своем прибытии. Государь немедленно принял Мина, который и доложил Ему все... Государь утвердил полковника Мина командиром полка с производством его в генерал-майоры и с зачислением в Свиту!

А 3-го января 1906 года весь военный и чиновный Петербург присутствовал на похоронах — по высочайшему повелению в церкви Семеновского полка трех убитых в Москве солдат Семеновцев, фельдфебеля Якова Кобыляцкого, и ефрейторов Григория Цыганкова и Петра Основина. Один из гробов нес Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич.

До этого в церкви полка были похоронены только командиры: фельдмаршал Светлейший Князь Волконский и граф Клейнмихель. Отводя в нижней церкви полка нишу для могилы убитых солдат — генерал Мин, указывая на соседнюю нишу сказал, что в ней он завещает похоронить себя. Через семь с небольшим месяцев это было исполнено...

В июле 1906 года Семеновский полк был по тревоге вызван в Петергоф, где в Александрии удостоился приема в Царской Семье — весь полк, в полном составе. К величайшему моему сожалению наше полковое объединение не сохранило текста речи генерала Мина... Слова Государя Императора в точном изложении я также привести не могу, но на память могу сказать, что на одной из мраморных досок на стенах нашего полкового собрания эти слова были, как казалось тогда — увековечены. В моей памяти осталось небывалое — Государь, повидимому зная, как может толковаться усмирение восстания в Москве — даровал всем уходящим в запас солдатам Семеновцам право обращаться непосредственно к Нему, если они подвергнутся каким-либо преследованиям!

Невольно думая об ограниченности места, которое может быть отведено для моей статьи — я хочу вернуться к событию, пятидесятилетие которого эта статья отмечает.

От четырех попавших в него пуль, генерал Мин скончался, не приходя в сознание, когда его несли с вокзала в Петергофе домой... весть о случившемся разнеслась повсюду с молниеносной быстротой. На первой панихиде присутствовали Государь Император и Государыня Императрица, без свиты. На следующий день при отправке тела убитого в Петербург, для погребения, опять-таки по Высочайшему повелению в церкви Семеновского полка — (собственноручная записка Государя с этим повелением также хранилась в нашем полковом музее). Государь

присутствовал на выносе и нес гроб нашего командира. В С. Петербурге в Императорском павильоне Царскосельского вокзала, гроб встретила Государыня Императрица Мария Феодоровна, утешавшая вдову и единственную дочь генерала Мина...

Все это, как я отметил выше, излагаю по рассказам и записям моих однополчан. Но мне хочется еще отметить одно событие в жизни полка, которое стоит в непосредственной и несомненной связи с командованием полком генерала Мина и при котором я присутствовал сам.

7-го февраля 1913 года Император Николай II посетил наш полк, обошел все роты полка и видел занятия офицеров с солдатами.

Сидя с офицерами в собрании полка и отвечая на тост за Него — Государь встал и сказал:

«Я счастлив, господа, что мне удалось провести пол-дня в вашей среде и в рядах моих дорогих Семеновцев.

Пью за славу и честь вернейшего из верных моих полков. За ваше здоровье, господа».

Я тогда обучался в Императорской военной академии и по привычке к записи лекций приготовился записать слова Государя Императора, если они будут произнесены. Это мне удалось и вышеприведенное краткое слово Государя было тогда же опубликовано в прессе в моем изложении.

Какая же связь с Мином? Очень простая. Если Император Николай II считал Л. Гв. Семеновский полк «вернейшим из верных своих полков», то в этом отразился подвиг полка при усмирении столь грозного для России восстания в Москве и наименование «вернейшего из верных» раньше всего принадлежало нашему командиру! Так это полк и понял, отслужив панихиду на его могиле...

Но то, что генерал Мин был вернейшим из верных, не забыла и революция — в февральские дни в Петербурге в квартиру, в которой жила вдова генерала Екатерина Сергеевна — ворвалась банда, чтобы увести ее с собою. Но... было поздно, мужественная женщина, пытавшаяся голыми руками защитить своего мужа — скончалась за несколько дней до революции.

Она не пострадала, но пострадала наша полковая церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Под предлогом, что она «мешает уличному движению», что было явной неправдой, так как церковь стояла в линии домов на Загородном проспекте против Царскосельского вокзала — церковь была снесена и находящиеся в ней могилы осквернены... Могилы не только генерала Мина и наших солдат, убитых в Москве, но и могилы фельдмаршала Волконского и генерала графа Клейнмихеля и сорок могил наших Семеновских офицеров в Первую Мировую войну павших на поле брани за Родину. Судьба всех этих могил — неизвестна, как неизвестна судьба всех исторических реликвий, хранившихся в верхней церкви.

«Часовой», 368, 1956.

ПОЛКОВНИК
КНЯЗЬ Ф. Н. КАСАТКИН-РОСТОВСКИЙ

(Вместо некролога)

"Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел, —
Не собой блистал я, Богом;
Вне себя я Бога пел".

Г. Державин.

Привычные, к сожалению, слова некролога старого полкового товарища пишутся по заранее намеченному пути. Так могло бы быть и в данном случае: «полковник князь Федор Николаевич Касаткин-Ростовский, родился 1-го ноября 1875 года, в 1895 году, окончив Пажеский Его Величества корпус, произведен л.-гв. в Семеновский полк, в котором прошел стаж младшего офицера, был батальонным адъютантом, потом командовал второй ротой полка и в 1913 году вышел в отставку и был избран на должность председателя Новооскольской земской управы. В 1914 году, несмотря на то, что занимаемая им должность давала ему полное освобождение от призыва в войска, по собственному желанию вернулся в строй нашего полка, разделив с ним всю его боевую страду... Потом, с крушением России, прошел тяжкий путь революции, Добровольческой Армии и эмигрантского жития (не жизни), скончавшись волею судьбы в тяжелом материальном положении 22-го июля 1940 года в деревне Сен-При, недалеко от Парижа...»

Таковы «пути», по которым писались некрологи наших ушедших в мир иной, друзей, таковы будут слова некрологов о нас, если когда-либо и кто-либо будет иметь время их написать...

Но вспоминая ушедшего старого друга Федора Николаевича, хочется вспомнить совершенно другое. Хочется стойти от цифр и дат спокойного «некролога» и отметить то, чем выделялся не только из нашей полковой среды, но выделялся из рядов своих современников ушедший... В нашем полку было много офицеров блестящих, выдающихся и просто хороших. Но мало было таких людей, каким был Федор Николаевич, мало таких, которые были особо отмечены перстом Божиим, имели особый дар, отличающий их от других людей.

Таким был князь Федор Николаевич.... в нем жили два человека, в нем жил русский офицер, верно служивший в рядах полка, убежденный монархист, что так естественно для потомка Владимира Святого... но кроме того в нем жил и совершенно другой человек, человек, отмеченный Богом, человек владевший совершенно особым языком, и в минуты творчества свободно говоривший на этом языке; даже нам, ста-

рым его полковым товарищам, давно знавшим его, языком новым, неожиданным, для нас недосягаемым... но понятным и близким.

Полковник князь Касаткин-Ростовский и поэт Федор Николаевич — это были две разные натуры, это были два разных человека... в своих творениях, которые так рано начали у него выливаться в поэтические произведения, Федор Николаевич находил такие слова, которые доходили до сердца его читателя, претворялись в образы, которые были близки и дороги многим, затрагивали струны их души... Мне трудно, и по предоставленному мне месту, да и по сухости и сжатости моих образов, точно описать то, что мне думается о творчестве Федора Николаевича, но я не могу не вспомнить его «Писем с войны», которые в самом начале войны 1914—1918 гг. так близко подошли к моим собственным переживаниям. Я не могу и не буду вдаваться в разбор его произведений — это уже делали многие, это только-что сделано в недавно вышедшем (к сожалению, далеко не полном), сборнике его стихов под общим заглавием «Крестным путем к воскресению»*). К этому сборнику я и отсылаю моих товарищей по полку. В нем не только избранные произведения покойного Федора Николаевича, но в нем и ряд отзывов о нем, как о поэте и как о человеке.

Я же хочу отметить одно, что так дорого именно для нас — Семеновцев и что, по определению очень авторитетного критика**), было почти что историей нашего полка в годы 1-ой Мировой войны: «вдохновенные стихи семеновского офицера-поэта, которыми увлекалась в те дни вся Россия и где в блестящих стихах описана вся жизнь полка на войне, и биваки, и бои, и все переживания поэта...»

Много вдохновенных и талантливых строк посвятил Федор Николаевич нашему родному полку, всего не перечтешь, и я не буду повторять их всех, но не могу не привести одного, самого талантливого, самого вдохновенного и так ярко и тепло отразившего тяжелые переживания офицеров полка в тяжелое российское революционное безвременье — это, конечно, его «Грузчики», которых долго не могла без слез слушать и читать русская офицерская масса! А ведь эти «грузчики» были наши, были Семеновцы!

«Мы грузчики... мы разгружаем вагоны,
Мы носим тюки на усталой спине...
Мы те, что носили недавно погоны
И кровь проливали за Русь на войне...

Мы грузчики... тяжесть чужих преступлений,
Ошибки чужих на себе мы несем...
Но сердце не знает в нас гордых сомнений: —
Пред Родиной мы не виновны ни в чем...»

Я мог бы на этом закончить мою краткую заметку, посвященную памяти старого однополчанина....

Но мне хочется сказать еще несколько слов о тех произведениях Федора Николаевича, которых нет в изданных уже сборниках его про-

*) 1948 г. Париж. Издание Зарубежного Союза Инвалидов.
**) Генерал П. Н. Краснов, «Часовой», 179.

изведений и которых, вероятно, не будет в тех изданиях, которыми возрожденная Россия когда-нибудь почтит его память. О тех произведениях, которые дороги только офицерам нашего полка, потому что в них отражалась вся наша полковая жизнь, всегда ярко отмеченная неизбежной, в таких небольших «памфлетах», критикой.

Я имею в виду те стихи, которые писались покойным, если можно так выразиться, на ходу, в процессе ежедневных полковых переживаний, в которых больше неудовольствий, чем удовлетворений и которые, как-то невольно, вероятно, автоматически, оставались в нашей памяти и вместе с тем удерживали в памяти и события нашего полкового дня.

Всего не вспомнишь, но в них все наши командиры: тут и генерал Лангоф, которому посылается телеграмма:

«...на 1.000 шагов стреляли мы вторично, —
на этот раз отлично...»

тут, конечно, и генерал Мин, велением которого нестроевой роты

«сивый мерин, из «Хулигана» стал «Благонамерен»...

тут и генерал Зуров ,который, как старый Преображенец, запечатлен (Трансфигуратион) как:

«...Лорд Трансвик пред гневом Платона (ген. Лечицкий) дрожал»... и перед ним извинялся за неудачно взятого в полк для цензового командования офицера: «простите, он взят по протекции Мити (Д. А. Шелехов)...»

тут и генералы Зайончковский, Гулевич и следующий наш командир генерал Кульнев, которые в виде:

«Зайчика. Гульчика и Свинчатки спорят в юбилейный год,
Кто из них вернее в свиту под Полтавой попадет...»

тут и памятные всем стрелковые задачи генерала Новицкого, по поводу которых наш полковой поэт иронизирует:

«Разочтите свет и тени, всех поставьте на колени
И, взглянув на барометр, отступите вправо метр...»

«И число попавших пуль,
Как и надо — будет нуль...»

тут и более серьезные строки, увидевшие свет во дни полтавских торжеств, когда посещение Государем Николаем II бивака соседнего полка вызвало в среде Семеновских офицеров, в среде «вернейших из верных», волнение, вылившееся в строках Федора Николаевича:

«Уйди, барбос, люблю я фокс-терьера,
Хоть и меня кусает он порой...»

Это уже какой-то пророческий переход к «Грузчикам»...

Мне кажется, что нам, старшим в Семеновской семье, надо сделать над собою усилие и воскресить в себе эти стихи, чтобы сохранить их для Семеновцев будущего...

«Семеновский бюллетень», 19, 1948.

ПРОФЕССОР ПОЛКОВНИК А. А. ЗАЙЦОВ

В ночь на 2-е апреля, в Париже, на 65-м году жизни, от кровоизлияния в мозг неожиданно скончался профессор, генерального штаба полковник Арсений Александрович Зайцов.

Окончив в 1906 году курс общих классов Пажеского Его Величества корпуса, А. А. Зайцов перешел в Николаевское Инженерное училище и в 1909 году, закончив курс трех классов его, был произведен в офицеры, Л. Гв. в Семеновский полк.

Первая Мировая война 1914—18 гг. прервала прохождение им курса Императорской Николаевской Военной Академии, которую он полностью прошел уже позже, во время войны, выступив на театр военных действий в рядах своего родного полка. Служба его была отмечена рядом боевых наград до Георгиевского Оружия включительно.

После окончания Академии Арсений Александрович занимал должности генерального штаба. Революция и связанное с нею окончание войны для России привели его к решению вступить в ряды Добровольческой Армии на юге России опять в строй, где он, в составе 1-го Сводно-Гвардейского полка, командовал Семеновским его батальоном.

Покинув вместе с Русской Армией генерала Врангеля Крым, полковник Зайцов в районе Лемноса делил участь полуинтернированной армии с Донскими казаками и только впоследствии прибыл в Париж, где он, убежденный противник большевиков, продолжал свою работу против них.

Исключительный знаток Красной Армии с первых дней ее сформирования на «той стороне», полковник Зайцов был по личному выбору генерала Кутепова привлечен к секретной его работе и пользовался исключительным доверием генерала.

Создание в Париже Высших Военно-Научных курсов генералом Головиным в сильной степени было результатом работы полковника Зайцова, на которого профессор генерал Головин возложил обязанности своего помощника. В беспримерно трудной работе по созданию кадров военно-образованных офицеров в составе русской эмиграции, заслуги генерала Головина должны быть в значительной их части разделены с полковником Зайцовым, который и впоследствии, после смерти своего начальника, продолжал объединять группу учеников генерала Головина, стоя во главе ее до дня своей преждевременной смерти.

Непрерывно изучая военное дело, столь изменившееся после войны 1914—18 гг., а в особенности после недавней Мировой войны 1939—45 гг., проф. полк. Зайцов, получивший свое ученое звание в нелегкой обстановке защиты диссертации в эмиграции, русской воинской средой почитался одним из лучших знатоков нашего противника.

Его выступления с докладами и лекциями всегда искренне приветствовались всеми, начиная с общества офицеров генерального штаба, членом которого он неизменно был.

Прекрасный докладчик, талантливый лектор, военный ученый, способный к восприятию всех изменений военной доктрины, свидетелями которых нам пришлось быть, он проявлял исключительное спокойствие и объективность в обобщениях и смелых заключениях. Вероятно многие с интересом следили за его статьями в газете «Русская Правда», в которых он развивал взгляд об изменении взаимоотношений политики, стратегии и экономики в военном деле... Его неожиданная смерть лишила нас возможности ознакомиться с его окончательными выводами, которые должны были внести многое в военную науку... Смерть безжалостно прервала его военно-научную работу, от которой мы, его соратники, имели право ожидать и ждали многого...

Несмотря на трудности эмигрантской жизни Арсений Александрович находил время для специально военной работы — не мало трудов опубликовано им в значительном количестве газетных и журнальных статей и многочисленных руководствах для Военно-Научных курсов, вышедших в литографированном виде. Не мало осталось после него ненапечатанным.

Сложности издательской работы позволили ему напечатать немногое. Вышла в свет его «Общая тактика», в 1934 году вышел его труд «1918-й год. Очерки по истории Русской Гражданской войны», который нашим общим учителем профессором Головиным по справедливости назван: «первым действительно научно-объективным военно-историческим трудом, посвященным изучению нашей гражданской войны». Законченное продолжение этой работы — «1919-й год», несмотря на исключительный интерес ее, так и не было издано! В 1934 году, в Гельсингфорсе вышла книга полковника Зайцова «Семеновцы в 1914 году», посвященная родному его полку, верным которому А. А. Зайцов остался до последнего дня своей жизни.

Ушел из рядов эмиграции один из лучших ее военных умов и работников по исследованию вопросов войны, и ушел тогда, когда перед всем миром все более и более намечается возможность, именно путем новой войны — решения вопросов бытия всего цивилизованного мира. Ушел убежденный противобольшевик, признанный знаток коммунистического аппарата войны — Красной Армии!

Большая и незаменимая потеря не только для русской эмиграции, не только для нашего родного полка, от лица которого я пишу эти поневоле короткие строки, перед незакрывшейся еще могилой старого однополчанина!

«Русская Правда», 14, 1954.

« 2 7 5 »

Время идет... История России, несмотря ни на что, преодолевая все препятствия, свершает свой путь и ничто не остановит этой закономерной поступи...

Двести семьдесят пять лет тому назад, «когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра», когда Родина наша стала выходить на свою историческую широкую дорогу, в подмосковных селах Преображенском и Семеновском десятилетний царь Петр, всем своим существом военный, создавал своих «Потешных», свои полудетские формирования пехоты, присоединив потом к ним и артиллерию — Бомбардирскую роту.

Продолжалось созидание «регулярных полков», начатое царем Алексеем Михайловичем, начинались формирования будущей Российской Гвардии.

Кто же были «Потешные»? Так тогда называли детей лиц, обслуживающих Государя, от бояр и царедворцев, до конюхов, истопников и другой челяди дворцовой. Их собирали для игр с царевичем Петром Алексеевичем, впоследствии десятилетним ребенком возведенным на московский престол, вместе с полубольным его старшим братом царевичем Иоанном Алексеевичем. Дело началось с забав малолетнего царя, который с большим увлечением участвовал в примерных походах своих сверстников, с ними вместе штурмовал ими же построенные укрепления, осаждал шуточные «крепости», устраивал сражения между двумя частями своих соратников, участвуя в этих «боях» в качестве рядового бойца.

Гениальным ребенком из малого создавалось великое — начиналась история Русской Гвардии, отходили в прошлое старые стрелецкие полки, на службу родине выступали новые войска.

Точно времени создания первых «Потешных» история не определяет, но большая часть источников относит учреждение их к маю 1683 года. Впоследствии именно этот срок был признан официально и 23 мая (старого стиля) 1883 года, в Преображенской слободе под Москвой, Преображенцы, Семеновцы и Артиллеристы в присутствии только что миропомазанного императора Александра III, праздновали двести лет со дня основания их частей и получили свои последние знамена и Андреевские юбилейные ленты на них.

Детские забавы царя Петра скоро, очень скоро превратились в серьезное государственное дело и вылились из «Потешных» в настоящие воинские формирования и создали прочную опору для царя и России, силу и мощь которой утверждал перед удивленной Европой Великий Царь.

Невозможно проследить историю военных походов Преображенцев, Семеновцев и их Артиллеристов, всегда вместе и всегда впереди во всех войнах, где вопрос шел о чести, достоинстве и самом существовании России... В Азовских степях, в Польше, в Прибалтике во время их присоединения к России. В Германии, Франции, на Балканах... сражались былые Потешные и Бомбардиры...

В 1700 году они стали Лейб-Гвардией и 19 ноября того же года под Нарвой доказали свое право на это почетное имя... спасая Нарву от натиска войск Петра, стремительный король-полководец Карл XII атаковал русскую армию на подступах к этому городу и сильным ударом опрокинул малоопытные русские войска. Части бросились на единственный мост в своем тылу — он не выдержал и обрушился. Иностранные руководители русской армии, во главе с незадачливым герцогом де Кроа, поспешили сдаться шведам. Казалось, все было кончено... Но тут-то новая гвардия Государя Петра Алексеевича показала себя и самоотверженно сопротивляясь шведам, остановила их всесокрушающее наступление и спасла положение, дав возможность русской армии прийти в порядок.

Это было, в сущности говоря, первым подвигом Российской Гвардии, по воле судьбы повторенным ею почти в том же виде, в ее последнем бою в Галиции, под Тарнополем, когда совершилась великая трагедия Российской Императорской армии, разложенной в страшные дни революции 1917 года. Через 217 лет, в те дни, когда остатки Российской армии бежали перед наступавшими без препятствий австро-германскими войсками, сообщение штаба Верховного Главнокомандующего оповестило, что только Петровская бригада, то есть те же Преображенцы, Семеновцы и Артиллеристы — почти одни остались на поле сражения и опять спасли положение, как два с лишним века тому назад... История повторяется!

Но на этом подвиге закончился долгий и славный путь Петровской бригады, после этого продолжавшей свое служение России только в формированиях Белых фронтов Гражданской войны в России на Юге ее, в Сибири и на Северо-западе страны.

А потом настало неизбежное, и свой двухсотпятидесятилетний юбилей в мае 1933 года Петровская бригада отметила уже в эмиграции, по всем государствам, приютившим русских, при центре своем в Париже.

За двести семьдесят пять лет много было прожито и многое пережито и только полковые объединения старых Потешных полков и Бомбардиров, когда-то наказавших Карла XII за урок под Нарвой — разгромом его армии под Полтавой, разгромом, от которого так никогда и не смог оправиться шведский король, в наступившие майские дни 1958 года готовятся вспомнить своих героев-предков в соборе Св. Александра Невского в Париже.

Этих предков 275 лет тому назад создал Великий Петр, к ним он воззвал в дни их великих побед: «Чада мои возлюбленные, потом трудов моих создал я вас»... Заветы своего великого основателя два века

хранили его Потешные, его первые Лейб-Гвардейцы. Этим заветам остались верны поредевшие ряды, переживших Российскую катастрофу до сего времени здравствующих Преображенцев, Семеновцев и Артиллеристов — они зовут всех оставшихся верными русских людей молитвенно вспомнить на чужбине Великую Родину нашу. И на этот призыв отзовутся не только русские воины, закинутые судьбою в Париж, но и каждый русский человек, помнящий славное прошлое России.

Время идет... История России, несмотря ни на что, преодолевая все препятствия, свершает свой путь и ничто не остановит этой закономерной поступи! Пройдет лихолетие и встанет Россия, великая и могучая в необъятных своих просторах и бескрайних границах, созданных усилиями миллионов русских людей!... И в том числе — Потешными Великого Императора!

«Русское Воскресение», 112, 1958.

«Русская Мысль», 1210, 1958.

ДВА ТОСТА

Лиризм на все способный
Знать у меня в крови,
О, Нестор, преподобный —
Меня ты вдохнови!

Гр. А. К. Толстой.

Это было пятьдесят лет тому назад. Это было тогда, когда мы были просто непозволительно молоды, но в тоже время не только видели и воспринимали то, что воспринимать полагалось, но запоминали и то, что, в сущности говоря, следовало пропускать мимо. А иногда именно это-то и запоминали, как запомнил я — пятьдесят лет тому назад подпоручик Л. Гв. Семеновского полка — те два тоста, о которых сейчас хочу старым однополчанам — напомнить, а молодым — поведать.

В дни празднования 200-летнего юбилея славной Полтавской победы в 1909 г. в Полтаве многое мы видели то, что знали и ранее — мы видели стройную фигуру Государя Императора Николая II, его чарующую улыбку, привязывавшую к нему всегда все сердца, его привычное разглаживание обратной стороной ладони правой руки, русых, слегка даже и рыжеватых усов. Мы видели восторг солдатской массы, а в особенности солдат провинциального гарнизона, никогда не видевшего Государя, мы сами испытали непривычную тревогу, когда на панихиде на Братской Могиле на поле Полтавского сражения Император Николай II, которого один из его недоброжелателей (кажется, что Витте) назвал самым вежливым человеком, при условии, что «аккуратность есть вежливость королей» — опоздал почти что на час, увлекшись разговорами с очарованными им сельскими старостами, в лагерь которых он заехал по дороге на панихиду.

Мы видели и самый парад... но наши полки, Преображенский и Семеновский, привыкшие к несравненному при всей узости Марсова поля в Петербурге «Майскому параду», к слову, бывшему всегда в апреле, конечно, парадом на поле Полтавского сражения, поражены не были. Разве что блистание золотых парчевых облачений на многочисленном духовенстве под жарким южным солнцем. И тут мы больше радовались тому, что настояния командира Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Данилова, чтобы гвардия в Полтаве выступала в зимней парадной форме (это при 33 градусах тепла по Реомюру), не увенчались успехом. Мы видели многое, видели то, о чем писали тоже многие и, в особенности в дни 200-летия Полтавской победы.

Но я хотел сказать в этой моей заметке не о всем то, что припомнил выше, а о тех «Двух тостах», о которых может быть следовало и забыть.

Оба тоста были сказаны после торжественных обедов в нашей Семеновской собранской палатке, которая тогда стояла на поле Полтавского сражения, где за 200 лет до этого умирали за Россию наши предки.

Первый тост произнес наш почетный гость Великий Князь Константин Константинович. Он был строен, красив красотой своего Романовского типа (и по росту, и по облику), несмотря на невыгодность защитной формы, выделяясь какой-то особой «франтоватостью», по погонам, орденам и др. Выделялся он и своим голосом, и даже не самим голосом, как манерой говорить, слегка грассируя, по которой, закрывши глаза, можно было сказать, кто говорит.

Поэт и литератор, он говорил красивые и запоминающиеся слова. Исходя из того, что он говорил в Семеновском собрании и на Полтавском поле сражения, он говорил о тех русских богатырях, которые, борясь с змием тугариным, в те секунды, когда коварный змий их побеждал и опрокидывал на родную богатырям землю — именно от нее набирались новых сил для сопротивления злой силе и, продолжая борьбу, приходили к победе. Так, по мнению Августейшего поэта и Семеновцы, коснувшись родной полтавской земли, там, где их предки защищали Родину от шведского змия, набирались сил для своих будущих подвигов во имя России. Как трудно было себе тогда нам, слушателям талантливой речи, представить, что уже только через пять лет эта борьба со змием станет для всех нас совершившимся фактом!..

Но постепенно Великий Князь приблизился к концу своей речи и тут произошло нечто неожиданное. Тесно связанный хотя бы своими «Измайловскими досугами» с родным ему Л. Гв. Измайловским полком, оратор, заключая свое слово — оговорился и закончил с большим пафосом и подъемом тостом за Лейб-Гвардии... Измайловский полк.

Помню, что внимательно слушая речь Великого Князя, я как-то растерялся и сразу поняв, что произошла неожиданная и нежелательная гаффа, невольно подумал в те несколько секунд, которые прошли после окончания тоста — о том, как же это возможно поправить. Каждую секунду мог начать соответственный полковой марш наш оркестр и этот марш был бы неизбежно — Измайловский.

Не растерялся наш полковой адъютант штабс-капитан Александр Владимирович Попов*) — он кинулся к оркестру и успел приказать капельмейстеру играть... Семеновский марш. Все было исправлено.

В сущности говоря, сам Великий Князь мог и не заметить своей оговорки, разве что кто-либо из присутствовавших за столом других Великих Князей или генералов, «великих мира сего» — решился потом сказать Августейшему оратору о том, что произошло.

---

*) Впослѣдствии наш последний командир, ныне председатель нашего полкового Объединения.

Это был первый тост, который я запомнил. Но был и второй!

Его произнес командир нашей бригады, 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, так и не переименованной, несмотря на все давления, ходатайства и разговоры в «Петровскую бригаду» — генерал-майор генерального штаба Андрей Медардович Зайончковский. Произнес также в нашей собранской палатке, после одного из обедов — в тот день, когда после возложения венков на памятник Славы в центре Полтавы, был Высочайший завтрак в доме Петровско-Полтавского кадетского корпуса.

Но, чтобы дойти до изложения того, как был сказан этот второй тост, надо предпослать несколько предварительных слов.

Генерал Зайончковский был умный и интересный по своему содержанию генерал. Он был очень внимателен к офицерам (что и в то время было не так-то часто), любил с ними говорить и на ученые и на светские темы. Он на войне 1904—1905 гг. командовал 85-м пехотным Выборгским полком, шефом которого был Германский Император Вильгельм II. За свое командование этим полком на войне, генерал имел полковую форму полка, что было труднее, чем иметь форму гвардейского полка (ее тоже имел генерал Зайончковский), так как армейскую форму получал только тот командир, под командованием которого полк заслужил боевые отличия. Гвардейскую же форму получал каждый командир гвардейского полка, который прокомандовал полком не менее года (были и в этом исключения).

Генерал Зайончковский был по основной своей службе сапером и никогда не служил в гвардии. После Русско-Японской войны и командования Выборгским полком, он по каким-то путям получил Л. Гв. Егерский полк и командовал этим полком в послевоенное время с большим отличием, побивая на полковой стрельбе все полки конкуренты. Но говорили, верно ли это было — я, конечно, не знаю, что гвардейский полк он получил против воли Великого Князя Николая Николаевича и, может быть, этим объясняется и то, что откомандовав гвардейским полком в 1-й дивизии, он не был зачислен в Свиту, а также и то, что случилось с генералом в Полтаве в 1909 году.

А случилось вот что:

После Высочайшего завтрака в здании Кадетского Корпуса, Великий Князь Николай Николаевич вышел в коридор и видимо кого-то искал. Увидев нашего старшего полковника Левстрема, он нервно взял его за плечо и спросил, где наш командир, сказав, что генерала Кульнева требует Государь Император. Положение было ясным — конечно все ждали пожалования в свиту командиров прибывших в Полтаву полков — Преображенского — генерала Гулевича, Семеновского — генерала Кульнева и 9-го пех. Ингерманландского — полковника Сивицкого. Разумеется, кандидатом в свиту считали и генерала Зайончковского, как бывшего командира Л. Гв. Егерского полка и командира Петровской бригады, который привел бригаду по Высочайшему повелению в Полтаву на юбилей.

Полковник Левстрем знал, что наш командир генерал Кульнев потихоньку уехал с Высочайшего завтрака. Генерал был серьезно болен, он вскоре после юбилея скончался от рака желудка, и ему трудно было сидеть за столом. Он предупредил полковника Левстрема, что поедет на вокзал Киево-Воронежской ж. д., с которого после завтрака Государь Император должен был уехать из Полтавы. Это он и доложил Великому Князю, который приказал полковнику взять его великокняжескую тройку (как они тогда назывались «Малышевскую») и нашел командира немедленно.

Полковник Левстрем помчался на вокзал и там неожиданно для себя увидел сидящих на платформе генералов Зайончковского и Кульнева. Подойдя к последнему, он доложил, что «Государь Император требует его к себе!» «А меня?» — спросил генерал Зайончковский. — «Не могу знать, Ваше Превосходительство», — дипломатично ответил полковник Левстрем. Все трое помчались в кадетский корпус.

В корпусе все уже было налажено: генерал Гулевич и полковник Сивицкий были уже готовы и ждали выхода Государя. К ним пристроился генерал Кульнев и... генерал Зайончковский, что, повторяю, было только нормально.

Через несколько минут все свершилось — в милостивых словах Император Николай II поздравил с зачислением в Его свиту генералов Гулевича (профессор Императорской Военной Академии) и Кульнева и «сделал» (так было принято это называть) Флигель-Адъютантом полковника Сивицкого, которому, с его большой окладистой бородой, не очень-то шло это «молодое» звание, и который, как говорили тогда, ждал охотнее производства в генерал-майоры. И это было все...

Полки уже были на биваке, и вдруг дежурный офицер Л. Гв. Семеновского полка вызвал «всех на линию». На «Малышевской» (на этот раз нанятой генералом Зайончковским еще в Петербурге) тройке перед полком проехали генерал Зайончковский и генерал Кульнев, последний уже в золотых свитских аксельбантах и в погонах с императорским вензелем (повидимому и тут полковой адъютант все приготовил во время). Полк приветствовал мощным «ура» своего обласканного Августейшим шефом командира...

А потом был очередной обед. На обеде были тосты, офицеры поздравляли своего командира, и последний поднял тост за командира бригады генерала Зайончковского... Как я уже сказал — офицеры генерала любили — он был, в сущности говоря, незаслуженно обижен (это приписывали не Государю, а Великому Князю Николаю Николаевичу, с которым у полка были свои счеты). И потому «ура» офицеров вышло громким и, по существу своему — сочувственным.

Это подстегнуло генерала и в своем ответном тосте, а говорил он, как старый офицер Генерального штаба, умно и интересно, он развил мысль о службе и ее значении. И закончил его словами: «Да, господа, за Богом молитва, а за царем служба...» Тут он остановился и естественный конец этой, всем знакомой пословицы «не пропадает» — ...

пропал! Конец своей речи Зайончковский высказал так: «вот те стимулы, которые должны нас вести вперед!» Все было ясно и при том для всех.

Мне осталось сказать еще несколько слов. В годы 1-й Мировой войны генерал Зайончковский сначала командовал 37-й пехотной дивизией, а потом принял в командование 18-й армейский корпус. За сменой начальников штаба корпуса и неприбытием нового начальника штаба я временно исполнял эту должность и исполнял ее и в дни февральской революции 1917 г. Отношение ко мне командира корпуса было исключительно благожелательным и мы часто говорили о временах его командования Петровской бригадой и моей службы Л. Гв. в Семеновском полку, но никогда он не вспомнил своего «поражения под Полтавой». В дни Гучковского «истребления» старшего командного состава был уволен в отставку и наш командир корпуса. Больше я его в жизни не видел. Ни в одну Добровольческую армию он не поехал, и в конечном счете пошел на службу к большевикам... может потому, что помнил, что когда-то случилось с ним в Полтаве, а может и потому, что был лично связан узами дружбы с генералом Брусиловым.

«Вестник Гвардейского Объединения», 6, 1959.

ПАМЯТИ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР Е. Ю. БЕМ

(1870—1951)

Русские офицеры, проживающие в Париже, только что отдали последний долг памяти генерала Евгения Юльевича Бем, скончавшегося 18 мая после долгой болезни, и погребенного 21 мая на русском кладбище в С.-Женевьев.

В эти печальные дни в моей памяти ярко прошло все то, что волею судьбы связывало наши пути с почившим, почти в течение полувека! И потому я считаю себя вправе сказать несколько слов, посвященных ныне его памяти, и напомнить русским людям о пройденном им с честью пути служения Родине!

В 1902 году, окончив кадетский корпус, я начал первые мои шаги на военной службе, юнкером Николаевского Инженерного училища, под командой моего ротного командира штабс-капитана Гренадерского саперного батальона Е. Ю. Бем. Он же, как окончивший курс Военной Академии, преподавал нам и военную администрацию. Немало молодых саперных офицеров были обязаны ему своей подготовкой для дальнейшей военной службе, и немало тех, кто не раз вспомнил добром то направление, которое дал каждому из них тогда еще молодой их военный руководитель!

Мое производство в офицеры разлучило нас на добрый десяток лет. В течение этого времени капитан Бем продолжал подготовку юнкеров. Будучи подполковником, он был назначен начальником штаба саперной бригады сначала в Иркутск, а потом и в родную ему Москву, где он сам более 60 лет тому назад начал свою военную службу. Незадолго перед войной 1914—18 гг. он получил в командование 18-й саперный батальон, стоянкой которого был Петербург.

Первая Мировая война вновь сблизила наши пути — 18-й саперный батальон входил в состав 18-го армейского корпуса, в штабе которого я провел мою вторую войну. Именно в эти годы мне пришлось очень близко соприкоснуться с боевой работой молодого еще тогда саперного батальона, боевую славу которого делал его командир, полковник Бем. На долю его выпадали исключительно трудные боевые задания, которые с честью выполнял батальон! В частности, наиболее страдными периодами, как для 18-го батальона, так и для его командира, были бесконечные переправы корпуса на территории тогдашнего «Царства Польского». Я помню как корпус получил задачу «форсировать всеми силами реки Сан и Вислу, проявив возможную изобретательность, так как средств для переправы корпусу предоставлено быть не может»... Получив все доступные ему боевые награды, полковник

Бем переформировал свой батальон в «18-й инженерный полк» перед самой революцией и в полученном им за боевые заслуги чине генерала, был первым и последним командиром нового «полка»!

Разложение боевого фронта привело его на должность начальника инженерной части Киевского военного округа, и развал России побудил его добровольно уйти на Северный фронт Гражданской войны, где он был близким сотрудником генерала Миллера. Наши пути опять временно разошлись.

Но они сошлись опять и уже до последнего дня жизни генерала Бема не расходились. Живя в Париже он, в тяжелые и ответственные дни военной оккупации Франции — согласился принять на себя руководство 1-м отделом Русского Обще-Воинского Союза, в ряды которого он вступил с первого дня своего пребывания в эмиграции... Задача была трудная, и ее опять с обычным для него тактом, выдержкой и, порой, самоотвержением до последнего дня своей жизни выполнил генерал. Уже больной, он внимательно следил за жизнью руководимого им отдела и в последнюю Пасху, которую ему суждено было прожить, еще смог приветствовать своих офицеров!

Таков был военный путь, пройденный верным Родине и Армии офицером... И мы, его юнкера-ученики, сотрудники и соратники, с истинным чувством горести о понесенной нами потере и уважением к его службе з а с о в е с т ь, склоним свои головы перед его могилой, отдавая должное вере и верности одного из старейших русских офицеров (он скончался накануне того, как ему должно было исполниться 82 года), оставшегося на своем посту буквально до последней минуты!

«Русская Мысль», 351, 1951.

ПОДВИГ СВЕТЛЕЙШЕЙ КНЯГИНИ С. А. ВОЛКОНСКОЙ

Что место мое...
... в далекой пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так Богу угодно!...

Н. А. Некрасов. "Русскіе Женщины"

Светлейшая княгиня София Алексеевна Волконская, рожденная гр. Бобринская, по первому браку кн. Долгорукая, родилась в С. Петербурге 25-го декабря 1887 г. По своему образованию С. А. представляла собою редкое исключение не только в той среде, к которой она принадлежала по рождению: окончание Женского Медицинского института дало ей диплом врача-хирурга, Гатчинская военная воздухоплавательная школа, где С. А. тренировалась на летчика, — предоставила ей и это звание!

В войне 1914—18 гг. София Алексеевна приняла непосредственное участие в качестве врача, сначала работая в передовом отряде Красного Креста в районе Варшавы, во время боев у Лодзи, Равки, Прасныша, а потом — в далекой Персии, при корпусе ген. Баратова. В русской мемуарной литературе имеется оценка этого последнего периода работы Софии Алексеевны, тогда еще кн. Долгорукой. Оценка эта, которая уже одна, сама по себе, может оправдать поставленный мною над этой заметкой заголовок, принадлежит лицу, которое руководило деятельностью той медицинской организации, в составе которой находилась княгиня. (А. Г. Емельянов. Персидский фронт. Берлин. 23 г.).

«...В холерном отделении в круглом сводчатом зале пришлось больных класть на циновках на каменный пол... Холерных человек шестьдесят. В «бараке» доктор — кн. Долгорукая. Слушает пульс, дает лекарства, поправляет подушки, переворачивает больного. Все сама. Молодая лет двадцати пяти. Уже несколько ночей она не спит, и странным кажется бледно-зеленый цвет ее лица... От усталости. Или это такое освещение в полутемном сводчатом зале старинного здания?! Она — в белом халате, со сжатыми губами и карими с лихорадочным блеском глазами... Мать, доктор, авиатор, георгиевский кавалер трех степеней — она уехала с нашего фронта полным кавалером. Бесстрашная в боевой обстановке,

она презирала опасность и в заразном бараке. Она очень любила жизнь и была фаталисткой. На фронте она рисковала ею очень часто — жизнью молодой, интересной и материально сверх меры обеспеченной. Нет, это не только любовь к приключениям! Это уже любовь к долгу, к посту своему, к ближним»...

Развал, несколько позже, чем повсюду, коснувшийся персидского фронта, вернул Софию Алексеевну обратно в Петербург, где она оказалась совершенно отрезанной от своей дочери, которая с бабушкой осталась в Крыму... 12-го ноября 18 г. С. А. вышла во второй раз замуж за светлейшего кн. Петра Петровича Волконского и вместе с ним переживала все трудности и опасности, столь обильно выпавшие на долю жителей революционной столицы... К маю 19 года, не выдержав беспокойства о судьбе своей дочери и с тоской расставшись с мужем, который не мог покинуть Петроград ради престарелой своей матери, оставить которую одну было просто невозможно — кн. София Алексеевна, воспользовавшись «дарованным судьбою случаем, безнаказанно покинуть родину, который дважды не дается», решилась покинуть Россию и с большими трудностями перешла границу Финляндии, казалось, навсегда уйдя от большевицкого режима, захватившего Россию!

Уже в обстановке полной безопасности, найдя в Лондоне свою дочь, которая вместе с бабушкой, благодаря совершенно исключительно благоприятно сложившейся обстановке, выехала из Крыма, кн. Волконская велением судьбы становится перед обстоятельствами, давшими ей возможность полностью показать свои силы, свое мужество и решимость, в такой степени, что перед каждым, кто так или иначе знакомится с тем периодом ее жизни, невольно встает сравнение ее с той далекой княгиней Марией Николаевной Волконской (рожденной Раевской), которая более ста лет тому назад сказала, что «...не желая остаться в долгу у внуков — пишу я записки; для них я портреты людей сберегу, которые были мне близки...». Записки эти в поэтическом пересказе Н. А. Некрасова, когда-то заставляли нас преклоняться перед светлой личностью «Русской Женщины», их написавшей. Кто, по крайней мере в той части, которая относится к старой эмиграции, их не читал и не повторял... Думаю, что и новая эмигрантская молодежь знает их не хуже старших... Кн. София Алексеевна Волконская, тоже оставила нам свои записки (Горе побежденным. Воспоминания. Париж) и именно о них хочу я сказать несколько слов. Записки вышли в свет в 34 г., быстро разошлись и, как мне приходилось неоднократно убеждаться, прошли мало замеченными. Я же лично, благодаря случаю, о том, *что* написано в этих записках, знаю не только из них, но и от моего старого друга, который выведен в этих записках под псевдонимом, для меня лично более, чем понятным.

Успокоившись за судьбу дочери, София Алексеевна чувствует, что она не может быть спокойной за судьбу мужа, оставшегося в Петрограде — писем от него нет, в печати не мало сведений о наступившем в России терроре. Княгиня решается оставить Лондон и ехать через Стокгольм в Финляндию, рассчитывая там узнать все более по-

дробно и точно. Уже в Стокгольме она убеждается, что предчувствие ее не обмануло — Петр Петрович попал в лапы Чека — он арестован и дальнейшая судьба его неизвестна — можно предполагать все!

На протяжении ста лет две княгини Волконские ставятся судьбой в одинаковое положение, ставятся перед решением вопроса, как помочь попавшему в беду мужу... И обе принимают почти аналогичное решение — в 1826 году Мария Волконская решает ехать в далекую неведомую Сибирь, навстречу неизвестности, чтобы помочь заключенному в тюрьме мужу, стать его опорой. В 1919 году София Волконская решает возвратиться в Россию, навстречу хорошо известной и понятной ей опасности опять попасть в обстановку большевицкой России, чтобы помочь арестованному мужу и, если судьба будет к ним благосклонной, выполнить невероятную по своей трудности задачу — во второй раз вырваться опять из России, на этот раз уже не одной, а увозя с собой мужа и его престарелую мать!

Первые препятствия к выполнению принятого решения менее трудны для Марии Волконской, которая сравнительно легко получает главное — разрешение на поездку от императора Николая 1-го. Княгине Софии Волконской обойти препятствия, ставшие перед нею, много труднее — сначала она идет официальным путем, обращается к командующему Северо-Западной армией ген. Юденичу, потом к диктатору Финляндии ген. Маннергейму — оба обещают ей «сделать все возможное», и оба принуждены признаться в своем бессилии в виду осложнений на советской границе и убеждают ее «переждать несколько недель». Но как ждать, когда так ясно, что близкий человек несомненно в смертельной опасности! С. А. решает перейти границу СССР нелегально и в этом направлении пытается найти разрешение томящего ее вопроса. Только счастливый случай разъясняет ей причину тех трудностей, которые ставят ей иностранные разведки — оказывается, английская разведка имеет донос (конечно, русского происхождения), о ней, как... советском агенте, и если не сможет лишить ее всякой возможности перейти границу, то не остановится перед тем, чтобы ликвидировать ее во время этого перехода. Легко можно себе представить то отчаяние, которое овладело даже этой смелой и решительной женщиной. Кое-как разъяснив обстановку, она решает, что ничего не добьется в Финляндии и одновременно с командованием Северо-Западной армии переезжает в Эстонию, чтобы попробовать «счастья» с этой стороны. То, в чем заподозрила ее английская разведка, наводит ее на новую, более чем рискованную мысль — проникнуть в СССР с поддельным паспортом и удостоверением от... эстонской коммунистический партии. Создана соответственная фальшивка, но и этот вариант опять не удается... несомненно, что достичь цели, поставленной себе кн. Волконской было более чем трудно, но несомненно и то, что препятствия перед нею ставили не только ее противники, но и ее... друзья. И, в сущности говоря, последние были правы — так как то, что задумала сделать «Русская Женщина» в двадцатом веке, было во много раз труднее и безнадежнее того, что удалось «Русской Женщине» начала девятнадцатого века. Друзья Софии Волконской хорошо понимали, что если ей

удастся перейти границу СССР и вернуться в Петроград, то и тогда она будет еще бесконечно далека от достижения поставленной ею себе конечной цели, а личная опасность для нее возрастет бесконечно. Повидимому понимает ее и сама С. А., — она идет к известному профессору, которого в своих записках не называет, и добивается от него рецепта на средство, для «спасения ее» в том случае, если она станет перед угрозой, «которая хуже смерти»....

Все усилия С. А. перейти границу СССР решаются совершенно неожиданно и сравнительно «легко» — Северо-Западная армия переходит в наступление на Петроград, и княгиня, пользуясь своими старыми «санитарными» связями — следуя с нею, сравнительно просто (правда потеряв по дороге все, что она имела, до мыла и зубной щетки включительно) — доходит с армией до Гатчины и там находит временный приют в квартире, которую она когда-то занимала, обучаясь в Гатчинской воздухоплавательной школе... Казалось, остается так немного, чтобы вместе с армией войти в Петроград и..., может быть, застать мужа еще живым...

Но Северо-Западная армия не вступила в Петроград и начала свой отход в Эстонию. Никакие уговоры друзей не убедили С. А. идти обратно с армией. Напротив, немедленно приняв решение, она осталась в городе, переждала вступление в него Красной армии и, поняв, что в Гатчине она легко может быть захвачена красными, решила... продолжать свой путь на Петроград!

Средств сообщения не было никаких, документы отсутствовали, разрешения передвигаться по дорогам в тылу Красной армии, конечно, тоже не было. Оставалось одно — идти пешком сорок две версты, отделявшие Гатчину от Петрограда, да еще с условием, что С. Ал. едва ли не в первый раз в жизни должна была пешком «покрыть» такое расстояние и при том достичь столицы не позже восьми часов вечера, так как после этого часа движение по улицам города было воспрещено, и легко было натолкнуться на полицейский патруль, который, конечно, немедленно бы заинтересовался документами...

Огромная разница с началом пути Марии Волконской, о которой Некрасов говорит: «Довольно, довольно объятий и слез! Я села — и тройка помчалась!»

После бесконечных трудностей непривычного перехода, С. А. в начале девятого часа вечера достигла Петрограда и, опасаясь долго идти по городу, нашла приют в Обуховской больнице, в которой когда-то работала. Легко можно представить себе удивление ее бывших «коллег», когда на вопрос их, откуда она появилась — она спокойно ответила: «из Лондона!»...

Утром следующего дня С. А. в старом особняке Волконских... где она должна узнать о судьбе своего мужа... Радостная весть о том, что П. П. жив, омрачается тем, что одновременно она узнает, что власти отправили его в Москву в концентрационный лагерь, созданный в бывшем Ивановском монастыре!

Значит, надо ехать дальше... И, конечно, ехать как можно скорей... А передвижение по железным дорогам разрешается только «по слу-

жебным надобностям»... Надо было опять искать помощи, и помог М. Горький, с которым познакомили Соф. А. ее друзья. Почему пролетарский писатель помог светлейшей княгине? — может быть, потому, что вспомнил Некрасова и его «Русских Женщин»? Но помог, а это было главное! В Москве С. А. приютили ее новые родственники — Волконские.

И, наконец, — в очередное воскресенье свидание с заключенным мужем, свидание «общее» на маленьком дворике тюрьмы, под наблюдением караула... Страшное волнение и безграничное удивление П. П., совершенно уверенного, что его жена в полной безопасности, в Лондоне...

И, конечно, с первых же дней усиленные хлопоты об освобождении мужа. С. А. об том сама говорит, что «иллюзий я себе не делала, знала, что добиться будет трудно, но знала также, что не успокоюсь, пока не добьюсь!».

И не успокоилась, и добилась...

Как? Каким путем? На этот вопрос повидимому трудно ответить и самой С. А. Энергичная и неустрашимая (фаталистка?), она определенно поставила себе задачу: «У меня только одна забота: забота о Петре Петровиче. Прежде всего надо было не дать ему умереть от голода...» И в связи с этой заботой, упорное посещение заключенного и волнение за его судьбу перед каждым свиданием, потому что «расстрелы не прекращались» и в числе расстрелянных были и те, кто отбывал заключение в одной камере с князем Волконским....

И одновременно хлопоты об освобождении! Каких только имен тут нет: и представитель политического Красного Креста Пешкова (жена Горького), и Винавер, и Горький, давший еще в Петрограде письменное ходатайство об освобождении князя, и Красин, присоединивший свою подпись к этому ходатайству, и французский коммунист Садуль, конечно, много обещавший и ничего не сделавший, Каменев, Калинин, Луначарский, Воровской, комиссар Красиков и, наконец, какой-то неизвестный Богуславский, который имел влияние у Дзержинского и, обратившись к нему, спросил: «Ф. Э., вы читали Некрасова?»... «Знаю», отвечал всероссийский палач, «вы хотите говорить о Русских Женщинах и о княгине Волконской» и... подписал указ об освобождении князя Волконского 25-го февраля 1920 г., после девятимесячного заключения, проведенного без предъявления когда-либо и каких-либо обвинений...

Сколько надо было энергии и настойчивости, чтобы дойти до каждого из перечисленных «вельмож», конечно, лично княгине неизвестных, и все при том, что жизнь в Москве в эту роковую зиму складывалась так, что она в своих записках формулирует это следующими словами: «Робинзон Крузе жил на пустынном острове, Нансен много месяцев провел в полярных льдах; есть такие, что испытали землетрясение в Мессине, и такие, что выжили после пяти лет в окопах; кое-кто спасся с Титаника.. Мы — прожили зиму двадцатого года в Москве»! Все, сколько раз описанные трудности жизни в те времена в Москве, отсутствие топлива, отсутствие воды, обыски, принудительные ра-

боты с их издевательствами, вошь... и все это добровольно, после жизни в Лондоне и Стокгольме, все во имя выполнения своего долга и достижения одной цели!

И когда, наконец, эта цель была достигнута, то немедленно встала другая — во второй раз покинуть СССР, опять преодолеть трудности обратного перехода границы Финляндии! А до того — работа, чтобы добыть необходимые средства и прожить до желанного момента отъезда в Петрограде, куда тоже с большим трудом вернулись Волконские.

Смешно сказать — дело разрешило удостоверение от «Эстляндского дворянства о внесении им рода светлейших князей Волконских в дворянский матрикул» — это тогда, в общероссийской неразберихе давало право стать эстонским репатриантом...

Пережив вторую зиму в Петрограде, Волконские вплотную приблизились к возможности, вместе с престарелой матерью князя, покинуть Россию. Почти что в последнюю минуту С. А. едва не сделалась жертвой провокации — ее сотрудница, женщина врач подала жалобу, что у нее пропали... бриллианты (которых никто не имел права иметь), и она обвиняет Волконскую в этом похищении. Провокация со стороны Чека была вне сомнений, но это могло сорвать весь план отъезда. А, может быть, с этой только целью и была препринята? Выручил врачебный и низший персонал больницы, в которой работала София Алексеевна, подписавший протестующее заявление в уголовный розыск...

И, наконец, день отъезда настал... Самый переход (второй!) границы опишу словами С. А.: «Маленькая грязная речка. Несколько солдат с ружьями. Мостик... Смотрю на Петра Петровича, но он не смотрит на меня: его глаза устремлены туда — назад — в Россию... Вот он перекрестился. Мы в Эстонии.

Падаю на колени, лицом на сундук. Рыдания подступают к горлу...»

И послесловие этой замечательной книги: «А что же дальше, спросит любопытный читатель. Дальше? Дальше Европа, большие надежды, еще большие разочарования... Собственная глупость, чужая недобросовестность... Деньги, разорение, нищета...

И тоска, тоска бесконечная».

Такое настроение, которым заканчивает София Алексеевна свою книгу, осталось у нее и во все годы эмиграции, так как в записках ее уже к весне 49 г. можно прочесть написанные ею стихи, заканчивающиеся так:

Нам — только убежать подальше
От этой жизни, что как сеть
Нас оплела своею фальшью...
Закрыть глаза... И умереть.

И вот теперь эта бесконечная тоска для Русской Женщины, кн. Софии Алексеевны Волконской — кончилась. Восьмого декабря 1949 года ее не стало...

«Возрождение», VII, 1950.

ПРОФЕССОР И. А. ИЛЬИН

«Русский Обще-Воинский Союз» сообщает... «что 21-го декабря в Швейцарии скончался верный старый Друг Союза... профессор Иван Александрович Ильин»...

Это свершилось, ушел из мира действительно старый и верный Друг не только Русского Обще-Воинского Союза, но непреклонный и талантливый Друг Белого Дела... Друг с того дня, как бывшие Верховные Главнокомандующие Армиями Российскими генералы Алексеев и Корнилов, подняли на юге России знамя сопротивления коммунистам, начали белую борьбу...

Оставаясь в СССР, в Москве, Иван Александрович Ильин тотчас же установил связь с генералом Алексеевым, а в 1922 году, когда большевики выслали его, в числе группы изгнанных из пределов Родины профессоров, немедленно по прибытии в Берлин, связался с представителем Белого Командования, представителем генерала Врангеля. Эту должность тогда занимал я. Через меня профессор Ильин установил связь с Главнокомандующим, к которому относился с большим пиететом. Только через несколько лет, в замке герцога Г. Н. Лейхтенбергского, Сеоон, на юге Баварии, я познакомил Ивана Александровича с искренне чтимым им Главнокомандующим, верным имени которого Иван Александрович остался и после кончины генерала Врангеля в 1928 году.

Наше знакомство с Иваном Александровичем, начавшееся в 1922 году, перешло в тесную дружбу, которой я всегда гордился и горжусь и по сей день. В тоскливые дни после его кончины, о которой так определенно и исчерпывающе говорит вышеприведенное объявление Русского Обще-Воинского Союза (в газете «Русская Мысль», Париж), я пытаюсь кратко сказать о почившем в этих строках. Я понимаю, что яркая, проповедническая деятельность покойного заслуживает серьезной, исследовательской работы. Но я также знаю и то, что такая статья требует широкого научного подхода к личности ушедшего. Я не чувствую себя в силах сделать это, в особенности так скоро после понесенной всеми нами незаменимой утраты. Я хочу пока посвятить ему только эту небольшую заметку о нем лично и о созданных им, в силу его белых убеждений, бюллетенях «Наши Задачи», издательство которых в данное время стоит перед неразрешимой задачей, можно ли продолжать выпуск бюллетеней дальше, и, если можно, то как это выполнить.

В 1945 году я с женой принужден был покинуть мой пост в Берлине в виду надвигавшейся на город Красной армии. Судьба занесла нас на самый юг Германии, в г. Линдау. Там по собственной инициативе разыскал меня покойный Друг и не только разыскал, но сам, зарабатывая на свое существование в Цюрихе литературной работой, всеми силами помог нам — вышедшим из Берлина только с ручными чемоданчиками.

В течение последующих лет, благодаря содействию Ю. И. Лоды-

женского, тогда проживавшего в Женеве, и швейцарских друзей Ивана Александровича Ильина, мне удалось шесть раз побывать в Швейцарии и каждый раз по несколько дней проводить в Цюрихе, непрерывно общаясь с ним; в последний раз это было ровно год тому назад, и 15-го января 1954 года я в последний раз простился с ним, возвращаясь в Париж....

Мысль об издании «Наших Задач», начатых 14-го марта 1948 г., принадлежала лично ему, как его перу принадлежали все статьи, опубликованные в 215-ти выпусках бюллетеней. Первые статьи были очень краткими и среди «единомышленников», которым они рассылались, выбирались те, кто... имел пишущую машинку и мог сам размножить и распространить то, что писал Иван Александрович. Постепенно, в сильной степени заботой опять-таки самого Ивана Александровича, для издания бюллетеней (они всегда рассылались бесплатно) стали притекать денежные средства, что позволило увеличить объем выпусков, но никогда не дало возможности начать выпускать их, печатая в типографии.

Иван Александрович в силу трудностей получить окончательное право жительства в Швейцарии — не подписывал своих статей в бюллетенях. Но, конечно, его слог, его исключительная эрудиция и его беспримерное изложение и форма, давно сказали русскому читателю бюллетеней, кто является автором статей. В 1952 году, в Брюсселе, на собрании по случаю 80-летия генерала Архангельского, — я в моей речи, упоминая о тех, кто поздравил маститого юбиляра, в первый раз открыто назвал имя И. А. Ильина, как автора «Наших Задач».

Статьи Ивана Александровича в подлиннике поступали ко мне в Париж, после чего, если это было необходимо, в части или в целом, обсуждались нашей перепиской, а потом, в окончательном виде, пересылались в Брюссель, где, в том случае, если они были одобрены Начальником Русского Обще-Воинского Союза генералом Архангельским — печатались и рассылались...

Аудитория «единомышленников», читателей бюллетеней непрерывно росла, а за последние годы читатели выделили ряд лиц, понявших значение этой работы Ивана Александровича Ильина они стали стремиться создать у себя комплект с первого номера и потому была налажена работа по переписке недостающих выпусков. Все 215 выпусков, созданных ярким умом покойного, представляют теперь собою совершенно исключительное собрание мыслей, образов, понятий и определений, которые несомненно, не только теперь, в переживаемое нами время, но и в будущем представят собою основу для работ о России, всех национально мыслящих русских людей. Вопрос издания всех выпусков типографским способом, в виде книги, составляет сейчас особую заботу издательства, которое призывает всех, кто понял и оценил наши бюллетени — вместе с издательством изыскать возможность такого увековечения памяти почившего нашего Учителя и Друга *).

Я говорил, что с самого начала Белой Борьбы, с того момента, когда генерал Алексеев на юге России «зажег светоч» борьбы,

*) Издано в двух томах в 1956 году.

к нему, через всю Россию примкнул профессор Ильин, беззаветно отдавшийся делу Белых (он часто этим именем подписывал свои письма и статьи). Еще в 1922 году, при первых встречах с профессором я с удивлением слушал его мысли о той борьбе, которая велась и, увы, на полях сражений была проиграна белыми — своей беспредельной интуицией он провидел то, что двигало Белых на подвиг борьбы... и выйдя за пределы СССР, откуда так неосторожно выпустили большевики своего сильнейшего врага, Иван Александрович оформил свои мысли в виде статьи «Белая Идея», «вместо предисловия» помещенной мною в первом томе сборника «Белое Дело» («Летопись Белой Борьбы»), изданного в конце 1926 года в Берлине. При обсуждении вопросов как можно еще, несмотря на незаменимую потерю продлить бюлетени, существует преположение, в нескольких выпусках «Наших Задач», вновь опубликовать эту статью И. А. Ильина.

Моя краткая заметка растягивается. И в то же время мне так мало удалось сказать о том, чем был дорог не только его «единомышленникам» членам Русского Обще-Воинского Союза, но и всем русским людям безвременно покинувший нас наш «старый и верный Друг»! Для того, чтобы это сказать и сказать исчерпывающе и авторитетно, нужно другое перо и, что главное — нужна перспектива, которая позволит оценить его яркую и сильную фигуру... нужен научный подход, нужно пережить какие-то сроки, которые дадут возможность изжить личное горе от его потери и объективно подойти к оценке личности этого исключительного русского человека, проповедника, ученого и мыслителя. Наконец, нужно объять его литературное наследство, которое видится мне исключительным по богатству, так как в те дни, когда я в последний раз имел счастье личного общения с ним, Иван Александрович писал лихорадочно быстро и неустанно, сознавая свою тяжелую болезнь, уже значительное время мешавшую ему жить и творить — писал все время, чтобы высказать все, что накопил его острый и сильный ум...

....

....

Имя покойного профессора Ивана Александровича Ильина, его мысли, изложенные всегда так исключительно ярко и внушительно, конечно, найдут свое место в будущем Пантеоне Российском...

Нам же, его современникам, остается только преклониться перед Высшей Силой, взявшей его от нас так рано!

Дай Бог, чтобы легка была чуждая нам земля, приютившей его свободной Швейцарии, в которой суждено было найти покой исключительному русскому человеку, верному и искреннему Другу Русского Белого Воина, Другу Русского Обще-Воинского Союза и... моему личному незабвенному Другу!

«Наши Задачи», 216, 1955.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ Б. А. ШТЕЙФОН

В 1951 году, 17-го мая, в русской газете в Нью-Йорке, носящей дорогое нам всем имя «Россия», появилась статья Сергея Жукова, который между прочим говорит: «Я беру на себя почин в нарушении безмолвного вето, наложенного и тяготеющего и по сей день над именем большого русского человека и пылкого патриота... Я назову его — Генерального штаба Генерал-Лейтенант Борис Александрович Штейфон»...

Покойный Борис Александрович был моим другом, мы делили с ним в трудные времена нашей совместной жизни, ее невзгоды и трудности. Я давно намечал сделать то, что так правильно сделал незнакомый мне автор статьи в «России», посвященной генералу Штейфону. Я опоздал. И теперь, получив предложение составителей сборника, посвященного десятилетию со дня основания Русского Охранного Корпуса в Югославии — я с искренним удовлетворением на это предложение отозвался и решил сделать то, к чему призывает С. Жуков и, пойдя по указанному им пути, — вспомнить о старом друге и искреннем русском патриоте Борисе Александровиче Штейфоне, который доблестно вел Русский Корпус по его страдному и жертвенному пути, и который умер будучи командиром этого корпуса.

Борис Александрович Штейфон был старше меня по Военной Академии и познакомился я с ним уже после революции, почему мои воспоминания о нем начинаются только с этого времени. Его боевую службу в рядах старой Императорской армии вероятно, опишет кто-либо другой, после того, как то вето, о котором говорит автор первой в русской зарубежной печати статьи о нем — будет приподнято им и мною.

После революции и разложения русского фронта 1-й Мировой войны часть русских офицеров оказалась в Харькове. Я лично попал туда по родственным связям моей жены, Борис Александрович — по прежней своей службе еще до академии. Общие трудности, которые в такой массе стали перед русским офицером, пережившим революцию, стали и перед нами в богоспасаемом Харькове. Россия кипела в котле революции. Всюду формировались новые фронты и создавались новые очаги борьбы... дошло это и до Харькова, и в один непрекрасный день, провокация бывшего командующего одной из армий внешнего фронта генерала Ю.*), перешедшего на украинскую службу — все мы, старшие офицеры (полковники), жившие в городе, оказались перед вербовщи-

*) Юнаков.

ком советской армии Сиверса, старавшегося найти для своего командующего пополнение в среде офицеров генерального штаба. Побывал он и у меня, и в разговоре с ним (это был также старый офицер и при том военный инженер полковник Щ.), я, всеми мерами отбиваясь от «лестного» предложения возглавить штаб советского формирования, не желая принимать которого генерал Ю. назвал ему наши фамилии и адреса — узнал о существовании в Харькове других офицеров, в том числе и Б. А. Штейфона. Скрываясь от советского вербовщика и дождавшись занятия Харькова частями германской армии — я стал разыскивать тех, кого, по отношению к сотрудникам Сиверса я мог считать моими единомышленниками.

Это были полковник Штейфон, полковник Ткачев и полковник Х. (фамилию последнего не называю, так как не знаю его судьбы) — старшим и при том офицером генерального штаба был Борис Александрович. С присущей ему решимостью он нас объединил и начал работу, которую он вел, надо признаться, с большой осторожностью, что было, конечно, правильно, потому что над было «конспирировать» не только по отношению к большевикам, но и к оккупантам. У Бориса Александровича были исключительные организаторские способности (что он потом так блестяще показал в Галлиполи), и под его руководством мы начали работу по пополнению Добровольческой Армии, как личным составом, так и переброской туда добывавшимися нами всякими правдами и неправдами вооружения и снарядов.

Работа под руководством Б. А. Штейфона велась в обстановке сложной и опасной. Почва под нами постепенно начала в буквальном смысле гореть и надо было смываться... Борис Александрович, начиная с меня, отправлял всех нас постепенно в Добровольческую армию, и только впоследствии, когда дольше оставаться в Харькове стало уже невозможным, преследуемый агентами Петлюры, с немалыми трудностями добрался до Екатеринодара. Отмечу, что работа нашей четырехчленной группы, наименованной «Добровольческим центром в Харькове», была признана генералом Алексеевым, и потому все мы, попадая в Екатеринодар, в штаб армии — приходили «к себе», так как уже числились в составе армии, на которую работал «центр полковника Штейфона»!

Началась наша служба в рядах Добровольческой армии. Борис Александрович пошел на строевые должности генерального штаба. Его командование Белозерским полком и время, в течение которого он был «начальником штаба Полтавского отряда генерала Н. Э. Бредова», известно многим из тех, кто служил в Добровольческой армии. Я лично был в то время в штабе генерала Драгомирова в Киеве — там же был и штаб Полтавского отряда, душой которого конечно был Борис Александрович, верный и точный исполнитель указаний своего начальника отряда.

Судьба Полтавского отряда была очень сложной и очень тяжелой. Постепенно отходя вместе со всей армией генерала Деникина на Юг — отряд попал в Одесский район и не попал в число войск, имевших возможность эвакуироваться заграницу... Отряду пришлось «отступать»,

то-есть идти на север с боем, и, наконец, достигнув Польши, оказаться за проволокой польских лагерей, не слишком гостеприимно встретивших русские полки. Много дипломатических способностей пришлось проявить начальнику отряда и его начальнику штаба, чтобы добиться кардинального изменения в судьбе отряда — получения разрешения на переброску через Румынию в Крым, в армию генерала Врангеля. Выполнение этой задачи было возложено на Бориса Александровича, который в сложной обстановке того времени, пробился в Крым и явившись генералу Врангелю, получил от него указания и задачи. В Константинополе, где я был тогда в распоряжении русского Военного Представителя, мы встретили полковника Штейфона радостным известием, что его заслуги на должности начальника штаба отряда, а до того и работа по командованию полком, оценены Главнокомандующим, отдавшим приказ о производстве его в генерал-майоры. Борис Александрович был всегда настоящим военным и такое отношение к его службе — очень порадовало его!

В смутной обстановке тогдашней Европы отряд был переброшен в Крым. Можно и не быть военным, чтобы понять, какие трудности стояли при этой сложной операции перед начальником штаба отряда — организаторские способности и всегдашняя жертвенность Бориса Александровича помогли ему с успехом эту операцию провести!

Но Крымский период, один из самых ответственных и героических периодов в Гражданской войне в России, закончился эвакуацией армии в Турцию; эвакуацией беспримерной, но... но это было поражение, и этот факт убийственно влиял на настроение и энергию многих. Много старых добровольцев, как тогда говорили «сматывали свои удочки», и уходили в частную жизнь, устраивая ее в мере сил и возможности, возможно выгоднее для себя. Лишь немногие ушли в лагеря Галлиполи, Лемноса и Чаталджи, где были трудности, доходящие до страдания и... не было никаких должностей для генералов. Производство Бориса Александровича в этот чин за отличие, казалось становилось скверной шуткой судьбы над его стремлениями и желаниями... .

Это его не остановило — он пошел в Галлиполи рядовым, не надеясь на какую-либо обеспечивающую его должность. Он по натуре своей не мог оставить родной ему армии и он остался при ней!

Но во главе интернированной армии стоял генерал Кутепов. Он знал Бориса Александровича и он хорошо понимал, что в невыносимо тяжкой обстановке на полуострове, в положении полупленников, лишенных всех прав — ему нужны будут выдающиеся помощники и он не только удержал генерала Штейфона при себе, но и назначил его на трудный и очень неблагодарный пост коменданта Галлиполи. Генерал Кутепов не ошибся в своем выборе — мало кто знает, а кто знал, тот мало об этом говорил, какая доля заслуженной генералом Кутеповым на Галлиполи славы выдающегося организатора подавленной в своих настроениях армии — по праву должна принадлежать его помощнику — коменданту города Галлиполи, с его, теперь даже, пожалуй что и нежно вспоминаемой «губой» и с неизменными строгостями коменданта. Должность эту и лиц ее исполняющих испокон ве-

ков не слишком жаловала русская офицерская масса. Но тем труднее положение того, кто честно несет ее — и таким честным комендантом без страха и упрека был конечно генерал Штейфон. Думаю, что многие галлиполийцы теперь согласятся с этой моей оценкой!

Кончилось Галлиполийское сиденье... отгремели преследования Стамболийского по отношению к русским «контингентам» в Болгарии. Борис Александрович оказался в Югославии... положение было сложным. Ему, хотя в жизни и одинокому, приходилось напрягать все усилия, чтобы устроить свою жизнь... но он не хотел и не уходил от армии. Личные осложнения привели его к временному конфликту с Главнокомандующим и заставили его применить свою деятельность к иной организации. Борис Александрович всегда был монархистом и потому все свое внимание и всю свою энергию он перенес на работу в Легитимных организациях и на сформирование «Легитимного генерального штаба». Сам генерал Врангель писал мне, что его расхождение с Штейфоном наружно, так как применяя к нему «законную меру» временного удаления из Армии — он выполнял только формальность, которую должен выполнять и сам Главнокомандующий.

Деятельность генерала Штейфона пошла по новому пути. Я с гордостью считаю, что на этот путь толкнул его я, глубоко ценя его во всей его работе со времени наших переживаний в Харькове... Я уговорил его написать свои воспоминания о походе бывшего «Полтавского отряда» из района Одессы на север и переживания отряда в этот страдный период. Эта первая его литературная работа под заголовком «Бредовский поход» была опубликована мною в Летописи Белой Борьбы «Белое Дело» (том III, 1927 г.) и послужила толчком для дальнейших литературных работ Б. А. Штейфона. Насколько он оказался на месте и в совершенно новом ему поприще, показывает его книга «Кризис Добровольчества», книга, посвященная профессору генералу А. К. Банову и апология русской военной доктрины, которую всегда пропагандировал покойный профессор. А все те статьи, которые появлялись в русской зарубежной печати и которые принесли Борису Александровичу славу крупного военного мыслителя и талантливого военного писателя **и звание профессора!**

Я много пропускаю, мне поневоле приходится быть кратким в изложении, а между тем я еще не подошел к главному, что сделал генерал Штейфон в своей жизни — к командованию Русским охранным Корпусом, десятилетие сформирования которого в Югославии отмечает сборник, которому я передаю эту мою статью.

Я нес обязанности военного представителя белого командования в Германии в течение 25 лет. По моим обязанностям я соприкасался с жизнью русских воинских организаций в той стране и во время второй Мировой войны. И потому я видел в 1942 году деятельность генерала Штейфона в Белграде и слушал то, что он говорил мне о своей боевой работе, в начале 1945 года, когда он был в Берлине, то-есть очень незадолго до его безвременной кончины 30-го апреля того же года. Это и дает мне право и даже обязанность сказать несколько

слов и об этом периоде его, всегда плодотворной и неизменно патриотической работы!

Русский Охранный Корпус в Сербии был сформирован местным военным командованием. Мысль эта была проведена в жизнь генерального штаба полковником Кевиш, до войны бывшим в запасе и теперь на «русском вопросе», делавшим вновь свою прерванную ранее карьеру. Его планы были достаточно широки и он не был чужд мысли, что Русский корпус должен быть применен только для борьбы на Востоке, то-есть именно там, куда стремились русские бойцы, добровольно, невзирая ни на возраст, ни на имущественные вопросы, стихийно заполнившие ряды вновь формируемого корпуса... но такова была мысль полковника Кевиш, так могло думать военное командование немцев, но так не думала партия и ее возглавление. В этом расхождении и был зародыш будущей драмы и корпуса, и его командования.

В моем изложении я забегу несколько вперед — грядущая драма Русского корпуса была связана также и с судьбой полковника Кевиш. Я знал его лично и по его приглашению должен был вместе с ним на аэроплане лететь в Белград, куда меня звал Борис Александрович, 1-го июля 1942 года. Но в этот день я поехал в Белград поездом (иностранцу одному разрешения лететь не дали) — один, так как мой спутник внезапно заболел... А когда я вернулся в Берлин, то узнал, что он скончался вскоре после моего отъезда.

Во главе сформированного русского корпуса стал генерал-майор Скородумов, который сразу же прямо и определенно заявил о том, что он стремится к продолжению борьбы против большевиков, что, разумеется соответствовало стремлениям бойцов корпуса... но это было ошибкой, происходившей из плохой ориентировки о взглядах партии. Генерал Скородумов был немедленно отчислен от командования и даже временно арестован. Автоматически его заменил генерал Штейфон, который, пренебрегая своим военным старшинством и специальным образованием — согласился на предложение генерала Скородумова занять пост его начальника штаба. Так, исполняя свой долг, вступил Борис Александрович на тот путь, который после многих недоразумений, а потом и тяжких переживаний, привел его к преждевременной могиле.

Я написал, что корпус пополнялся стихийно. Однако надо оговорить, что германские власти почему-то сами ограничили эти стремления русской эмиграции, разрешив пополнение корпуса только из стран Юга Европы. Даже из самой Германии русской эмиграции не было дано разрешения пополнять собою ряды корпуса. В этом сразу же сказалась двойственность политики немцев по отношению к русскому формированию. Разрешая его под влиянием полковника Кевиша и лиц ему сочувствовавших, они в то же время не доверяли русским (что потом так ярко сказалось и в отношении их к ими же разрешенной Русской Освободительной Армии генерала Власова) и, что более странно для руководства армии, которая была в апогее своих успехов — боялись их...

Формирование корпуса, первые шаги его на поле сражений, при таком условии были более, чем сложны. Каждая мелочь проходила через

массу формальностей и трений. Непосредственное «заведывание» Русским корпусом было возложено на маленького офицера (кажется, что по происхождению австрийца), майора Лихтенеккера, который видимо полагал, что командует корпусом он! Естественно, что взаимоотношения с ним у генерала Штейфона установились отвратительные. Положение усложнялось тем, что Борис Александрович совершенно не владел немецким языком. Лихтенеккер не говорил по-русски. Командование, назначая его, не дало себе труда подумать об этом далеко не незначительном обстоятельстве. К сожалению и в русской среде командиру корпуса не удавалось найти переводчика, которому он мог бы вполне доверять. В те восемь дней начала июля 1942 года, которые я провел в Белграде в качестве гостя генерала Штейфона, я по его просьбе, помогал ему как мог, принимая участие во всех его переговорах с немецким начальством, которые он, пользуясь нашей старой дружбой, вел с лихорадочной поспешностью, чтобы использовать мое кратковременное пребывание в Белграде. Майор Лихтенеккер вел себя просто безобразно, позволяя себе при наших разговорах по-немецки совершенно невозможные отзывы о командире корпуса и его деятельности, в своем скудоумии не соображая, что я, конечно, все это передам генералу, чтобы полностью ориентировать его в характере отношения к нему, приставленного к корпусу майора! Но это если и осведомляло Бориса Александровича, то мало помогало ему... Во многом он был в достаточной степени о д и н о к !

В сущности говоря положение складывалось так — он верил немцам (не все же были «Лихтенеккерами») или правильнее сказать — верил в то, что немцы при правильном понимании обстановки м о г л и свергнуть большевицкую власть в России. Немцы же, в лице их представителей, делали все, чтобы эту веру подорвать. И надо сказать, что при п р а в и л ь н о м понимании взаимоотношений Германии и России, немцы могли много сделать. Но это правильное понимание когда-то сорвалось на Берлинском конгрессе, уничтожившем все достижения России на Турецком фронте в войну 1877—78 гг. и аннулировавшем достижения Сан-Стефанского договора. Говорят, что после этого Бисмарк «одумался» и в своем завещании наказывал Германии хранить дружбу к России, как непременном условии благополучия созданной им Германской Империи... На нашей жизни нам довелось быть свидетелями, как мало думали немцы о завещании своего гениального железного канцлера, если... если это завещание вообще существовало в природе!

Но, так или иначе, но командование корпусом было тяжелой и порой почти невыполнимой задачей. Надо было иметь мужество, и исключительное упорство, и высокое сознание своего долга командиром корпуса, чтобы неизменно идти по раз начатому пути — до конца. И Борис Александрович прошел этот путь.

Когда-либо историк Русского корпуса опишет его страдный боевой путь по Сербии, как слабо вооруженный, он прикрывал боевые действия уже отходящих германских частей. Опишет и то, какими потерями оплачивали русские недостатки своего вооружения. Опи-

шет, как тяжко переживал командир корпуса такое отношение «союзного» германского командования.

В январе 1945 года генерал Штейфон приехал в Берлин. Я почти что не узнал его — тяжкие потери корпуса (а потом их было еще больше) наложили на него явно заметный отпечаток. Всегда сдержанный с своими подчиненными, он, оказавшись у нас — позволил себе говорить откровенно. Я могу смело свидетельствовать, что командир корпуса страдал за каждого погибшего офицера или солдата своего корпуса.

Надо было принимать какое-то серьезное решение. В рядах корпуса совершенно напрасно гибли в качестве рядовых русские офицеры, заменить которых было просто некем. В рядах Русской Освободительной армии генерала Власова офицеров было очень мало. Естественно напрашивалось решение — слить оба русских формирования, для чего раньше всего вывести корпус из боя... Но именно на это не шло германское командование.

Однако наружно, как будто удалось достичь частичного успеха. Немцы, казалось, начали присматриваться к создавшемуся положению — надо было их подтолкнуть и генерал Штейфон по собственной воле, во имя пользы дела, которому он посвятил всего себя — просто и естественно заявил о своей готовности подчиниться генералу Власову...

Этот благородный жест Бориса Александровича был использован или тенденциозно, или неумело... И это принесло не мало осложнений в уже и без того затруднительное положение командира корпуса. Он оказался в состоянии, близком к отчаянию, не видя спасения своему корпусу и доверившимся ему русским воинам...

Уезжая из Берлина и возвращаясь в свое «почетное одиночество», как командир корпуса, который по его мнению должен был все переживать в себе и не дать ничего заметить своим сотрудникам и подчиненным — он был со мною откровенен. Ему было очень тяжело и он, исполняя свой долг, решил идти до конца. А ему предлагали возможность отхода и даже больше, учитывая его упорство, немцы хотели, чтобы он оставил свой пост. Надо признать, что хотели этого и некоторые русские. Об этом сейчас я говорить не буду...

Это было в конце января... а потом, уже через значительный промежуток времени я узнал, что 30-го апреля, в своем штабе, он потребовал, чтобы ему перед сном сделали какое-то вспрыскивание — лег и... больше не проснулся!

Так ушел в мир иной — русский человек, настоящий русский офицер в лучшем значении этого дорогого нам понятия. Его будут еще вспоминать, о нем будут еще писать и на его примере будут учиться!

«День Русского Ребенка», XX, 1953.

РАЗНЫЕ СТАТЬИ

АЛЬКАЗАР

Русский Обще-Воинский Союз, любимое детище Главнокомандующего генерала Врангеля, создан им в 1924 году, на чужбине, как законный преемник русских Белых армий всех четырех фронтов Гражданской войны в России в 1917—20 гг. Духовный наследник Белых армий, которым судьба не дала счастья военной победы, но дала победу моральную, во имя которой они ушли на чужбину, унеся национальное русское знамя, сохранив на нем только слово «Родина»...

Эта историческая преемственность от Белых Армий, в Гражданской войне в России не победивших, роднит Русский Обще-Воинский Союз с теми, кто также сражался за освобождение своей родины от красной власти, с теми, кто победил в неравной борьбе, кто изгнал за пределы своей страны интернациональную силу и кто помог возродить свою страну — с белыми испанцами армии генерала Франко, этого «победившего в Гражданской войне испанского Корнилова». В рядах его армий сражалась также и горсть русских белых, членов Русского Обще-Воинского Союза, которых я видел весной 1950 года в Мадриде. Они, также как и мы, непобедившие на белом фронте Гражданской войны в России — были победителями на белой стороне испанского фронта Гражданской войны. И они совершенно законно чувствуют себя победителями... это их заслуга, они ее осознали, что я не мог не отметить в тот вечер 1-го апреля, который я провел в их, столь близкой мне среде, в Мадриде.

От них я слышал рассказы об их победном фронте Гражданской войны... тогда же я побывал и в Толедо, тогда же смотрел и развалины Альказара, название которого так много говорило нам в дни существования белого и красного фронтов в Испании.

Весной 1950 года, в конце марта — начале апреля я имел честь в течение 2-х недель быть гостем Великого Князя Владимира Кирилловича и Его Августейшей Супруги Великой Княгини Леониды Георгиевны. Я пережил столь непривычно радостные для меня дни и с безграничной признательностью вспоминаю то исключительное внимание и радушие, которыми я имел счастье пользоваться со стороны моих Августейших Хозяев.

30-го марта, на автомобиле, который уверенно вел сам Великий Князь, мы приехали в Толедо. Я не буду останавливаться на описании всего того, что я видел в этом историческом городе— это сделали уже много и много раз путешественники по Испании. Все это было интересно и даже очень интересно, но предо мною стоял Альказар и весь мой личный интерес к поездке в Толедо сосредотачивался именно на нем, на здании на краю Толедо, где героически боролись и победили столь близкие мне, русскому белому, — белые испанцы!

Альказар — это военное училище, построенное на скале, примыкающей к городу, подвалы его находятся в самой толще этой скалы — это обстоятельство, конечно, спасло гарнизон Альказара в тяжелые дни обороны, так как, пробивая стены самого здания, красные снаряды ничего не могли поделать со скалой.

Я буду очень краток в описании истории обороны Альказара: в период Гражданской войны в Испании случайный гарнизон этого, теперь героического здания, состоял из полутора тысяч мужчин, в числе которых было очень мало кадет (по нашему юнкеров) военного училища, и пятисот женщин и детей. Женщины не вышли из окруженного красными здания в дни его осады, несмотря на международные гарантии их безопасности. Эти две тысячи человек были заперты в здании училища превосходными силами красных. Осада и оборона продолжались семьдесят два дня... 27-го сентября 1936 года белые испанцы 8-й дивизии разбили занимавших г. Толедо красных и освободили Альказар...

Альказар — высокое розоватое здание (вернее — остатки здания) в шесть этажей, на скале, примыкающей к городу. Два фасада здания выходят на город, два смотрят в поле и имеют, если не обстрел, то обзор почти что безграничный. Насколько можно судить при взгляде на оставшиеся руины — здание по архитектуре красивое, фасад с колоннами, красивый въезд, внутри почетный двор с аркадами и памятником, каким-то чудом уцелевшим при общем разгроме. Разрушения более чем основательные... они не исправляются снаружи. Мне говорили, что существует проект увековечения подвига героев Альказара — не исправлять повреждений и оставить здание в его теперешнем виде, чтобы каждый, кто увидит Альказар, сам мог бы сразу понять, что тут происходило в памятные дни обороны его в 1936 году.

Теперь в руинах Альказара, внутри немного приведенных в порядок, музей, который обслуживается его бывшими защитниками. В стенах здания все то, что часто можно видеть в стенах исторических зданий и военных музеев — там и показательные комнаты, где собрано все, что характеризует трудности положения обороняющихся, до собрания портретов 124 убитых героев обороны, включительно. Там есть и большее: в центре здания Пантеон, в стенах которого замурованы останки погибших и в центре которого оставлено место для погребения главного героя обороны, ныне здравствующего коменданта Альказара, генерала Москардо, в дни обороны — полковника.

Это все интересно, все поучительно, порой даже и трогательно, как например «внемузейная» собственноручная надпись на стене одного из подвальных казематов Альказара, участника обороны, свидетельствующего о том, что на этом месте в дни обороны... родился его первенец — сын. Все это конечно производит впечатление, но это не главное и это, вероятно, возможно увидеть не только в стенах Альказара.

Но есть там еще одно воспоминание и на нем я хочу остановиться несколько дольше.

Обходя уцелевшие (а кое-где и восстановленные), комнаты военного училища — мы попали в довольно просторное помещение, на стене которого висят два больших портрета, написанных масляными красками — портрет старого испанского полковника и портрет совсем молодого человека в полуспортивном костюме. Под каждым из этих портретов небольшой столик с телефонным аппаратом, а между портретами большая мраморная доска с испанской надписью на ней. Великий Князь, в своем бесконечном внимании, — сразу же увидел мой интерес к тому, что, повидимому, было центром всего музея и сам, бегло читая прямо по-русски, испанскую надпись на доске, перевел мне ее содержание.

Всего несколько строк, но как много говорят они...

«Толедский Альказар.

Телефонный разговор, имевший место 23-го июля 1936 года, между полковником Москардо из Альказара со своим сыном и начальником милиции г. Толедо, говорившим из помещения Губернского Управления.

Начальник милиции. — В истреблении людей и творящихся преступлениях виноваты вы. Я требую, чтобы в течение десяти минут Альказар сдался; в противном случае расстреляю вашего сына Луиса, находящегося здесь, в моей власти.

Полковник Москардо. — Верю.

Начальник милиции. — Чтобы вы убедились, что это правда, ваш сын подойдет к аппарату.

Луис Москардо. — Папа!

Полковник Москардо. — Что сын мой?

Луис Москардо. — Ничего, говорят, что меня расстреляют, если Альказар не сдастся.

Полковник Москардо. — Тогда вручи свою душу Богу, крикни «да здравствует Испания» и умри как патриот.

Луис Москардо. — Целую тебя папа.

Полковник Москардо. — И я крепко тебя целую сын мой. (Обращаясь к начальнику милиции): — Можете съэкономить время, данное мне, потому что Альказар никогда не сдастся.

Через несколько дней Луис Москардо был расстрелян».

Вот и все... Телефонные аппараты на столиках под портретами — это именно те телефоны, которыми пользовались отец и сын Москардо...

На меня это все произвело впечатление потрясающее!

Конечно, комендант Альказара, испанский старый офицер, не мог сдать своей импровизированной крепости, это несомненно... для этого нужно было быть только честным офицером... но для того, чтобы остаться жить после этого разговора и после завершения обороны — надо быть героем. Как надо, конечно, быть героем, чтобы в юном возрасте ответить отцу так просто, как ответил молодой Москардо...

Это все так! И слава испанцам, что среди них были такие отец и сын. Имеет право на жизнь нация, которая вырастила таких сынов!

Все остальное было для меня уже только подробностями — впечатление от прочитанного мне Великим Князем разговора, как я и отметил, было для меня ошеломляющим, хотя кое-что об этом историческом разговоре я, конечно, слышал и раньше... Но тут, на том самом месте, перед «их» портретами, перед теми самыми телефонами... От этой «романтики» в моем характере я освобождаться не хочу и наличие ее в наш слишком трезвый век, не заставляет меня краснеть. Достаточно быть военным, чтобы понять значение для национальной Испании этого разговора...

Но почему же в нашем сборнике я вспомнил этот исторический подвиг испанских белых?

Героический эпизод в Альказаре, мною так кратко описанный — происходил в 1936 году, то есть через девятнадцать лет после окончания 1-й Мировой войны и через шестнадцать лет после завершения Гражданской войны в России. Европа уже кое-что начинала понимать и потому Гражданская война в Испании привлекала к себе внимание не только военных кругов всего мира. Большевики, конечно, помогали испанским красным, немцы в рядах белых испанцев умудрились устроить военную школу для германских офицеров и солдат, так сказать — на поле сражения! Если не весь мир, то во всяком случае «вся Европа» с затаенным дыханием и неослабным вниманием следила за всеми перипитиями Гражданской войны в Испании и в частности за героикой Альказара...

А что было у нас в тяжелые годы Гражданской войны 1917—1920 годы!? Кто интересовался нами? Кто, даже и не с напряженным вниманием, а просто с каким-то небольшим интересом следил за перипитиями наших белых боевых фронтов, за нашими «Альказарами»? Кто? Ллойд Джордж, смехотворно увековечивший пресловутого «генерала Харькова»? И кто еще?

А между тем линия русских «Альказаров» проходила по всем окраинам России: через весь юг страны от Каспийского моря до границ Польши. От Восточной Пруссии — до подступов к Петербургу. От Мурманска до р.р. Ижмы и Цыльмы. От Урала до Владивостока... без конца, без края шли эти линии героической борьбы за Родину, борьбы за ее честь, борьбы за право будущему историку сказать, что не все в России подчинилось красному хаму... Если мне возразят, что на русских белых фронтах не было 72-дневной обороны Альказара, не было исторического разговора, подобного разговору отца и сына Москардо, то никто и никогда не опровергнет мне героизма адмирала Колчака, по преданию лично подавшего команду расстреливавшему его матросскому взводу, никто не забудет генерала Каппеля, замерзшего среди своих солдат, никто не забудет того, что генерал Корнилов оставил в Ростове на произвол красных свою жену, сына и дочь, которых он так никогда более не увидел, а они увидели только его бывшую могилу, из которой красная чернь выкопала его прах и развеяла последний по улицам Екатеринодара; никто не имеет права забыть замерзающие остатки армии генерала Миллера, в лютый мороз начавшие поход на

Мурманск, которого они так никогда и не достигли. А все те, кто погиб в неотапливаемых и замерзших остановившихся поездах при великом отходе Восточного фронта Белой борьбы...

А все те безвестные герои добровольческих полков (добровольческих — не надо этого забывать), которые гибли за идею возрождения России ,с величайшим трудом и опасностями достигнув белых фронтов? Кто посмеет забыть мальчиков-кадет, прибавляющих себе годы, чтобы быть принятыми в ряды армий юга России!?

Это все наши русские «Москардо», это все герои наших русских «Альказаров». И слава России, что у нее были и есть такие сыны! Имеет право на жизнь нация, которая в числе своих сынов — имела белых бойцов... Их заветы, заветы погибших, мы хранить должны и должны их сохранить и донести до освобожденной России!

Носителем же этих заветов является наш Русский Обще-Воинский Союз!

«Русский Вестник», 1, 1951.

Полковник Москардо непосредственно после обороны Альказара был произведен в генералы и получил титул «графа» — Conde de Alcasar de Toledo».

Он скончался в 1955 г. и был погребен в самом Альказаре, среди своих соратников, павших при обороне, на том месте, которое было для него приготовлено заранее. После его смерти он был произведен в чин «Capitan General», то-есть фельдмаршала.

1959.

АНАБАЗИС

В 407 году до Р. Х., по южному отрогу Кавказского хребта, обманутый персидским сатрапом небольшой греческий отряд предпочел невероятный, по современным тогда условіям, поход позору сдачи торжествующему победителю и, выбрав себе начальника, взамен старого, предательски умерщвленного коварным врагом, решился на героическое средство — отход из долины р. Тигра к южному берегу Черного моря, которого и достиг, совершив незабываемый в истории и описанный в Анабазисе поход, сделав в 122 перехода 2.500 верст!

Путь отряда, его задача, по современному ему состоянию военного искусства, были тяжелы и невероятны; но установив в отряде начала строгой дисциплины и порядка, преодолевая естественные препятствия, пробивая себе решительным натиском путь сквозь ряды сильнейшего врага, Ксенофонт, стоявший во главе отряда, достиг желанного берега, куда привел из 13.000 воинов — 8.600, т. е. понеся значительные потери. Отступление небольшого отряда стало его вечным триумфом. Материальная неудача сменилась победой бессмертного духа!

Судьба, даровавшая нам незавидную долю — жить в наиболее трудное время, спустя двадцать три с четвертью века после похода талантливого грека, сделала нас свидетелями повторения подвига, поразившего древний мир, подвига, совершенного в той же части земного шара, но уже по другую сторону Кавказского хребта, подвига духа, имеющего в наше время общего морального падения увеличившееся значение.

22-го февраля 1918 года небольшой отряд Добровольческой армии генерала Корнилова, бежавшего на Дон из Быховской тюрьмы, которая, при благосклонном участии красы и гордости русской революции — пьяных матросских банд, грозила сделаться его могилой, в виду разложения на Дону и угрозе большевизма, как внешнего, так и внутреннего, принужден был оставить негостеприимную область Войска Донского и перенести базу для формирования своего на Кубань, чтобы оттуда добиваться спасения Родины из грязных рук обезумевших большевиков.

Печальное эхо трагического выстрела атамана Каледина, павшего жертвой непостоянства казаков, было последним прости, сказанным Доном кучке добровольцев!

Сведения о настроении Кубанской области в пользу Добровольческой армии оказались преувеличенными и движение крошечного отряда проходило в беспримерных условиях, живо напоминавших поход отряда славного грека.

Крайне тяжело отзывалось совершенное отсутствие снабжения боевыми припасами и техническими средствами, столь необходимыми в условиях современной войны.

Единственным шансом на успех был здоровый дух армии!

Целью движения было достижение Екатеринодара и соединение там с правительственными кубанскими войсками Покровского, представлявшими собою небольшой, здоровый оазис среди пораженной большевизмом области.

Сбивая на своем страдном пути сопротивление превосходных сил большевиков, маленькая Добровольческая армия генерала Корнилова, действовавшая по указаниям находившегося при армии генерала Алексеева, сломила у сл. Сред. Егорлыкской сопротивление забывшей долг и родину 39-ой пехотной дивизии, разбила 6.000-й отряд большевиков у ст. Березанской и у ст. Кореневской была задержана громадным скоплением большевицких сил, достигавших нескольких десятков тысяч.

Не задумываясь над численным превосходством противника, Корнилов и здесь преодолевает его сопротивление; но вслед за радостной вестью о победе своей армии, он получает тяжелое сведение о том, что вся Кубанская область охвачена пламенем большевизма и Екатеринодар, место намеченного соединения с Покровским, перешел в руки врага!

Создавшаяся обстановка и появление частей Покровского в районе ст. Калужской, на южном берегу р. Кубани, заставляют Корнилова отказаться от первоначального решения идти прямо на Екатеринодар. После ряда арьергардных боев от ст. Кореневской до ст. Усть-Лабинской, он рвет соприкосновение с преследующим его противником, переправляется через р. Кубань и, пробившись от ст. Некрасовской до ст. Рязанской сквозь большевицкие массы «иногороднего» населения, сменившего казаков, в 18 верстах от Екатеринодара, в ауле Шенджий соединяется, наконец, с частями Покровского.

Приведя в порядок измученную армию, усилившуюся влившимися в нее кубанскими частями, Корнилов решает иным путем добиться цели своего движения, и после искусного маневра, вновь переправившись на северный берег Кубани, атакует Екатеринодар с северо-запада, не останавливаясь перед тем, что большевики сосредоточили в городе многотысячный отряд, снабженный сильной артиллерией, действовавшей против четырнадцати пушек Добровольческой армии.

Но сила солому ломит! Несмотря на высокий моральный подъем и отчаянные усилия Добровольческой армии, ей не удается вырвать обладание центром края из рук врага, силы ее тают в неравном бою и победа, в первый раз за все время, начинает склоняться на сторону большевиков.

А 13-го апреля большевицкая граната на смерть поражает генерала Корнилова, лично руководившего боем своей армии, и Добровольческая армия теряет своего вождя.

Армия теряет в самый критический момент своего начальника, теряет «человека огромной личной храбрости, твердой воли и беззаветного служения поруганной Родине». Моральное состояние армии, перенесшей тяжелый поход, неудачу последнего боя и смерть любимого вождя, временно падает, и сменивший генерала Корнилова, его единомышленник и сподвижник, генерал Деникин, приняв командование армией и видя невозможность и бесцельность дальнейшего пребывания Добровольческой армии на Кубани, поворачивает ее на север, обратно к исходному положению.

В тяжелом нравственном состоянии отошли добровольцы от Екатеринодара, неся тело своего генерала. Своими руками похоронили они его,

а потом, как раненый зверь, кинулись на противника и у ст. Медведковской вновь нанесли ему сильный удар.

Перейдя несколько раз линию железной дороги, что при наличии следовавшего при армии 13-тиверстного обоза было операцией чрезвычайно трудной и опасной, добывая себе снаряды и патроны у своего же противника ценою крови, Армия вновь пришла в район к юго-востоку от Ростова, где, ко 2-му мая, закончила поход, сделав в 80 дней более 1.300 верст и вывезя с собой почти всех своих раненых, число которых порой доходило до 1.500.

История повторяется! Потеряв своего Главнокомандующего, умерщвленного коварным сатрапом большевизма, кучка русских офицеров и будущих офицеров — кадет и юнкеров — не пожелала сдаться на милость большевицких вождей и, выбрав себе, в лице генерала Деникина, нового вождя, установив начала дисциплины и порядка, смело пошла за ним по тернистому и тяжелому пути восстановления величия и славы поруганной России.

Преодолев все трудности пути, преодолев сопротивление сильнейшего врага, слабая числом, но сильная духом Добровольческая армия зажгла огонь восстания против захватившего власть большевизма, не только в Кубанской области, но и в области Войска Донского, разложение которого за три месяца до того и было причиной похода.

. . . .

Хочется верить, что не пропадет даром победа бессмертного духа в беспримерном походе маленькой Армии!

. . . .

Так писал я когда-то в одной из газет оккупированной германскими войсками гетманской Украины, как только докатилась до нас весть о подвиге Добровольческой армии.

Много безграничных разочарований выпало с тех пор на долю добровольцев русского государственного возрождения, много грустных минут пережили они на равнинах южной России, в Крыму, на северо-западной и холодной северной окраинах страны и в беспредельных пространствах Сибири, шаг за шагом отходя перед лицом торжествующего зла; горькую чашу отчуждения пьют они теперь, расбросанные по всему лицу негостеприимного мира!

Но жив их дух, не удалось врагу сломить его, и сейчас, как и тогда, глубоко убежден я, что «не пропадет даром победа бессмертного духа», не пропадет даром жертвенный подвиг людей, которые не захотели подчиниться насилию и, с оружием в руках восстав против него, доказывают до сего времени ослепленному миру, что не все в России преклонилось перед захватчиками власти и что есть у нее люди, которые никогда не примирятся с существующим положением и не прекратят начатой ими борьбы с поработителями Родины!

И верю я, что не может несомая ими идея возрождения Родины не восторжествовать над олицетворением мирового зла и доживем мы до счастливого момента возрождения нашей великой страны!

Сборник «В память 1-го Кубанского похода», 1926 г.

ДВА ГЕНЕРАЛА

В огне мирового костра, который в 1939 году был зажжен преступной рукой диктатора Германии Адольфа Хитлера, сгорело немало человеческих жизней... погибли миллионы людей. Одни заплатили дорогой ценой за свою любовь к родине, другие расплачивались за свои вольные и невольные заблуждения. Но были и такие, которые были «виноваты» и в том и другом! Их было тоже много. Среди них нас интересует судьба двух русских военных, двух храбрых и доблестных русских людей, двух очень разных по своей жизни и характеру русских генералов, которые одинаково, в одном и том же месте трагически закончили свои дни!

АНДРЕЙ ВЛАСОВ

Он родился в 1900 году в Нижегородской губернии, тринадцатым в семье зажиточного крестьянина. Отец его был отставным унтер-офицером. Сам он ко времени революции был юным учеником семинарии. Увлеченный волнами революции он, конечно, не успел закончить своего образования, совершенно забыл о церкви, служению которой он готовился посвятить свои дни и ушел в Красную армию, армию революции, которая ранее всего стремилась завоевать Россию. Он был «красным».

Он имел успех. Пройдя начало военной службы на полях Гражданской войны в России в 1917—20 годах, он потом уже получил военное образование. Успешно прошел сложный служебный стаж новой русской революционной армии; пользуясь доверием своего начальства был одно время представителем Красной Армии в Китае и ко времени Второй Европейской войны 1939—45 года был уже генералом и во главе одной из армий СССР доблестно защищал Москву от наступающих немцев, чем он потом очень гордился. Неудавшийся священник, он стал талантливым генералом и перед ним стояли большие возможности, которых он мог достичь на службе своей родины, если бы не два препятствия, с которыми он на своем жизненном пути встретился. Вторым из этих препятствий был его плен. Первое же он осознал уже в тяжелые и мучительные дни затянувшегося пребывания своего в немецком плену.

Раненым, во главе крупных частей Красной Армии, он попал в руки немцев и находясь в плену, при неожиданном отдыхе и наличии свободного времени для дум и мысленного изучения своего прошлого, он невольно задумался над только что пережитыми месяцами и с удивлением вспомнил поразившее его в начале войны обстоятельство — его верные солдаты просто не желали драться против «германских насиль-

ников» и, вопреки всем стараньям отдела пропаганды Красной Армии, сдавались наступающим немцам в массах, вызвавших большое волнение у командования советскими армиями.

Анализируя этот несомненный для него и печальный факт, с которым ему приходилось всеми мерами, до расстрелов включительно, бороться в дни обороны им Москвы, генерал Власов, внимательно продумал и проверил все свое прошлое и, как сын своего отца, сын русского крестьянина, сын народа — **понял**, что побуждало его сотоварищей-бойцов к сдаче и перебежкам на сторону противника — он увидел и оценил на фоне всего советского режима одну несомненную для него и ему хорошо известную фигуру, проанализировал свое отношение к ней и понял, что в ней таится грозное для России (как он продолжал именовать СССР) будущее, и пришел к заключению, что только уничтожением этой фигуры будет куплено спасение России.

Этой фигурой был для Власова — Иосиф Сталин!

И пережив все, и свои победы под Москвой, и тяготы германского плена, Власов, который, по его собственным словам **все** в жизни получил от советского режима, решил не останавливаться ни перед чем и любой ценой добиться одного — низвержения Сталина и освобождения России от власти этого рокового для страны человека.

Как человек решительный, Власов не остановился перед принятием крупного, но определенного решения — он предложил германскому командованию свои и своих единомышленников силы, для создания «Русской Освободительной Армии», задачей которой была борьба против Сталина и, разумеется, против Красной армии большевиков, поскольку она являлась орудием борьбы в руках ненавистного ему диктатора России.

Понимая сложность создавшегося положения Власов, однако, ставил германскому командованию одно совершенно определенное условие — создаваемая им армия могла быть применена только против большевиков — борьба против тогдашних союзников Москвы американских, британских и французских сил, была для Власова неприемлемой и свое неучастие в этой борьбе он ставил непременным условием своей совместной с германской армией боевой работы.

Немцы хотя и не сразу, но поняли сделанное им Власовым предложение, обсудили его, приняли, дали ему возможность провести в жизнь все предварительные действия для образования новой русской воинской силы и... обманули его!

По всему германскому фронту, и конечно не только на Востоке, на противобольшевистском фронте борьбы, но и на Западе, где германские армии в то время теснили армии союзных держав, германским командованием были как-то внезапно разрешены русские формирования, которые сначала сменили немецких солдат в обслуживании тыла германской армии ,а потом с ходом войны, естественно и неизбежно влились в боевую германскую линию, без всякого внимания к условию, поставленному Власовым!

Чтобы дать ему хоть какое-нибудь удовлетворение, германское командование придумало своеобразный и довольно «простой» выход —

Власову, который получил блестящее назначение «Главнокомандующего Русской Освободительной армией», из всех вновь сформированных русских частей были подчинены только те, что сражались на Восточном фронте, да и то далеко не все. Коротко говоря, примерно из 1.500.000 солдат, носивших особую германскую форму, с нашитым на рукаве щитом с буквами «РОА» (Русская Освободительная армия), никогда более 60.000 солдат не было подчинено Власову. И из этой небольшой горсточки русских, поставленных немцами в свою боевую линию, максимум 20.000 (так называемая первая дивизия) имели вооружение...

Власов обман понял, против него боролся, но успеха конечно не имел. Последнее обстоятельство, то-есть невозможность добиться успеха, он понял довольно поздно, но поняв, тотчас же принял решение, о котором речь будет ниже.

Сначала был создан «Комитет освобождения России», представлявший собою как бы прообраз Власовского правительства, потом создана была Русская Освободительная армия. Зарождение этой и другой организации торжественно, с выступлением представителей Германского правительства, было отпраздновано 14-го ноября 1944 года в залах старого исторического дворца, в высокой части столицы славянской Чехии — Праге.

Хитлер всячески старался использовать предложение Власова, но определенно ему не верил, не верил искренности желания последнего идти рука об руку с немцами, ограничивал Власова в его силах и ждал от него выступлений для немецких интересов губительных. Надо ему отдать справедливость, что в конечном счете он в своих предположениях не ошибся. У Власова был один враг — Сталин и верен он был только одному другу — России!

В связи с потрясениями на германском фронте, в апреле 1945 года, то есть незадолго до окончания войны, Власов получил приказание германского командования, свернуть свою единственную вооруженную Первую дивизию с пути с юга Германии на север, по которому она в тот момент следовала, на восток и вместе с дивизиями СС, с трудом боровшихся против наступавших на Прагу красных дивизий, отстоять этот город, а с ним и так называемый «Протекторат Богемия и Моравия» от захвата его противниками Германии.

Власов стоял перед принятием окончательного решения... состоявший при нем, в качестве ока Германского правительства, СС Грегер, конечно требовал немедленного исполнения полученного приказа. Власов, ненавидевший Грегера, колебался...

И в этот решающий момент радиостанция Русской Освободительной армии приняла призыв... из Москвы! Советское командование обращалось к Власову, напоминало ему, что он славянин и русский и просило его... помочь Красной Армии овладеть Прагой и Протекторатом...

Генерал Власов и его ближайшие сотрудники колебались недолго. Преданность России победила ненависть и вражду к Сталину и Первая дивизия Русской Освободительной армии генерала Власова нанесла решительный и сокрушающий удар защищавшим город дивизиям СС-ов. Последний редюит обороны немцев, старый дворец в высшей точке

города, где так недавно германский почетный караул встречал союзного немцам генерала Власова, был взят штурмом, и это решило судьбы немцев, засевших в Праге...

Бургомистр города Праги торжественно встретил освободителя города, поднеся ему... бронзовый бюст Карла Маркса! Город был покрыт портретами Власова и... Сталина! Чехи не разобрались в изломах симпатий и антипатий военных вождей!...

Закончив дело, отозвавшись на славянский призыв, Власов, однако, понял, что ему пути на родину, к Сталину закрыты и, поняз, опять принял решение — он сдал свою победоносную дивизию и сдался сам, без условий, наступавшим на Прагу с запада американским войскам.

Об его судьбе, также как о судьбах подчиненных ему генералов, в разное время и в разных пунктах Германии, последовавших примеру своего начальника и добровольно сдавшихся американским войскам, долгое время не было никаких сведений. Газеты пестрили всевозможными сообщениями о генерале Власове, то «обивавшем пороги правительственных зданий в Лондоне(?)», то «захваченном с ценными вещами и сопровождавшими его молодыми спутницами, автомобиле с генералом Власовым, пытавшимся перейти швейцарскую границу» и т. д., и т. д.

Дело, однако закончилось много проще — летом 1946 года в советских газетах появилось официальное сообщение советского бюро о том, что генерал Власов и его спутники (всего 11 генералов) повешены в Москве, которую Власов когда-то оборонял против немцев. Казнены позорно, как враги своей Родины!!

**
*

Генерал-лейтенант Андрей Власов, герой Красной Армии, кавалер высшего в этой армии «Ордена Красного знамени», любивший Россию больше самого себя, доверившийся американскому командованию и ставший военнопленным армии Соединенных Штатов, был последними без суда над ним, просто выдан своему заклятому врагу Сталину, вероятно на основании постановления пресловутой конференции в Ялте в 1945 году, когда одним росчерком пера было подписано обязательство выдавать на издевательство и позорную смерть всех советских граждан, которые окажутся после капитуляции Германии на ее территории. Всех граждан, а в особенности тех, кто с оружием в руках сражался в рядах Германской армии. В сущности говоря было проще и во всяком случае гуманнее просто уничтожать этих пленных, не причиняя им лишних страданий. Если это не совсем верно по отношению к рядовой массе, то для высшего командного состава это совершенно несомненно! Вероятно такое решение было бы не демократичным и по каким-то соображениям более демократичным надо считать предварительное пребывание генерала Власова в течение года в советском застенке, условия которого без труда можно себе представить.

Идеи Власова имели в России не мало последователей, его имя стало знакомым для народных масс и было символом протеста против диктатуры Сталина и русский народ несомненно знает о постигшей его судьбе.

ПЕТР КРАСНОВ

По рождению и жизненному пути — полная противоположность генералу Власову. При некоторых общих чертах, совершенно иное политическое лицо — прежде всего генерал Краснов был монархистом и в политической борьбе в России со времени революции 1917 года он был «белым!»

П. Н. Краснов родился в 1870 году. Сын, внук и правнук профессиональных военных. Офицер гвардейского казачьего полка, шефом которого, по старой традиции, всегда был Наследник Российского престола. Донской казак, носивший имя Красновых, имя, которое не раз встречалось на верхах родного ему Донского казачьего войска и украшало страницы истории войска!

В дни войны России против Японии в 1904—05 годах, когда далеко не все полки Русской Императорской армии принимали участие в военных действиях — добровольный военный корреспондент на поле сражения, он уже тогда своими корреспонденциями выделился как незаурядный военный писатель. Командир полка, дивизии и конного корпуса времен войны 1914—18 гг. он был отмечен высшим орденом храбрых Императорской Российской армиии — орденом Святого Георгия!

После революции 1917 года, неутомимый организатор сопротивления родных ему казаков на юге России, против захвативших власть в центре страны коммунистов. Атаман Донского казачьего войска, выборный глава пятимиллионного народа. Талантливый организатор послереволюционной Донской армии, он с 1917 по 1920 год боролся против Красной Армии большевиков.

У генерала Краснова был один враг — большевики и верен он был всегда только одной идее — родному Донскому казачьему войску в составе возрожденной Российской Империи! И в стремлении достичь в этом направлении поставленных им, в связи с русскими генералами, руководившими на Юге России белыми армиями, задач, он напрягал все свои усилия, вкладывал военные и административные знания, которыми он обладал как человек, имевший высшее военное академическое образование еще в старой Императорской России. Словом вложил в дело всю свою недюжинную натуру.

Несмотря на все напряжение белые армии в 1917—1920 гг. не победили. В то время как все эти армии действовали на окраинах России, большевики успели сформировать Красную Армию революции и опираясь на запасы продовольствия, снаряжения, обмундирования и на бесконечные запасы вооружения старой России, добились успеха и принудили белых покинуть пределы России. Покинул Россию и генерал Краснов и уже в эмиграции, получив неожиданный для себя отдых от всей той напряженной работы, которую ему пришлось вынести на сво-

их плечах в годы борьбы на юге России, развернул свой литературный талант и, разумеется, направил его так же как и всю свою деятельность — по старому руслу — на борьбу с большевиками, уже не силой оружия, не формированием казачьих полков, а силою слова и своим умением облечь это слово в красивые формы. Его многочисленные литературные труды, созданные в период его жизни в эмиграции, сначала в Германии, потом во Франции и затем опять в Германии, представляли собою романы, отчасти исторического характера, но более всего — они давали яркую картину пришествия к власти и хозяйничанья в России коммунистической партии. В этих романах большевистские вожди всегда могли найти самих себя, конечно, находили и разумеется этими откровениями довольны не были [1]).

Война 1939—45 гг. застала генерала Краснова в Германии, где он под Берлином, в небольшой квартирке в чужой вилле жил очень скромной жизнью, возможность которой обеспечивали ему его литературные заработки и продолжал свою работу и далее. Его квартира скоро стала местом сосредоточения мыслей и устремлений право настроенной части русской эмиграции и это, конечно, не прошло незамеченным для внимательно следивших за жизнью русской эмиграции советских вольных и невольных агентов.

Стремясь к освобождению родного казачьего войска и всей России от много лет терзавших ее коммунистов, генерал Краснов сделал ту же ошибку, которая оказалась роковой для генерала Власова — он связался с германским командованием и предложил ему организовать казачьи формирования для борьбы на Восточном фронте! Совершенно независимо от генерала Власова, генерал Краснов пришел к тому же, для русской эмиграции естественному решению, что он и русские военные формирования, к которым он имеет или будет иметь то или иное отношение — должны бороться только против большевиков и не вмешиваться ни в какой форме в столкновения Западных держав и США с Германией. Поскольку такое решение возможно было провести в жизнь — это конечно иной вопрос и пример генерала Власова говорит о том, что это попросту было невозможно в силу того, что германская власть этой точки зрения, конечно, не разделяла.

Что касается юридической стороны вопроса, то генерал Краснов, который никогда не был, подобно генералу Власову — советским подданным, а кроме того, как и большинство русской старой эмиграции декретом Советского Правительства от 15-го декабря 1921 года, был навсегда лишен подданства бывшей России — конечно, мог во время войны располагать собою согласно своих взглядов и не быть при этом обвиненным в действиях против родины, которой он велением большевиков был окончательно лишен!

Конец войны и капитуляция Германской армии в мае 1945 года застали генерала Краснова с его сотрудниками, в центре казачьих формирований Германской армии, который был расположен в окрестностях

---

[1]) Наиболее ярким из этих романов была четырехтомная монография под заглавием: «От Двуглавого орла к красному знамени». Этот роман был переведен почти на все европейские языки.

г. Триеста в Северной Италии в южном районе наступления частей Британской армии, во главе которых стоял британский фельдмаршал Александер, по счастью, как тогда могло казаться, человек по своему прошлому хорошо знавший русских белых, их идеи, стремления и отношения к красным большевикам, еще по периоду действий белых армий в Прибалтике в 1917—1920 гг., в то время, когда теперешний фельдмаршал был молодым английским офицером и имел непосредственную связь с русскими формированиями в этом районе. Между прочим связь эту фельдмаршал Александер возобновил и в 1945 году!

Генерал Краснов, возглавляемый им казачий центр в Триесте и подчиненные этому центру казачьи части, находившиеся в составе Германской армии, приняв на себя наступающие британские части — сдались им, не оказывая им никакого сопротивления. Таким образом генерал Краснов, его ближайшее окружение и самые полки — оказались в положении военнопленных британской армии.

Взаимоотношения между казачьим и британским командованием сначала не оставляли желать ничего лучшего и поэтому генералу Краснову казалось естественным то обстоятельство, что он смог вести с англичанами переговоры о дальнейшей судьбе казаков и что переговоры эти постепенно дошли до той стадии, когда надо было решать уже вопрос не более, не менее, как о переходе казаков на службу Англии! В уверенности, что британское командование играет с казаками, как честный противник — честную игру, генерал Краснов и подчиненные ему генералы в мае 1945 года приняли приглашение англичан и на английских грузовиках, отправились для переговоров на назначенную британским командованием «конференцию». Разумеется, казаки верили военной чести своего противника и отправились не ожидая того, что их постигло немедленно по прибытии на место, где должна была состояться конференция — и где их, вместо представителей британского командования ожидали представители советской власти, объявившие прибывших уже не британскими, а советскими военнопленными![1]).

Естественно, что советское командование немедленно препроводило выданных ему генералов в СССР, где они все, после почти полуторагодового издевательства в советских тюрьмах, предстали перед военным судом Красной армии, разумеется приговорившим их к смертной казни за «измену родине» и генерал Краснов, со своими спутниками,

---

1) Не лишним представляется отметить, что одновременно с генералом Красновым, британским командованием был выдан советскому командованию казачий генерал Андрей Шкуро, который в период борьбы белых против красных на юге России в 1917-20 г. г. был Английским Королем награжден высоким английским боевым орденом «Георгия и Михаила» именно за боевые подвиги, оказанные им в этой борьбе. Имеются все основания считать, что этот высокий английский орден был в момент предательства англичан н а д е т на груди генерала. Неизвестно только, догадались ли британские военные власти с н я т ь его с груди, ранее того, чтобы передать белого русского генерала в руки его красных врагов, награду, данную английским королем именно за борьбу против тех, в руки которых предавали генерала Шкуро подданные этого короля!!

так же, как за полгода до него генерал Власов с 11-ю сопутствующими ему генералами, был повешен в Москве в январе 1947 г., оставив после себя в эмиграции свою престарелую жену-друга и ангела хранителя, которая всегда и всеми силами ограждала его творчество от вторжений и посягательств на его время толпы интересующихся им соотечественников. Несчастная женщина так и осталась ожидать, что ее муж «вернется с конференции, на которую он был приглашен британским командованием...» Нашлись люди, которые приняли в ней участие и дали ей, старой и одинокой, приют и ласку, которая конечно не заменила ей погибшего мужа, с которым она прожила более полстолетия!

**
*

Генерал от кавалерии Петр Краснов, герой Российской Императорской армии и противокоммунистической армии Белой, кавалер высшего в этих армиях ордена храбрых «Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия», любивший родное Донское войско и Россию больше самого себя, доверившийся британскому военному командованию и ставший военнопленным Королевской армии Англии, был без суда над ним просто выдан своим заклятым врагам — русским большевикам, без какой-либо возможности для англичан, ссылаться на какую бы то ни было конференцию, вроде конференции в Ялте! В сущности говоря было бы проще и во всяком случае гуманнее просто уничтожить 77-летнего героя, не причиняя ему излишних страданий. Может быть и в данном случае принятое решение считалось бы не демократичным и потому фельдмаршал Александер, которому вероятно пришлось в том или ином виде санкционировать сомнительное решение своих подчиненных, предпочел не изменять этого решения и просто умыть руки, закрывая глаза на то, к каким результатам это приведет!

Идеи исповедуемые генералом Красновым имеют в России также не мало последователей и имя его также для многих было символом протеста против диктатуры большевиков-коммунистов — русский народ несомненно уже знает о постигшей его судьбе.

Выдача генералов Власова и Краснова надолго останется темным пятном на знаменах, допустивших эту жестокость — армии, как бы победоносны и как бы высоко не были подняты эти знамена!

«Часовой», 277, 1948.

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

А. Фет.

Новая книга, ставшего всем столь известным и близким, Григория Валерьяновича Месняева, неизменного сотрудника многих эмигрантских национально-патриотических изданий «За гранью прошлых дней», вышедшая в свет в далекой Аргентине, доплыла, наконец, и до Европы. Ее содержание — избранные статьи Г. В. Месняева. Повидимому, избранные им самим из очень большого числа им написанных. Вероятно из тех, которые писатель считает своими «любимыми» или же себе наиболее близкими.

Название книги взято из стихотворения также близкого автору поэта-офицера Фета. Ему и посвящена первая статья цитируемого Сборника.

Фету посвящает автор искренние и хорошие слова, восстанавливая в нашей памяти этого, все же не так близко нам знакомого поэта. Его он вспоминает добрым словом... Но искренняя оценка и даже, быть может, преклонение отдается им другому поэту, которого сам Г. В. Месняев рекомендует своим читателям, как «Околдованного витязя» или как «Князя Серебряного». Это граф Алексей Константинович Толстой, прекрасную характеристику которого дает автор.

И правда же, Алексей Константинович Толстой ближе всех заслуживает ту характеристику, которую каждый из нас знает по тому периоду, когда «Князем Серебряным» увлекался каждый из нас. Чистый, благородный, храбрый, русский прежде всего — граф Алексей Толстой воплотил все эти качества в герое так памятного нам всем романа...

Ведь все мы читали и увлекались и поэзией и прозой графа А. Толстого. Баловень судьбы, носящий старое русское имя, красивый, близкий с детства друг Наследника Цесаревича Александра Николаевича, будущего Царя Освободителя Императора Александра II-го, граф Алексей Константинович мог сделать то, что называлось «блестящей карьерой». Любимец Царя («Любим калифом Иоанн»), человек, которого баловала много пережившая личного горя Государыня Императрица Мария Александровна, безотказная слушательница всех произведений поэта («К Твоим, Царица, я ногам, несу и радость и печали...»). Толстой отказывается от того, что называется блеском жизни и стремится остаться только поэтом («О отпусти меня калиф, дозволь дышать и петь

на воле...»). И «калиф» — Император Александр, понял своего друга и отказался видеть его министром и Императорского Двора и Народного Просвещения и... сделав его Егермейстером, в сущности говоря, «отпустил его на волю»...

Г. В. Месняев любит Толстого. В своей статье он переживает вместе с автором трудности постановки первой пьесы из трилогии, созданной графом. Постановки «Смерть Иоанна Грозного». Еще больше переживает он предсмертную неудачу Толстого, который узнает, что следующая, вторая часть трилогии, «Царь Федор Иоаннович», несмотря на все «связи» Толстого, на сцене поставлена не будет... Похоже на то, что эта печальная уверенность сократила дни графа Толстого, который скончался на 57-ом году жизни от быстро прогрессировавшей болезни сердца...

Толстой скончался в 1875 году. Он тогда не знал, что менее чем через четверть столетия его трилогия будет поставлена на сцене целиком и еще более увеличит обаяние его имени. Это уже нашему поколению стало известным, что постановка в Петербурге в «Суворинском» театре «Царя Федора Иоанновича», выдержит у холодной петербургской публики более ста рядовых спектаклей, и что роль Царя Федора Иоанновича создаст из небольшого актера Орленева большую артистическую величину, а Орленев, воплотившийся в исполняемую им роль, увековечит своеобразную натуру Царя!

Малый размер, который отводится газетой отзыву о вышедшей книге, заставляет меня отойти от статьи о графе Толстом и совсем не остановиться на его исключительно талантливой «кузьмыпрутковщине», с которой сказать можно так много.

Центральной статьей нового сборника надо считать, конечно, статью «Кадетские годы. 1902-1909». Это семилетний период, проведенный автором в стенах Орловского-Бахтина Кадетского корпуса. Много памяти, благодарности и любви сохранил Г. В. Месняев по отношению к родному корпусу. Много точности и справедливости в его оценках.

Я сам «кадет» и мой кадетский период кончился на том годе, с которого началось кадетство Г. В. Месняева. Многое, если даже не все так знакомо в точном изложении автором своих кадетских лет. Многое, если даже и не все — совершенно одинаково и для Орловского-Бахтина Кадетского корпуса, расположенного в провинциальном городе в центре России и для «моего» корпуса, которому судьба предоставила громадный меньшиковский дворец на севере страны. Но и в специально построенном на частные средства полковника Бахтина четырехэтажном доме в Орле и в залах старого дворца жизнь протекала совершенно одинаково, рознясь только в пустяках. Кто и когда установил это единство и как это удалось сделать при том условии, что кадетские корпуса пережили временное превращение в «Военные гимназии». — времен министерства Милютина, — сказать трудно. Но жизнь кадетских корпусов была е д и н а. Даже до таких мелочей, как куплет, «Звериады» посвященный (и притом совершенно несправедливо) деятельности кадетских экономов... Такое единство было бы понятным во время умного, ласкового и культурного руководства кадетскими кор-

пусами Великого Князя Константина Константиновича, но если автор переживал это руководство все семь лет, то я лично знал это управление «кадетским миром» Великого Князя только два последних года моего пребывания в корпусе.

С большой справедливостью дает Г. В. Месняев характеристики своих воспитателей и преподавателей, к которым в подавляющем большинстве случаев относится очень положительно. И правда, как не сохранить благодарного чувства к нашим воспитателям (в мое время еще и курсов для подготовки воспитателей не существовало), которых мы в наше кадетское время попросту мучили, мучили с невероятною детской жестокостью. Как ни оценить их деятельности потом, когда мы стали взрослыми и могли многое понять и оценить.

В этом отношении полной противоположностью Г. В. Месняеву был покойный пламенный «кадет» полковник Приходькин, который свои кадетские симпатии воплотил в «кадете Изводникове». Да, изводили мы наших воспитателей много, долго и, увы, далеко несправедливо. Ведь надо же признать, что в тяжелую Российскую годину наши старые кадетские корпуса суровый экзамен выдержали полностью и с большим успехом. Кто, как ни бывшие кадеты заполнили собою все противобольшевицкие формирования гражданской войны в России и кто их них не шел смело на мучения во имя Родины. Откуда это сознание долга и кто заложил их в бывших кадетах. Ведь это сделали именно те воспитатели, которых мы «изводили» и над которыми не уставали смеяться...

В связи с этим интересно отметить то, что Г. В. Месняев считает «обидой» для кадет его времени — это произвольное присвоение политической конституционно-демократической партией себе наименования «кадеты». И, конечно, было на что «обидеться» — политика в кадетских корпусах никогда значения не имела. Как совершенно правильно отмечает Г. В. Месняев, наша «политика», которую нам всем дали наши корпуса, была служба Вере, Царю и Отечеству... И даже немного не в том порядке — раньше всего России!

В связи с этой «обидой» за узурпацию кадетского имени, интересно вспомнить и дальнейшие попытки политической партии К.-Д. в том-же направлении. Известно из многих воспоминаний и мемуаров, что в период гражданской войны в России «красные» называли «белых» «кадетами» (Тикай, ребята, кадетня прет). Это многие были также склонны объяснять якобы политическим руководством «К.-Д.» в белых рядах. Это совсем и решительно не так... В гражданской войне в России белые ряды всюду раньше всего заполнялись молодежью, и молодежью учащейся. И мальчики-кадеты, с самого начала гражданской войны, заполняли ряды белых, с трудом пробиваясь сквозь красные кордоны в белые ряды. Нередко там они сознательно увеличивали свои годы, чтобы их приняли в боевые ряды. Нередко и в пути, и потом, в передовых цепях белых они сохраняли свои кадетские мундирчики и умирали героями, верные тем цветным кусочкам сукна (как это определили бы «политики»), которые были для этих мальчиков-героев олицетворением Родины и своей верности ей. И настолько это

было ярко, что далеко не склонные к сантиментальности красноармейцы или матросы, пораженные храбростью этих полудетей, сохранили для истории России за белыми наименование «кадеты».

Я чувствую, что слова Г. В. Месняева о его родном кадетском корпусе увлекли меня далеко. Думаю, что также они не только увлекут каждого бывшего кадета, но и живо заинтересуют каждого читателя сборника и дадут новой книге вполне заслуженный ею успех.

Я не буду останавливаться на остальных статьях сборника — в них воспоминания о жизни в СССР, об оккупации России немцами и первые дни пребывания автора на чужбине. Каждый, кто поверит моей «рецензии», прочтет книгу Г. В. Месняева и оценит их уже сам.

Я лично имел удовольствие встретиться с Г. В. Месняевым вскоре после его появления в рядах белой эмиграции после второй Мировой войны. Эвакуация белых с фронтов гражданской войны в России не дала ему возможность покинуть страну в 1920 году. Ему пришлось в течение четверти века оставаться в СССР и тяжко переживать условия «плена» у красных. И поразительно, ни одно слово Месняева, ни одна строка в его многочисленных статьях не дает основания даже и подумать, что именно так сложилась его личная судьба. Н и ч т о советское к нему не прилипло, ничего (кроме того, что он добросовестно наблюдал за эти годы) не осталось на нем. Всеми своими переживаниями, всеми помыслами автор сборника — б е л ы й!

И дай ему Бог успеха. Радостно, что в невероятно трудных условиях современного книжного рынка удалось выпустить первую книгу его статей, потому что, как бы талантливо ни были написаны статьи, при условии появления их в газетах (и журналах), они подобны однодневкам-мотылькам, и спасти их от забвения может т о л ь к о к н и г а!

«Русское Воскресение», 107, 1958.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ РАПОРТ

В марте 1917 года, все мы частично переживали и при том очень горячо, события тогдашнего времени, связанные с «бескровной» февральской революцией, находясь на фронте и притом в самом диком его участке в Прикарпатском районе. Частично же, а в особенности наше начальство, до которого уже доходили слухи о предстоящих переменах среди высшего командного состава при «Гучковской» реформе, положительно растерялись, — я лично, будучи штаб-офицером генерального штаба в штабе XVIII-го армейского корпуса, временно исполнял должность начальника штаба корпуса, так как прежний начальник штаба генерал граф С. Н. Каменский получил высшее назначение, а вновь назначенный генерал Э. А. Верцинский еще в штаб не приехал.

Нашим соседом справа был XI-й армейский корпус и в частности 32-ая пехотная дивизия. В последней, повидимому, растерянности не было, так как в первой половине марта я получил из штаба этой дивизии некоторое количество экземпляров рапорта начальника этой дивизии, адресованного, не в порядке подчиненности, прямо Командующему VIII-ой армией, генералу Каледину, и копии командиру XI-го армейского корпуса генералу графу Баранцеву.

Этот рапорт был совершенно необычным. Изложенный на бланке начальника 32-ой пехотной дивизии, датированный «Действующей армией», и подписанный 9-го марта 1917 г. (№ 20-й), он был подписан не только начальником дивизии генерал-лейтенантом Поповым и его начальником штаба генерал-майором Белоусовым, но и старшими начальниками: командирами пехотных полков дивизии 125 Курского, 126 Рыльского, 127 Путивльского и 128 Старооскольского и 32-й артиллерийской бригады. Такой порядок подписания рапорта начальника дивизии, помимо направления его не «по команде», был тоже нарушением законного порядка. Но в то время, несмотря на то, что революция только что разразилась, это, конечно, хотя и было необычайно, но все же особого удивления не вызвало.

Рапорт генерала Попова говорил о том, что уже наболело у всех настоящих военных сразу же после революции. И потому он, как я потом убедился, вызвал полное сочувствие не только у нас и у тех старших начальников нашего XVIII-го армейского корпуса, которым я разослал копии его, размножив число этих копий, но и вообще он быстро распространился повсюду и всюду имел успех, так как революционный угар Петербурга еще не распространился на наших чинов, несмотря на то, что XVIII-ый корпус имел в Петербурге, где наш штаб стоял в мирное время, не малые корни.

Вот копия этого знаменательного рапорта:
(Оригинал написан по старой орфографии).

Копия.

НАЧАЛЬНИК
32-й
ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

Марта 9 дня 1917 года.
№ 20.
Действующая армия.

В собственные руки.
Командующему VIII-й Армией

Копия: Командиру XI-го армейского корпуса

РАПОРТ.

Манифестом ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, данным 3-го текущего марта, Верховная власть в Государстве передана Временному Правительству, возникшему по почину Государственной Думы.

Объявлен состав Министерства с Председателем Совета Министров Князем Львовым.

Для рассмотрения вопроса по Военному Ведомству оставлен Военный Совет, составленный из высших военных чинов, вполне компетентных в военном деле, глубоких знатоков потребностей духа и жизни нашей армии.

Все важные вопросы, касающиеся армии, рассматривались Военным Советом по представлению Военного Министра и по ВЫСОЧАЙШЕМУ утверждению получали силу закона.

В настоящее время Новое Правительство поставило во главе Военного Ведомства Военного Министра, лицо, если и знакомое с вопросами Военного Ведомства, то лишь исключительно материальными; уклад жизни и потребности морального свойства армии ему чужды, как лицу непричастному к ней.

Казалось бы, что при таком Военном Министре вопросы, касающиеся духовной жизни армии, подлежат рассмотрению исключительно Военным Советом, постановления коего должны быть рассмотрены высшим учреждением — Государственной Думой и только после этого получать силу закона.

При такой постановке дела можно было бы быть покойным за судьбу армии при вновь устанавливаемом режиме в Государстве.

В действительности же вопросы внутреннего уклада жизни армии решаются Военным Министром единолично, по обстоятельствам времени — спешно и без санкции высшего Государственного Учреждения объявляются в приказах по Военному Ведомству к срочному исполнению.

Таким порядком появился приказ по Военному Ведомству, сообщенный в телеграмме Военного Министра НАШТАВЕРХ за № 9215, об отмене ограничений в правах нижних чинов.

Приказ по Военному Ведомству возник и издан под давлением Совета рабочих депутатов, в духе социал-демократической партии, поставившей себе целью уничтожить армию путем разложения нравственных устоев ее.

Приведенный приказ Военного Министра является первым большим шагом в содействии указанной партии осуществить эту их заветную мечту.

Под видом отмены ограничений в правах нижних чинов Военным Министром вносится в армию возбуждение нижних чинов против офицеров, внушая им, что отмененные приказом правила воинской дисциплины были ни чем иным, как символом рабских отношений последних к первым. Приказ является как бы раскрепощением нижних чинов, что должно породить в них чувство озлобления и ненависти к офицерскому составу.

Таким образом глава Военного Министерства, член Нового Правительства, начал свою деятельность с того, чтобы служить той организации, которая имеет целью уничтожение армии, а следовательно уничтожение возможности для Государства и народа русского самостоятельно существовать.

Еще более: Военный Министр находился видимо под давлением не только Совета рабочих, но и солдатских депутатов, депутатов не от армии, не от компетентных в военном деле лиц командного состава, а от недисциплинированной и не бывшей в окопах перед лицом врага и смерти толпы, распропагандированных и разнузданных пополнений запаса армии, которую по понятным мотивам или по ослеплению члены Нового Правительства совершенно неверно именуют армией, умышленно унижая и игнорируя душу и голову действительной армии ее командный и офицерский состав.

Перед лицом вооруженного врага, разъяренного боевыми неудачами, рассматриваемая деятельность социал-демократов ведет к облегчению немцам поработить Россию.

Наряду с приведенной деятельностью Военного Министра армия засыпается приказами, приказаниями, воззваниями Председателей Совета Министров и Государственной Думы, о единении офицеров и нижних чинов, что свидетельствует или о незнании ими мероприятий Военного Министра, или о непонимании характера их.

Такое направление деятельности Нового Правительства не может разделяться теми, кто не способен быть рабом, кто хочет сохранить величие и самостоятельность России, своего народа.

Таково мнение всех старших начальников и штаб-офицеров частей вверенной мне дивизии, лично мною опрошенных.

По свидетельству этих чинов все опрошенные ими офицеры вполне и без исключения солидарны со своими начальниками и старшими чинами.

Офицеры и нижние чины дивизии проникнуты сознанием необходимости вести упорную войну впредь до победного конца и тем обеспечить дорогой Родине возможность дальнейшего самостоятельного существования.

В этих целях, сохраняя спокойно-выжидательное настроение, все считают настоятельно необходимым безотлагательно нижеследующие меры:

1) Все вопросы, касающиеся интересов и быта армии, подлежат рассмотрению Военным Советом. Постановления последнего должны рассматриваться и утверждаться Государственной Думой.

2) Внутренний уклад жизни армии оставить неприкосновенным, не допуская в нее политики, агитации политических партий. В виду слабой дисциплинированности поступающих в армию пополнений, слабой подготовки вообще солдатского состава, внесенной уже приказом Военного Министра и приказами Совета рабочих депутатов розни между солдатами и офицерами, крайней недостаточности и недействительности одного морального воздействия на массы, долженствующие идти на верную смерть, является настоятельная необходимость в законном установлении того или иного физического наказания для малодушных или, еще хуже, подлых натур. Во всех армиях и флотах цивилизованных государств такие меры физического воздействия существуют, невзирая на неизмеримую разницу в образованности и развитии состава их армий; с огромным большинством наших солдат необходимо также, как наисильнейшее средство для восстановления нарушенного повиновения — оставить везде признанную по приговорам полевого суда смертную казнь за тягчайшие преступления военного времени.

Безусловно необходимо признание со стороны Правительства и власти достоинства и величия офицерского звания, беззаветно служащего Родине положившего все свои силы, знания и здоровье и самую жизнь за благо этой Родины. Везде во всех обращениях к войскам не позволять себе даже намека на неуважение к этому званию, помня, что перед лицом смерти в окопах и в поле бок о бок, друг с другом офицеры и солдаты давно друзья и братья и непонимающие этого лица, стоящие во главе Управления, но далеко от действительной жизни армии, вносят своими приказами и воззваниями нежелательную и пагубную рознь в военную семью.

3) В виду участившихся побегов к противнику солдат совершенно необходимо от лица Правительства подтвердить смертную казнь по возвращении после заключения мира тем изменникам, которые добровольно переходят к противнику. Смертную казнь обязательно применить к таким лицам при несомненном установлении их добровольного перехода к противнику.

4) Побеги из армии в тыл, принявшие эпидемический характер с переменой Правительства и неустановившемся еще порядке внутри страны, также должны быть прекращены самыми суровыми мерами: за первый побег физическое наказание, за второй — смертная казнь.

5) Также должны быть введены суровые кары для уклоняющихся от призыва и усилены наказания как дисциплинарные, так и по суду, для нарушителей дисциплины, или уважения к начальникам. Отмена ограничений для солдат понята многими очень широко и печальные примеры налицо. Более характерными могут служить следующие: а) офицер, возвратившийся третьего дня из Петрограда и спавший в пути в отделении вагона 2-го класса, проснувшись обнаружил около своего лица ноги солдата, расположившегося без всякой церемонии на той же скамейке.

б) В Черновицах солдат, стоявший часовым, отдавая честь приемом «на караул» проходившему полковнику одновременно произвел ему салют из своего заднего прохода, а на замечание полковника ответил «теперь все равны».

Эти примеры наглядно показывают, чего достигло Правительство, спешно и необдуманно вводящее изменения в духовную жизнь армии.

6) Полное осведомление всех чинов армии о происходящих событиях внутри страны.

7)Полная гарантия Новым Правительством непрерывного подвоза в армию огнестрельных припасов, продовольствия, фуража и снабжения армии в техническом отношении.

8) Полная гарантия Новым Правительством неприкосновенности, безопасности и благополучия семейств, оставленных воинами всех рангов и званий.

9) Восстановление порядка в стране без всякого кровопролития.

10) Имея в виду, что в настоящее время на фронте армии находится огромное число мужского правоспособного населения России, имеющее неотъемлемое право голоса при разборе и решении наиважнейших вопросов в жизни страны, что решение этих вопросов не может быть предоставлено лишь представителям населения, не находящимся на фронте, из которых есть много трусов, уклоняющихся от призыва под различными предлогами, есть много мародеров тыла и бесчестных спекулянтов, а также большое число женщин, которые до сего времени совершенно устранялись от вопросов управления, совершенно необходимо обсуждение таких вопросов как образ правления, общая присяга, земельный, сословный, равноправие народностей и пр. отложить до окончания войны и возвращения цвета мужского населения к мирной работе.

11) Также несвоевременно какое-либо нормирование рабочего дня 8-ю часами, так как все находящиеся в армии работают круглые 24 часа в сутки, ежеминутно жертвуя жизнью, и считают, что работа внутри страны на оборону и для продовольствия армии и населения также должна идти без всякой нормы, памятуя, что мирным жителям сохраняется драгоценное благо жизни.

12) Правительству надлежит помнить, что его святая обязанность в настоящее время всецело заняться лишь вопросами восстановления порядка, снабжения — армии всем необходимым, — а мирного населения продовольствием, беспощадная борьба с дороговизной, спекулянтами и мародерами тыла и устройство и обезпечение семейств всех чинов армии и инвалидов.

Настоящий рапорт является результатом единогласного мнения старших начальников дивизии, основанном на обсуждении ими предложенных Военным Министром вопросов с офицерами, которые могли принять участие в том без ущерба для боевой службы и, вследствие настойчивого желания этих начальников, в виду особой важности и переживаемых событий, вопреки установившемуся до сего времени в армии порядку сношений, подписывается всеми нами, глубоко убежденными в справедливости и необходимости высказанного.

Все остальные офицеры дивизии без всякого исключения согласны с мнением старших, подписавшихся здесь. По их горячему и настоятельному желанию копия этого рапорта со всеми подписями офицеров дивизии будет представлена дополнительно; настоящий же рапорт представляется теперь для выигрыша времени.

Движимый горячим желанием счастья России представляю изложенное на усмотрение Вашего Высокопревосходительства.

Подписали:

Генерал-Лейтенант **Попов.**
Начальник Штаба,
Генерал-Майор **Белоусов.**

Вр. Командующий 2 дивизионом 32 артиллерийской бригады, Капитан (Подпись неразборчива). Вр. Командующий 1 дивизионом 32 артиллерийской бригады Подполковник (Подпись неразборчива). Помощник Командира 658 пех. полка, Подполковник **Яворский.** Помощник Командира 128 Старооскольского пехотного полка, Подполковник **Бычинский,** Полковник 125 пех. Курского полка (Подпись неразборчива). Полковник 126 пех. Рыльского полка (Подпись неразборчива). Полковник 125 пех. Курского полка (Подпись неразборчива). Командир 658 пех. полка, Полковник **Носов.** Командир 125 пехотного Курского полка, Полковник **Савельев.** Командир 126 пехотного Рыльского полка, Полковник **Петров.** Командир 127 пехотного Путивльского полка, Полковник **Веденяев.** Командир 128 пех. Старооскольского полка, Полковник **Свешников.** Вр. Командующий 32 артиллерийской бригадой, Полковник **Бенескул.** Командир 6 Сибирск. горного артиллерийского дивизиона, Полковник **Потулов.** Командир бригады 32 п. д., Генерал-Майор **Рафальский.**

С подлинным верно:

Старший Адъютант Штаба VIII-ой Армии,
Генерального Штаба
Подполковник **Игнатьев.**

Конечно, этот рапорт скажет каждому военному, кого революция застала на фронте — очень многое. Значения в общероссийском сумбуре он не получил. Реального ничего не принес. Скорее его надо считать результатом отчаяния командного состава, каким-то вырвавшимся «криком души».

Первым подписавшим его был начальник дивизии генерал Попов. Его инициатором и автором был генерал Белоусов. Насколько я знаю, генерал Попов, вернувшийся с развалившегося фронта куда-то в район Казани, пал там жертвой очередного выступления одураченных русских солдат. Генерал же Белоусов спасся, я его встретил в Екатеринодаре, в Добровольческой армии, где во второй половине лета 1918 года он был назначен генералом Деникиным на пост Коменданта Главной Квартиры Добровольческой армии в Екатеринодаре.

Генерал Белоусов после развала фронта вернулся к себе на Кубань, где сразу же принял участие в формировании отдельных отрядов, впоследствии влившихся в Добрармию.

Я лично познакомился с ним и научился ценить его деятельность (он был старше меня по Военной Академии лет на десять), когда он нес обязанности начальника штаба 69-й пехотной дивизии, которая также одно время входила в состав нашего корпуса. Он участвовал во взятии Перемышля, был награжден в 1915 году Георгиевским оружием, осенью того же года принял в командование 63-й пехотный Углицкий полк, за дело «у Верещакского леса» удостоился награждением Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, будучи командиром полка был тяжело контужен (что впоследствии в эмиграции привело_к преждевременной его кончине). Ко времени революции вторично (как тогда это было уже обязательным для офицеров генерального штаба) получил штаб дивизии, именно той 32-й пехотной, где он и привел и начальника дивизии и старших начальников ее к изданию знаменательного рапорта, о котором сейчас идет речь. В том же 1917 году он поочереди был начальником штаба сначала XXII-го, а потом XXIII-го Армейского корпуса и закончил военную службу на большом фронте в должности начальника 20-й пехотной дивизии. После чего пробрался на Кубань и сразу же принял участие в противобольшевицкой борьбе.

Как я уже упомянул, я знал генерала Белоусова со времени несения им обязанностей начальника штаба 69-й пехотной дивизии. На Кубани, в Екатеринодаре, я по распоряжению генерала Алексеева, которому явился по прибытии моем в Добровольческую армию в августе 1918 года стал одним из редакторов газеты «Россия» (потом, после временного закрытия газеты по требованию Кубанской Рады превратившейся в «Великую Россию») и вел ее до назначения моего начальником оперативного отделения штаба армии генерала Врангеля в Царицын.

В газетах того времени, выходивших в Екатеринодаре, в то время появилась полемика на тему о том, кто и что делал после революции. Не помню в какой именно газете появилась «укорительная» статья, обвинявшая всех в «молчании», т. е. в непротивлении большевицкому злу, захватившему Россию.

Не имея на руках рапорта начальника 32-й пехотной дивизии, которому я посвящаю эту мою заметку, я на память в одной из газет, за моей полной подписью, поместил статью «Не все молчали», в которой и изложил, все то, что сказано в этом рапорте и добавив также и то, что я тогда знал об обстоятельствах, сопровождавших рождение этого рапорта на свет Божий.

Все это было давно, сорок два года тому назад...

Многое уже забыто, документы, тщательно мною сохраняемые, погибли постепенно в Петербурге, Царицыне, Ростове, Екатеринодаре, Константинополе, Берлине и на юге Германии. Погиб и рапорт генерала Попова и генерала Белоусова. Все постепенно, как это вероятно знают многие, забывалось...

И вдруг я получил неожиданный «гонорар» за мою когда-то написанную статью «Не все молчали»...

В мае текущего года я получил письмо от вдовы генерала Белоусова, адресованное именно как «Автору статьи «Не все молчали». Вера Яковлевна Белоусова, которую я лично не имел удовольствия знать, прислала мне копию рапорта 9-го марта 1917 года № 20-й, совершенно правильно считая, что получение этого документа меня не может не порадовать, да и само воспоминание об Екатеринодарском периоде пребывания в Добровольческой армии будет для меня приятным.

Мне показалось интересным сделать содержание знаменательного рапорта достоянием всех белых до сего времени уцелевших и, конечно, оставшихся верными заветам наших почивших Вождей и верных России, и потому, запросив В. Я. Белоусову и получив от нее недостающие данные биографии ее покойного мужа, я передаю этот рапорт в нашу национальную эмигрантскую печать, хранящую традиции славного нашего прошлого.

Генерал Иван Максимович Белоусов в эмиграции попал в 1921 году в Королевство С.Х.С. (Сербов, Хорватов и Словенцев) и там служил в Индентатуре Второй Армейской области до последнего своего — на этот раз смертельного — заболевания 4-го ноября 1932 года. 24-го ноября он скончался в Сараево и погребен там же на военном кладбище. Почившего похоронили с воинскими почестями. Наряду с большим числом русских и сербских офицеров, его гроб сопровождали представители Сербской армии, артиллерийская батарея, рота пехоты и военный оркестр. В воздухе парило несколько аэропланов. Гроб везли на лафете.

«Военная Быль», 42, 1960.

ПО СЛЕДАМ СУВОРОВА

Всю вторую Мировую войну 1939—1945гг. мне пришлось провести в Берлине, где я с 1920 года нес обязанности военного представителя генерала Врангеля, а потом его преемников, генералов Кутепова, Миллера и Архангельского и кроме того, по выборам русской колонии в Берлине, много лет был вице-президентом Российского Красного Креста (старая организация), при президенте княжне Вере Константиновне, постоянно проживавшей в Альтенбурге.

Потеряв при 173-м воздушном нападении на Берлин, 23-го ноября 1943 г. мою квартиру и все мое имущество, я к февралю 1945 года ясно увидел, что оставаться в Берлине далее невозможно, так как размах повторных мобилизаций начал уже приближаться и к нам, иностранцам, и передо мною стояла определенная угроза попасть в ряды германского «фольксштурма», на который должна была быть возложена последняя оборона города. Такое применение меня и находившихся под моим руководством русских военных организаций было для нас совершенно неприемлемо, и потому я дал сигнал всем, кто к моим решениям прислушивался, начать уход на юг и запад, что было трудно потому, что германское учреждение, ведавшее русскими организациями, категорически противилось тому, чтобы члены этих организаций город покидали.

Воспользовавшись тем, что 4-го февраля, при большом налете на город, учреждение это было разрушено, я с ближайшими моими сотрудниками 11-го февраля, при помощи офицеров, после очередного 370-го нападения с воздуха, занял место в поезде и отправился на юг.

Задержавшись на время в г. Альтенбурге и в г. Карльсбаде, мы с женой, путешествуя по почти разрушенной стране с превеликими трудностями, претерпев по пути в одном только г. Регенсбурге, во время стоянки в нем нашего поезда, семь налетов, через г. Ванген, 26-го апреля приехали в г. Линдау на Боденском (Констанцком) озере, который уже 30-го апреля был занят французской оккупационной армией и стал штабом командующего армией генерала Де Латр-де-Тассиньи.

С трудом устроились сначала под городом в деревне, а потом и в самом городке, где с разрешения французского командования я открыл действия «Оффиса Красного Креста для апатридов, при французском командовании» и был его первым и последним президентом.

Линдау — это небольшой, красивый своей стариной, типичный немецкий городок, расположен на острове, отделенном от материка проливом, который замерзает зимой и пересыхает летом. Это кусочек Баварии, прилегающий к озеру и попавший в район французской ок-

купации, тогда как вся Бавария была оккупирована американскими войсками. Самое Боденское озеро, противоположный его берег с отрогами Швейцарских гор, чрезвычайно украшают город и делают летнее пребывание в нем очень приятным.

Осматривая город, я был приятно поражен непривычным мне оффициальным вниманием властей к русской истории: на одном из крупнейших зданий, в улочке, близко примыкавшей к озеру, я увидел прикрепленную на высоте первого этажа мраморную доску с надписью на немецком языке:

В этом доме жил
с 15-го октября по 4-ое ноября 1799 г.
Фельдмаршал
Граф Александр
СУВОРОВ-РЫМНИКСКИЙ
Генералиссимус русской армии
при ее обратном походе
из Швейцарии и Граубюндена.

Сначала все попытки узнать что-либо более подробно об обстоятельствах, сопровождавших двухнедельное пребывание Русской Армии в Линдау, никаких результатов не дали — жизнь и русских, только что прибывших в город, и немцев, потрясенных небывалой катастрофой, постигшей Германию, требовала внимания к вопросам дня. Городской музей был закрыт. Спросить было некого.

Но потом, когда все несколько утряслось, и все начало приходить в нормальный вид. я, перед отъездом, просил моих сотрудников А. А. Преснякова и Г. В. Месняева предпринять шаги, чтобы получить в наши руки интересовавшие меня сведения. В результате их работы, в мои руки попали два документа, которые я привожу ниже в переводе на русский язык.

Оба они типичны для психологии маленького германского городка, на который свалилось буквально, как снег на голову, «стихийное бедствие» — город с населением в т р и тысячи человек, на две недели стал бивуаком чужой армии, которая в одном людском составе превышала население более, чем в д е с я т ь раз. Мудрено ли, что все воспоминания, которые удалось обнаружить в городском архиве, относившиеся — одно к 1799 году, а другое к несколько более позднему периоду — говорили почти исключительно об одном — р а з о р е н и и и у б ы т к а х, выпавших на долю городка!

Вот эти два документа:

Выписка из рукописной хроники гор. Линдау
(Манускрипт городского архива от 1799 года)

16-го октября Князь С у в а р о в, после своего отхода из Швейцарии, который явился следствием победоносно проведенной Массеной в ночь с 24-го на 25-ое сентября операции против Корсакова у Гоца,

расположил свою главную квартиру в Лангешевском доме и перевел всю русскую армию на северный берег Боденского озера. Этот генерал прорвался от Хура и следовал через Фельдкирх и Брегенц, где он соединился с Корсаковым и, таким образом, вся русская армия соединилась в Верхней Швабии, и 30.000 человек пробыли 14 дней в городе и его окрестностях.

Когда предполагали, что он с отдохнувшими силами предпримет новую операцию через швейцарскую границу, он перевел 6-го ноября свою главную квартиру из Линдау в Аугсбург и расположил свою армию на широких квартирах между Иллером, Дунаем и Лехом.

В последние дни этого месяца главная квартира перешла в Аугсбург и армия, силою в 43.463 человека и 25.825 лошадей двинулась двумя колоннами через г. Лех в Баварию, открыто объявив, что она следует домой.

20-го декабря главная квартира Суварова перешла в Прагу, где армия имела остановку до конца января 1800 года. Опять говорили об обратном марше русских, как о деле решенном, но движение пошло действительно через Моравию и Галицию домой, в доказательство, что горячность, с которой Император Павел принял сторону врагов Франции — сильно охладела.

Дополнение о русских:

Штаб, в состав которого входили русский великий князь Константин, молодой князь Суваров, австрийский министр граф фон-Штакельберг, а также многие генералы и офицеры, расположился в городских гостиницах. Также расположились австрийский генерал фон-Хиллер и разные австрийские офицеры генерального штаба. Кавалерия, состоявшая из кирасир, драгун и полевых егерей, фюзелиры и артиллеристы расположились в гражданских имениях, недалеко от города, так же как и на площадях. Большинство амбаров было взломано, и находившийся там фураж взят. Много деревьев было срублено, все подпорные колья, палки, указатели и заборы сорваны, многие виноградники лишены подпорных палок, а частью также и самых лоз, так что примерно подсчитанный убыток доходил до 80.000 флоринов.

Тотчас по приходе армии должно было быть доставлено 800 центнеров мяса и 40 центнеров риса. Поставка эта была оплачена не без труда и по сильно пониженным ценам.

При прибытии командующего князя Суварова, он был приветствован городской депутацией в составе: тайного советника доктора Вебера, городского консультанта Хуммлера и сенатора Пфистера. Депутация эта была принята благосклонно.

Во время обременительного нахождения этой армии, произошли некоторые неприятные выступления. Президент квартирного управления, бюргермейстер Фельс, был грубо оскорблен русским офицером. У министра, графа Штакельберга, одним из обслуживающих его была ограблена казна, что было еще во время открыто и ограбленное возвращено владельцу.

На всех улицах и площадях города расположились казаки с их лошадьми и развели большие костры. При их уходе было затребовано и использовано более ста повозок и запряжек, возчики которых затратили труд и деньги, чтобы освободиться в Исни, Мемменгене и Лейткирхе.

Вместе с этой армией сражался пфальцко-баварский корпус в составе примерно 2.000 человек. Но он прибыл ранее русских в Вассербург, и потом отправился далее, оплатив часть взятого им.

Выписка из истории города Линдау на Боденском озере

(Издана доктором К. Вольфарт (1-й том, 2-й отдел, стр. 208—209)

Поход начался счастливо в области озер. Эрцгерцог Карл принудил к отступлению Журдана своими победами у Острах (21-го марта) и Стоках (25-го марта), в то время как Массена, разбитый у Фельдкирха, тоже принужден был очистить поле сражения.

Но Гофкригсрат в Вене испортил все.

Таким образом русский главнокомандующий Суворов, когда он оставил очищенную от противника Верхнюю Италию, после страшных боев у Чортова моста и в долине Рейсса, нашел дорогу через долину занятой Массеной и вынужден был совершить отчаянный марш через Шехенскую и Муттальскую долины и через перевал Паникс, что было опасно и требовало большого напряжения даже от отдельных путников и казалось совершенно непроходимо для войск. И как выглядели те, которые спаслись! Неизвестный хроникер говорит, что они были оборваны, часто без обуви и изголодавшись до того, что они употребляли в пищу овощи и т. п. в сыром виде. Отбросы от убоя скота съедались без долгих приготовлений, но самым излюбленным была водка, которую они, не пьянея, пили пивными стаканами.

С этой армией Суворов вошел в Линдау 16-го октября и 43.463 человека и 25.825 лошадей оставались до 4-го ноября в городе и его окрестностях! От отведенной ему в теперешнем Лошнерском доме квартиры он отказался, «так как озеро слишком блестит для него», и занял помещение в Лангензееском доме, теперешнем убежище английских девушек.

Русские вели себя, как враги. Срывали двери и окна, ломали ставни, срубали деревья. Но наибольший вред принесли они тем, что срывали виноградники, уничтожив 200.000 лоз. На всех площадях города расположились казаки и готовили пищу на кострах. В лучшую сторону отличались от них, находившиеся при армии 2.000 баварцев, которые вели себя хорошо и за все платили. Во время этого пребывания у графа Штакельберга была украдена его частная казна. К счастью вор был обнаружен в лице его слуги и, таким образом, избегнуто было дальнейшее.

Суворов был настолько недоволен австрийцами, что он резко отклонил присланное в Линдау предложение эрцгерцога Карла о встрече. Он заявил, что он переведет армию для отдыха за р. Лех, и на самом деле выступил в Швабию. Деревни тяжело пострадали, осенний урожай

фруктов и сбор винограда был потерян. Многие виноградники были разрушены на годы и госпитальные леса, на которых дано было разрешение восстановить уничтоженное дерево — едва могли его пополнить.

В сущности говоря, можно вполне поверить в то, что перенесшие невероятные трудности, оборванные, босые и полуголодные солдаты Суворова, герои незабываемого Швейцарского похода, были гостями мало желательными для населения, и что воспоминание о них городок сохранил не слишком приятное! Думается, однако, что и баварские солдаты, правда не испытавшие тяжелого похода, тоже не были столь скромны и приятны, как это представляет летопись. Но... свой своему, поневоле брат... Русские же, испытав предательство, неблагодарность и коварство австрийцев, едва ли могли учесть разницу между ними и населением городка, кстати сказать, в течение своей истории входившего, то в состав Австрии, то попадавшего в Германию, а то и в руки... шведов, следы пребывания которых в городке тоже имеются!*)

Но дальнейшие изыскания в городском архиве дали и новые, и неожиданные результаты — они принесли также объяснение сначала непонятному для меня явлению, о котором я упоминал в начале моей заметки, что власти отметили памятной доской событие р у с с к о й военной истории.

Кроме вышеприведенных документов-выписок, мои сотрудники обнаружили в городском архиве еще небольшой печатный листок. Из него стало ясным, что к созданию памятной суворовской доски сами немцы имели весьма небольшое касательство — доска была, конечно, поставлена с согласия германских властей, но... создана она была «заботой и иждивением» русского человека «Императорского русского статского советника барона фон-Энгельгардта из Дрездена»... Это было неожиданно и... очень понятно. И небольшим разъяснением почему это п о н я т н о, — я и закончу мою заметку, отметив попутно и еще один «след» Суворова уже не в самом Линдау, но недалеко от него.

Барон фон-Энгельгардт, если не ошибаюсь, профессор Казанского университета, был страстный поклонник Суворова и эпохи 1812 года. Заграницей он имел пребывание в гор. Дрездене и потому в Казани и Дрездене у него было (и осталось после его кончины) не мало предметов, посвященных, как походам Суворова, так и Отечественной войне.

Энгельгардт внимательно проследил весь поход Суворова, сам проехал этот путь (в его время это уже было проще, чем для солдат Суворова) и всюду, где мог, поставил памятники деяниям великого русского полководца. Его заботой и на его счет поставлены памятные доски, как на домах, где останавливался Суворов, так и на местах боев русской армии, в том числе и всем известный памятник у Чортова

---

*) В 1799 году Линдау был «Свободным Имперским Городом».

моста. Поставил он в 1903 году памятную доску и в гор. Линдау, как последней главной квартире Суворова после ухода.

Драгоценные коллекции Энгельгардта были принесены им в дар и послужили главной основой Суворовского музея в С.-Петербурге. Судьба того, что осталось у него в Казани, мне неизвестна... Но то, что было у него в Дрездене — мне в конечном счете стало близким... После его смерти, наследником всего того, что находилось в Дрездене, стало русское посольство в Германии. К сожалению это было уже посольство не русское, а советское, и оно попросту разбазарило все, что напоминало, только лишь во время второй Мировой войны «амнистированного» советской властью, русского героя. Библиотеку и часть картин купил на аукционе Русский Научный институт в Берлине. Оттуда впоследствии правительство «наци» эту ценную библиотеку извлекло и... просто взяло себе, прекратив даже пользование ею русскими... хотя во время нахождения ее в Научном институте, библиотека эта сильно была пополнена пожертвованиями русских эмигрантов, которые потом потеряли право ею пользоваться для своих работ. Какая судьба постигла эту библиотеку во время последней войны, мне неизвестно.

Часть картин, на которых были подробные описания, сделанные самим Энгельгардтом — попала в частные руки. Владельцы хотели, продав ее, заработать на этом, для них чисто коммерческом деле. Покупателя на все то, что они приобрели, вследствие того, что они хотели заработать хорошо, — так и не нашлось, и эта часть коллекции стала постепенно расходиться по рукам.

Не имея возможности купить ее, я старался внимательно следить за нею и не упустить ее из виду, чтобы в минуту, когда мои денежные обстоятельства почему-либо поправятся, а продавцы перестанут дорожиться — приобрести, что возможно. К 41 году оба владельца, оставшейся части коллекции Энгельгардта умерли, и наследники их продали остатки ее мне...

23-го ноября 43 года, все это погибло вместе с моей квартирой в Берлине после того, как в дом, в котором я жил, попал «букет» из 38-ми зажигательных бомб!

В заключение еще один «след» Суворова:

Недалеко от гор. Равенсбурга (в 27 километрах от Линдау), тоже расположенного к северу от Боденского озера, но уже в пределах Вюртемберга, около городка Вейнгартен, имеется лес, носящий неожиданное наименование «Русского леса». Это заинтересовало русского эмигранта, заброшенного после катастрофы Германии в городок и он*) также начал свои поиски в архивах Равенсбурга и Вейнгартена.

Выяснилось, что в этом лесу погребены русские солдаты времен Суворова. лежавшие в госпитале, находившемся в свое время в монастыре в Вейнгартене. Умерших было до 2.000 человек. Большая часть их. повидимому, принадлежала к корпусу Римского-Корсакова, которо-

---

*) Виталій Николаевич Смолинскій.

му пришлось вести неравный бой с войсками Массены. Но, конечно, среди них были и участники Швейцарского перехода Суворова.

По данным местных архивов было установлено, что на русских могилах, в свое время стоял памятник, но за ветхостью (или по иным причинам), в 1866 году он был разобран и, как отмечает, с чисто немецкой пунктуальностью историк, на это было «истрачено три флорина»... На постановку нового памятника не было истрачено ничего... А второго Энгельгардта не нашлось!

Но эту задачу выполнили русские изгнанники, которые эмигрировали во второй раз, теперь уже не из России, а из тех стран, которые дали им временный приют. В двух километрах на восток от гор. Вейнгартена, в так называемой Шуссенской долине, на этот раз уже «иждивением русской эмиграции», был сооружен и 7-го сентября 47 г., митр. Берлинским и Германским Серафимом, при большом стечении русских эмигрантов, приехавших из ближайших городков, освящен новый памятник, который представлял собою большой солидный восьмиконечный деревянный крест. День освящения креста был торжественным и трогательным для присутствующих. Вероятно впервые после стопятидесятилетнего промежутка над павшими русскими воинами, совершившими небывалый поход и ушедшими в мир иной, далеко от родины, на чужбине, раздались родные русские напевы...

Но памятник этот был только временным. Созданная русской эмиграцией специальная русская комиссия, во главе с К. К. Македоновым, при всемерном содействии бургомистра гор. Вейнгартена г. Брауна, которому пришлось преодолеть сопротивление местных немецких коммунистов, и городского архитектора г. Коллера энергично продолжала работу, чтобы заменить деревянный крест прочным гранитным памятником.

Были собраны необходимые средства в размере 6.500 герм. марок и внесены в государственную кассу гор. Регенсбурга, как особый фонд «Памятника Суворову». В долине реки Аах (район Вальбада), был найден шеститонный камень ледникового периода, который был доставлен к месту его будущей постановки. На камне был высечен православный крест и сделана надпись на русском и немецком языках: «Суворовским чудо-богатырям соотечественники. 1799—1948».

На это ушло немного более года. Новый постоянный памятник был водружен на свое место, и 14-го ноября 48 г. опять в присутствии собравшихся русских эмигрантов торжественно освящен благочинным французской зоны оккупации протоиереем Ольховским в сослужении всего православного духовенства зоны.

От лица комитета, взявшего на себя труд по сооружению памятника была выражена благодарность бургомистру, который предполагал спланировать местность, окружающую памятник, разбить цветники и создать новую «достопримечательность» небольшого города и место для праздничных экскурсий для городского населения. Казалось, что все дело постановки памятника можно было считать благополучно законченным, и цель, поставленную себе русскими эмигрантами, с тро-

гательной любовью отнесшимися к памяти Суворова и его солдат — достигнутой!

Но... жизнь никогда не упустит возможности сделать очередную гримасу, а в особенности тогда, когда это касается именно русской эмиграции. В том же 48 году денежная реформа, проведенная в оккупированной Германии, блокировала также и счет «Памятника Суворова». Комиссии, несмотря на все ходатайства перед французскими оккупационными властями, было выдано только 6% собранной суммы, то есть 390 марок. Стоимость же поставленного памятника равнялась 1.940 маркам, то есть комиссия не оплатила еще счет в размере 1.550 марок...

Тяжесть этой уплаты, повидимому, всецело легла на председателя комиссии капитана К. К. Македонова, который, узнав о существовании в Буэнос-Айресе «Суворовского Союза», обратился к нему с просьбой помочь окончательно ликвидировать счет за постановку памятника...

В еженедельнике союза, от 5-го августа 49 года, напечатано обращение кап. Македонова, который просит помочь ему «собрать немного денег для спасения чести русского офицера»...

Что можно еще добавить к этому обращению?.. Я был бы счастлив, если бы кто-нибудь из русских эмигрантов, прочитавших мою статью... вспомнил бы деятельность «Императорского русского статского советника барона фон Энгельгардта из Дрездена», который «своей заботой и иждивением» отметил память Суворова и его чудо-богатырей и отозвался бы на отчаянное обращение К. К. Македонова, положившего столько труда и энергии, тоже чтобы память эту увековечить!

«Возрождение», VI, 1949.

РУССКИЕ ЗНАМЕНА В ПЛЕНУ

(Справка)

1.

За те годы, что я живу в Германии, я неоднократно делал попытки установить, имеются ли в руках немцев русские знамена и, если имеются, то какие именно и каким путем попали они на чужбину. Долгое время не удавалось узнать что либо положительное и только в виде слухов до меня доходили сведения, что некоторое количество русских знамен, частично поврежденных, было выставлено во время Великой войны в главном зале Берлинского военного музея (Цейхгаузе).

Несколько лет тому назад этим же вопросом заинтересовался Его Высочество князь Гавриил Константинович, тогда проживавший в Берлине. Вместе с Его Высочеством мы направились в Цейхгауз и там в администрации музея нам сказали, что русские знамена действительно во время войны находились в музее, но в период заключения Версальского договора они погибли вместе с взятыми в боях французскими знаменами, которые немецкие патриоты, естественно, не желая возвращать их французам, силою захватили в музее и сожгли у подножья памятника Фридриху Великому, находящегося недалеко от здания музея.

В 1932 году в одном из немецких справочников*) я случайно натолкнулся на статью, посвященную именно вопросу о знаменах, захваченных германскими войсками в период Мировой войны.

Автор статьи, говоря о том, что число русских знамен значительно превышает число подобного же рода трофеев, захваченных у других противников, отдает, однако, должное русским в следующей оговорке: «К чести Царской Армии надо сказать, что она сделала все, что возможно, чтобы ее знамена не попали в руки противника. От большинства перечисленных знамен в наши руки попали только куски или части. Древки были распилены, полотнища сорваны, наконечники (копья), отвинчены»... К этому я добавил бы и еще одно обстоятельство, мимо которого прошел автор заметки — часть знамен показана «найденными среди убитых у такой-то деревни», что указывает на то, что знамена попали в руки противника только тогда, когда защитники их погибли!

Сведения, взятые из справочника были сведены мною в особую таблицу и, вместе с небольшою заметкой, приготовлены для печати. Мне казалось, что для русской истории не безразлична судьба русских знамен, попавших в плен и что сведения об этом надо проверить, путем

*) Jahrbuch des Deutschen Kriegerbundes. Kalender für 1932. Berlin. Küffhausser Verlag. «Eroberte Feldzeichen». Стр. 33-34.

их опубликования именно теперь, когда вне российского рубежа не мало тех, кто в том или ином виде принимал участие в защите своего знамени, или в сокрытии той или иной его части от противника...

Но при всех тех подробностях, которые давала заметка, самый главный и значительный вопрос о судьбе знамен оставался все же нерешенным и освещение его вырисовывалось в форме словесной «справки», данной нам администрацией музея...

В 1933 году вопрос этот разрешился сам собой. «Сожженные», по словам администрации музея, русские знамена... появились в отделе того же музея, посвященном Великой войне! Две стойки с значительно поврежденными и лишенными в большей своей части полотнищ*), русскими знаменами, заняли свои места наряду с другими трофеями Великой войны.

Тяжело смотреть на русские знамена в плену... тяжело читать и таблицу, в которую я свел те сведения, которые почерпнул из обзора музея и из справочника (в музее на стойках невозможно прочесть надписи на скобах). С гордостью останавливается взгляд на остатках древок — до самого последнего момента их нахождения в строю родного полка их старались спасти и в последнюю минуту стремились унести с собою хотя бы частицу полковой святыни! Но есть между ними и знамена, сохранившиеся в их полной неприкосновенности, с юбилейными и даже георгиевскими лентами...

Никто не может бывшее сделать небывшим... с потерей знамен надо примириться — за свыше двухвековое существование Русской Императорской армии были и потери русских знамен, были и героические захваты знамен противника... В данном случае цель моей исторической справки одна — установить факт наличия того или иного знамени или его остатков в Берлинском музее и, по возможности, осветить воспоминаниями участников защиты знамен, историю последних минут нахождения всех их в рядах русской армии — это наш определенный долг и вклад в историю русской армии!

Подробную таблицу прилагаю **).

«Часовой», 131-132, 1934.

2.

От Редакции «Часовой», 133-134, 1934:

Редакция получила возможность ответить на некоторые вопросы статьи ген. А. А. фон-Лампе «Русские знамена в германском плену» (см. № 131-132 «Часового»):

1) Старое знамя 2-го баталиона 3 п. Нарвского полка при мобилизации было передано во вновь сформированный 223 п. Юхновский п.

*) Полных полотнищ всего шесть — из них последнего царствования — два и ополченское — одно.

**) См. страницы 244-245.

(56 п. див.), который и утратил его во время поспешного отступления через д. Гериттен.

2) Танненбергская катастрофа повлекла за собой потерю 9 знамен (№ 1, 3, 5, (6 и 24), 10, 12, 13, 14, 15 — по нумерации А. А. фон-Лампе), отступление армии ген. Ренненкампфа одно (№ 11), отступление XX корпуса одно (№ 9).

3) Что же касается захвата штандарта и эскадронного значка (№ 17 и 18) 3-го ул. Смоленского полка, то, очевидно, вопрос идет о взятии их, как военной добычи, из церкви или казармы в Волковишках.

4) Штандарт 42-го Донского каз. полка (третьей очереди) был захвачен при следующих обстоятельствах. Приданные пех. корпусам и дивизиям эти третьеочередные полки бывали в сборе в виде исключения, они были расбросаны сотнями и даже взводами по пех. частям и даже обозам. Чаще всего было, что К-р полка около себя никого не имел, кроме штандарта, часто без охраны. Так было в данном случае. К-р полка следовал в обозной колонне со штандартом. Ночуя в «халупе» он был во время сна захвачен противником. Штандарт и раненый командир были взяты в плен, при чем командир полка был так поражен случившимся, что сошел с ума.

5) К номерам 7 и 8 (по списку ген. А. А. фон-Лампе): в последнее время в нашей пехоте каждый полк или отдельный батальон имели только одно знамя. Старые батальонные знамена хранились обыкновенно в церквах частей и в поход взяты не были. При мобилизации было приказано выдать такие знамена второочередным полкам. Таким образом формировавшимся при 14-й п. дивизии полкам 63-й п. дивизии, были выданы знамена из числа старых батальонных знамен: первому полку дивизии — от 53 п. Волынского полка, второму — от 54-го п. Минского полка.

63 п. дивизия доблестно обороняла в течение многих дней обнесенный окопами г. Прасныш, который был окружен 1-м рез. германским корпусом ген. фон-Моргена, захватившего город штурмом. Дивизия потеряла целиком 6 батальонов и все 6 батарей, всего 10.000 штыков, поэтому неудивительно,, что два знамени были захвачены. 14-я п. дивизия во время всей кампании находилась на Юго-западном фронте и ее полки совершенно не ответственны за утраты их знамен во второочередной дивизии.

3.

Помещенная мною справка о русских знаменах, находящихся в Берлине в военном музее (Цейхгаузе), вызвала, повидимому, большой интерес, так как и редакция «Часового», и лично я получили не мало справок и писем, прямо отвечающих той цели, которая была мною поставлена перед собой при составлении справки. Нельзя не отметить, что большинство авторов писем выражало свое удовлетворение тем, что вопрос о наших пленных знаменах получил освещение на страницах русского военного журнала.

Из тех сведений, которые были получены до сих пор, удалось выяснить многое — удалось установить то, чего, вероятно, не знали и сами

РУССКИЕ ЗНАМЕНА В БЕРЛИНСКОМ МУЗЕЕ

№№	Музейный №	Какого полка	Где захвачено	Какая часть знамени находится в плену	Примечание
1.	704/1	29-го пехотного Черниговского	1) 23-го августа 1914 года у д. Орлау-Лана.	1) Древко. Из копья выломан Георгиевский крест. На скобе надпись: Черниговский п. п. ген. фельдмаршала графа Дибича Забалканского.	
	без номера		2) В лагерѣ Виллинген, у пленного офицера.	2) Часть полотнища, *«вероятно»*, от этого знамени.	Орел — угол знамени. Висит отдельно под стеклом.
2.	704/11	3-го пехотного Нарвского полка (2-й батальон).	Найдено в ноябре 1914 года на поле сражения у Гориттен.	Древко. Копья нет. На скобе надпись: 3-й Нарвский пехотный полк Кн. Воронцов. 2-й батальон.	Привязан Георгиевский темляк.
3.	704/3	4-го пехотного Копорского пол.	26-го августа 1914 года, у Танненберга.	Древко. Из копья выломан Георгиевский крест. Юбилейные ленты. На скобе надпись: 4-й пех. Копорский п.	
4.	704/6	24-го пехотного Симбирского п.	30 августа 1914 г. у Пушаловен.	Древко. Копье. Юбилейные ленты. На скобе надпись: 24-й пехотный Симбирский полк.	
5.	704/2	30-го пехотного Полтавского п.	26-го августа 1914 г. у Танненберга.	Древко. Копья нет. Скоба. Имеются кисти на шнурах.	
6.	В музее не находится	32-го пехотного Кременчугского полка.	Найдены 16-го апреля 1915 г. в лесу у Вилленберга.	Отдельные части полотнища. Сложенные вместе обозначали название полка.	Смотри № 24-й.
7.	без номера	53-го пехотного Волынского п. (4-й батальон).	По справочнику: найдено зарытым у Модлина. В музее: указаний нет.	Полное знамя без лент. На скобе надпись: 53-й пехотный Волынский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Старшего полк. 4-й батальон.	
8.	704/12	54-го пехотного Минского п. (4-й батальон).	24-го февраля 1915 года у д. Праспыш.	Древко обломаное. Копья нет. На скобе надпись: 54-й пехотный Минский полк. 4-й батальон.	Имеются следы зеленого полотнища.
9.	706/3	106-го пехотного Уфимского п.	24-го февраля 1915 г. в районе Гродно, в лесу, у д. Старожинце.	Полное знамя. Ленты георгиевские и юбилейные.	
10.	704/5	110-го пехотного Камского п.	Найдено 29-го августа 1914 года. среди убитых у д. Доротово.	Древко. Копье. Скоба. Ленты — юбилейные и георгиевския. Из копья выломан Георгиевский крест.	

			вен.	ские и юбилейные.	
13.	704/8	142-го пехотного Звенигородского полка.	1) 31-го августа 1914 года, в лесу, у д. Садек.	1) Древко. Копье с выломанным Георгиевским крестом. Ленты — георгиевские и юбилейные. На скобе надпись: 142-й пехотный Звенигородский полк.	
			2) У военнопленного «лейтенанта» Исаева, зашитым в покладку.	2) Части полотнища знамени.	
14.	704/4	143-го пехотного Дорогобужского полка.	Найдено 29-го августа, среди убитых, у дер. Доротово.	Древко. Копье. Скоба.	
15.	706/1	Полк неизвестен.	26-го августа 1914 года, у д. Ошекау.	Древко с полотнищем (старое знамя). Копья и скобы нет.	
16.	706/6	255-го пехотного запасного батальона(?)	17-го февраля 1915 года, у Августова.	Древко. Скоба. Кисти на шнурах.	Имеется след малинового полотнища.
17.	704/9	3-го уланского Смоленского п.	В сентябре 1914 года, в Вильковишки.	Древко. Скобы две(?). Копья нет.	Повидимому, старое древко из музея или церкви полка. Помечено не «Эроберт», т. е. завоевано, а «Эрбейтет», т. е. захвачено, как добыча.
18.	704/10	3-го уланского Смоленского п. (2-го эскадрона?).	В сентябре 1914 года, в Вильковишки.	Древко и небольшое «знамя» с обозначением полка и эскадрона. Полотнище небольшое, белое, из тонкой кожи или клеенки.	То же, что и в предыдущем пункте. При «знамени» — чехол.
19.	706/2	42-го Донского казачьего п.	17-го ноября 1914 г.	Штандарт полностью.	
20.	706/4	Неизвестного полка.	Неизвестно.	Древко. Копья и скобы нет.	
21.	706/8	181-й дружины(?).	9-го июля 1915 года, неизвестно где.	Древко. Копье. Кисти на шнурах. Скоба.	
22.	704/13	184-й Смоленской дружины.	9-го июня 1915 года у вокзала Козлова Руда.	Древко. Скоба. Копье. Кисти.	
23.	без номера	321-й дружины.	Неизвестно.	Полное знамя (Зеленое).	
24.	706/?	Неизвестного полка.	Неизвестно.	Древко. Копье. Георгиевское. Георгиевские ленты. Георгиевский темляк. Скоба.	Производит впечатл. сборного. Скоба не прибита и явно не подходит. На ней можно разобрать надпись: Кременчугский полк (см. 6).
25.	706/?	Неизвестной ополченской дружины.	Неизвестно.	Древко со следами зеленого шелка. Копия и скобы нет.	
—	693	Неизвестно.	Неизвестно.	Четыре штандартных панталера. Из них один — казачий, два — зел.-синее сукно — прибор золотой, один — белое сукно, приб. золотой.	Хранятся вместе с образцами обмундирования Русской армии.

немцы (и что им теперь сообщено), а именно, что среди выставленных знамен есть такие (как, например, древко и эскадронный значек 3-го уланского Смоленского полка), которые ни в коем случае не подходят под наименование «трофеев». Удалось установить и наличие таких пленных знамен, которые попали в руки германской армии совершенно тем же порядком, как попало в руки армии французской знамя полка фельдмаршала Гинденбурга, ныне возвращенное на родину (как, напр., древко 32-го пех. Кременчугского полка, знамя 249-го пех. Дунайского полка и др.). Наиболее ценные сведения прислал г-н С. Андоленко*).

Но были выступления, мягко выражаясь, — мало обоснованные; так, одна из русских газет поместила отзыв на напечатанную справку с грубыми нападками на немцев за то, что они посчитали в числе трофеев части знамен, отобранных у русских военнопленных, старавшихся сохранить их во все время своего нахождения в плену. Мне кажется, что такой подход к вопросу очень далек от столь необходимой для него элементарной объективности: насколько я знаю, все армии отбирают от военнопленных знамена, которые те стараются пронести сквозь тяготы плена. Да и в чем бы был тогда подвиг (вспоминается традиционный в нашей старой казарме герой Старичков), если бы противник не преследовал своих пленных за сокрытие знамен?... Почему надо обязательно обвинять германскую (или иную) армию, когда у нас в старой русской армии (что и естественно) было то же самое: так, имеется сведение, что в лагере для военнопленных в Сибири полковник, командир венгерского полка, у которого было обнаружено в подкладке платья тщательно хранимое им знамя, умер от разрыва сердца. Знамя крепости Перемышль было извлечено разрезанным по частям, из чемоданов офицеров сдавшегося в плен гарнизона крепости... Это все только нормально!

И даже такая ошибка, как причисление ничего не значущего квартирьерского значка 3-го уланского полка к трофеям — имела прецендент в нашем русском прошлом: на выставке трофеев в Петербурге во время войны было выставлено «знамя» какого-то немецкого гражданского «ферейна», которых, как известно, в Германии существует без числа. Ошибки возможны, и их только надо стремиться исправить, и в этом цель моей работы. Будущее покажет, поскольку это может удастся.

«Часовой», 148-149, 1935.

---

*) Commandant Andolenko: Les drapeaux de la Grande Guerre 1914—1918. Изд. 1945.

«ЦУКНУЛ»

Это было давно... А так как я был тогда в 1-й роте Первого кадетского корпуса, то случилось это, повидимому, в учебные годы 1900-1901 или 1901-1902. Случилось это зимой, в одну из суббот, то-есть в отпускной день.

В то время, я очень дружил с моим одноклассником Николаем Абрамовичем, переведенным в наш корпус из Тифлисского, прямо в 1-ю роту. Отец его, саперный офицер, остался в Тифлисе и Коля, не имея ни одной родной души в Петербурге, ходил в отпуск ко мне, вернее к моей крестной матери, женщине, материально, более чем обеспеченной, которая разрешала мне приводить в отпускные дни тех из моих друзей, которым некуда было идти.

В тот, запомнившийся мне, день нас отпустили раньше обыкновенного. Наш длинный путь с Васильевского острова на Калашниковскую набережную, мы начали с переезда Невы в электрическом вагончике и позволили себе прогулку от Невы через Александровский Сад, по Невскому (конечно, по «солнечной» его стороне), пробираясь на Михайловскую улицу, где была конечная станция одноконной «конки», привозившей нас к месту назначения. Несмотря на необходимость особой бдительности из-за большого количества встречаемых генералов и офицеров, которым нужно было не прозевать отдать честь или стать во фронт, мы наслаждались прогулкой, после недельного сидения в стенах корпуса. Спускаясь с Полицейского моста, мы подошли к фотографии Морозовской, посмотреть всегда интересные фотографии и отправились дальше.

В этот момент, справа нас обогнал какой-то средних лет штатский господин, в сопровождении двух кадет, повидимому, нашего корпуса. Два мальчика (не то что мы — кадеты строевой роты), очень стройные, и, по фигурам, похожие один на другого. Увидя нас, они, по правилам, существовавшим в то время в корпусе, отдали нам, как старшим кадетам, установленную честь, которую мы, не без удовольствия, приняли...

Была яркая зимняя погода, не частая в хмуром Петербурге, мы были молоды, шли в отпуск, нас почтили, как старших — все в нас играло...

Отдав «честь» молодым, я обратил внимание, что оба они имеют башлыки, продетыми под погоны, но на груди у них не было того «банта», который вспомнит, конечно, каждый, кто был в те времена кадетом и сооружал этот «бант» — неудача в правильном создании банта, иногда, давала офицеру, в момент ухода кадета в отпуск, основание отставить жаждущего отпуска и предложить ему вновь явиться... уже

в воскресенье. А ведь вся прелесть-то отпуска связана была у нас с вечером субботы...

Итак, у обогнавших нас кадет я обнаружил «потрясающую» небрежность — их башлыки не были свернуты «бантом», а просто легко завязаны «попажески». К слову сказать, это обстоятельство всегда было предметом нашей кадетской зависти к пажам... Возмущенный такой небрежностью, я, не долго думая, обратился к ближайшему из них и, указывая на его башлык, сказал, чтобы он завязал его правильно... Бедный (я так думал) «молодой» реагировал на это как-то странно. Он растерянно посмотрел на меня, потом на штатского господина, с которым он шел, и... ничего мне не ответив, продолжал свой путь дальше. Это нас и удивило и, конечно, возмутило. Мы решили идти за «нарушителями порядка в форме одежды» и посмотреть, куда они идут?

А они шли дальше. С Невского свернули на Большую Конюшенную и продолжали свой путь... Присмотревшись к кадетам, мы увидели, что «нашим» кадетом был только тот, которому я сделал замечание, а «парный» был в форме 1-го Московского корпуса, хотя тоже отдал нам честь. Мы не понимали, в чем дело, но становилось как-то не по себе... а штатский и кадеты, продолжали свой путь, прошли Мошков переулок, подошли к Мраморному дворцу и... скрылись в его подъезде...

Стало как-то неуютно... стали с Абрамовичем соображать, в чем дело, и истина раскрылась перед нами... Совсем недавно, мы узнали, что Великий Князь Константин Константинович, поощряя вверенные ему корпуса, начал зачислять в них своих сыновей. В наш корпус, как мы это уже знали, был зачислен Князь Иоанн Константинович, а второй сын Великого Князя, Гавриил Константинович — «кажется» в 1-й Московский... Все стало для нас ясным... я цукнул никого иного, как нашего Августейшего кадета и, сопровождавший его штатский, как потом оказалось, гувернер молодых Князей, повидимому, не желая, чтобы первая встреча его воспитанников с однокашниками произошла в такой, непредусмотренной этикетом форме, просто увел их от нас, делая вид, что не замечает, что мы их преследуем. Хочу отметить, что в те дни Князья еще не носили на шинели коронационных медалей, наличие которых значительно раньше, показало бы мне с Абрамовичем, с кем мы имеем дело.

В общем, было интересно, но... жутко. Отпуск прошел, как-то неопределенно, а вернувшись в корпус, мы уже имели готовое решение — доложить по начальству о том, что произошло...

Воспитатель наш, подполковник Александр Александрович Соловьев, человек не слишком храбрый, до дрожи боявшийся нового нашего директора, полковника Покотило, который, после начальствования Виленским юнкерским училищем, должен был «привести в порядок» наш корпус, пришел в ужас. Меньше взволновался ротный командир, полковник Алексей Николаевич Бенземан. Доложить директору о происшедшем «криминале» он был обязан, и мы с Абрамовичем предстали перед суровым полковником Покотило.

Мне кажется, что и сам директор несколько растерялся, настолько происшедший случай выходил из рамок нормальной жизни корпуса. На всякий случай, сделав нам соответственное внушение (по теории, что это никогда не лишнее), он точно расспросил нас о подробностях происшествия и, сказав, для начала, что мне придется перед Августейшим кадетом извиниться, отправился с докладом к Великому Князю Константину Константиновичу, повидимому, готовый признать нас, своих кадет, во всяком случае, в чем-то виновными.

Настроение у нас было среднее, но, все же, кадеты оставались кадетами и в нашем, третьем отделении все жужжало, как муравейник. Извиняться?... Почему? И в чем извиняться?... Было то главное, на чем сосредоточилось кадетское волнение. Почему, наши должны были знать, что это Августейшие кадеты, которых мы еще никогда не видели? Почему они ходят не по форме одетыми? И почему должен извиняться кадет 1-й роты (!!), если он правильно указал младшему, что башлык одет не по форме? А если бы это был «рядовой» кадет и нарвался бы на строгого офицера, то было бы еще хуже?... А тут, старший кадет мог спасти «молодого» от неприятности... Словом, кадетская масса рассудила все по своему, и с нетерпением (а я и с волнением), ожидала возвращения директора от Великого Князя...

Ждали... волновались, и... дождались...

К нашему удивлению и радостному недоумению, Великий Князь Константин Константинович решил все дело по... кадетски. Он сказал директору, что не видит никакого нарушения этикета в том, что старший кадет сделал (слава Богу, вежливо), замечание младшему и тем спас его от других неприятных встреч и осложнений. Что он, конечно, не видит никакого основания подвергать старшего взысканию, и считает извинение — излишним. Я думаю, что, об извинении директор может быть, и не заговаривал, увидя, как смотрит Великий Князь на происшедшее.

Итак, все кончилось благополучно, а авторитет Великого Князя, в нашей кадетской среде, стал еще выше, если это было возможно... Великий Князь нас понял и решил по нашему!

«Военная Быль», 23, 1951 г.

БЕЛЫЕ МЫСЛИ

Белыми мы должны остаться до конца, когда бы он не наступил и каким бы он ни был.

◉

Мы, белые, романтики и притом последние.

◉

Когда уходили белые — население подсчитывало, что у него взяли и... негодовало. Когда уходили красные — население подсчитывало, что у него осталось и... старалось быть довольным.

◉

Старая эмиграция должна была использовать свою способность к организации и свое знание обстановки, чтобы помочь эмиграции новой. Этим она выполняла быть может свой последний долг перед Россией.

◉

Нам не надо прощения! Мы ни в чем не виноваты перед Россией, кроме того, что Ей и только Ей одной мы отдали себя.

◉

Одиноки мы, несмотря на ту или иную меру гостеприимства, которое оказали нам приютившие нас страны. В лучшем случае нас не понимают.

◉

Мы должны в случае необходимости, возможно дороже продать свою жизнь и никому не отдать свою честь, раз уж и то, и другое оказалось ненужным России, которой мы, конечно, охотно пожертвовали бы и жизнью, и честью.

◉

Мы должны продолжать борьбу против коммунизма, не защищая ничьих решительно интересов, только во имя нашей белой веры и верности.

К сожалению я не из железа, но к счастью не из дерева.

●

Каждый из нас сейчас уже накануне своего некролога... если найдется тот, кто его напишет.

◉

То, что каждый человек "не знает, ни дня, ни часа своего конца" — есть милость Божия. Не изменяется ли это для эмигрантов, для которых знание своего конца было бы руководством для всего остающегося срока их пребывания на земле.

◉

Отбоя не было... борьба п р о д о л ж а е т с я.

◉

Наибольшим мерилом моего воспитания я считаю то, что в момент, когда в тюрьме у немцев, после прогулки по коридору, наблюдающий закрывал за мною двери камеры на замок — я говорил ему: "данке".

◉

Церковь учит нас прощать наших врагов, но не врагов нашей Родины, врагов России.

◉

Козьма Прутков, воображаемый, но один из самых умных русских людей, говорит: "Чувствительный человек подобен сосульке — пригрей его, он и растает".

Вот и мы белые... охотно таем.

◉

Говорят, что генерал Врангель был честолюбив — это верно потому, что он больше всего любил ч е с т ь.

◉

И Керенскому, и мне в 1917 году было немного более тридцати лет. Оба мы имели высшее образование: он — юридическое, я — военное. Я никогда бы не принял поста министра юстиции — он шел не только на пост военного и морского министра, но и на пост верховного главнокомандующего во время величайшей из войн.

Масштаб русской эмиграции:

"Я знал его очень давно — еще по Петербургу..."

"Я знал его давно, еще в России, в Екатеринодаре, или в Крыму, в 1920 году".

"В сущности говоря я совсем недавно с ним познакомился — это было в Константинополе после эвакуации армии генерала Врангеля"....

●

Надо ухитриться умереть во-время.

●

Совсем не страшно умереть, страшно умирать.

●

Я хочу напомнить о том участнике Белой Борьбы,

кто свою верность и свои силы отдал Национальной России сорок лет тому назад...

кто свою семью и своих близких бросил на произвол беспощадной революции...

кто жизнь свою положил в основу создания Белого фронта...

кто своею кровью спаял Белые ряды...

кто после трех лет окопов Великой войны пошел добровольно на три года в окопы войны Гражданской...

кто остался верным России и теперь, через сорок лет...

кто остался единственным залогом того, что борьба не кончена...

кто работал против большевиков штыком и теперь продолжает работу идеями...

Я думаю о русском добровольце!
О Русском Офицере!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указатель имен не внесены имена кавалеров Ордена Святителя Николая Чудотворца, помещенные в двух списках кавалеров на стр. 135-139 и на стр. 143-150.

РАБОТЫ АВТОРА СБОРНИКА

I.

Белое Дело. Летопись Белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные Бароном П. Н. Врангелем, Герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и Светлейшим Князем А. П. Ливеном — под редакцией А. А. фон-Лампе.

КНИГА I. От редакціи. А. Фон-Лампе. — Белая Идея. (Вместо предисловия). И. А. Ильин. **Север России:** Год на Севере. (Часть I — 1918 год). В. В. Марушевский. **Южный фронт:** Март 1920 года. П. Н. Врангель. — Документы: Письмо генерала Алексеева к генералу Дидерихсу. **Восточный фронт:** Симбирская операция. А. П. Степанов. — Первое поручение адмирала Колчака. М. А. Иностранцев. **Западная окраина:** Начало Северо-западной армии. К. К. Смирнов. **Фронт внутренней борьбы:** Контрабандисты. (Отрывки из впечатлений). В. В. Шульгин. **Приложение:** Сравнительная хронологическая таблица борьбы на белых фронтах.

КНИГА II. Быховский альбом. С. Р. **Север России:** Год на Севере. (Часть II — 1919 год). В. В. Марушевский. **Южный фронт:** Кубанцы (1917 — 1918 г. г.). А. П. Филимонов. — Убийство генерала Романовского. В. П. Агапеев. **Восточный фронт:** Уральское казачье войско в борьбе с большевиками. И. Г. Акулинин. — Документы: Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске. **Западная окраина:** Даниловы. Л. Ф. Зуров. — Документы: Справка о балтийском ландесвере. Сообщение офицера Сев.-Зап. армии о боях под Петроградом. **Фронт внутренней борьбы:** На службе у большевиков. Е. М. Гауг.

КНИГА III. Север России: Образование Северной области. С. Н. Городецкий. — Год на Севере. (Часть III — окончание). В. В. Марушевский. — Документы: Речь генерала Айронсайда 12 ноября 1918 года. Беседа с посланником Линдлеем. **Южный фронт:** Смешное в страшном. А. П. Брагин. — С Корниловым. С. М. Пауль. — Бредовский поход. Б. А. Штейфон. — Документы: Румыны — рапорт офицера, командированного 23 февраля 1920 года из Константинополя в Бугаз. **Восточный фронт:** Два восстания. А. Я. Гутман (Анатолий Ган). — Письмо в редакцию об обстоятельствах, сопровождавших выдачу адмирала Колчака. **Западная окраина:** В Южной Прибалтике (1919 г.). Светл. кн. А. П. Ливен. — Перед занятіем Риги. Д. Н. Потоцкий. **Фронт внутренней борьбы:** Взрыв порохового погреба. Г. Н. Де-Тиллот. — В пасти Че-Ка. Атаман Дергач.

КНИГА IV. Север России: Борьба за Россию на Севере. Е. К. Миллер. — Два переворота на Севере. Г. Е. Чаплин. — Документы: Объявления Верховного управления Северной области. **Южный фронт:** В дни Каледина. Н. Белогорский. — На Дону. Д. Н. Потоцкий. — Воспоминания добровольца. Е. Емельянов. — Документы: Памятная записка о Крымской эвакуации. **Восточный фронт:** Последняя Россия. Н. А. Андрушкевич. **Западная окраина:** Крестоносцы. И. С. Коноплин-Горный. — Корпус генерала Довбор-Мусницкого. В. П. Агапеев. **Фронт внутренней борьбы:** Заговоры в Петрограде. Н. Д. Нелидов. — Документы: Переход Семеновского полка. **Приложение:** Указатель книг и статей, напечатан-

ных на белой стороне, в которых имеется материал по истории Белой Борьбы.

КНИГА V. От редакции. А. фон-Лампе. Южный фронт. Записки генерала П. Н. Врангеля (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). Часть первая: глава I. — Смута и развал армии; глава II. — Освобождение Северного Кавказа; глава III. — На Москву; глава IV. — Крамола на Кубани; глава V. — Развал.

КНИГА VI. Южный фронт: Записки ген. Врангеля (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) Часть вторая: Последняя пядь родной земли. Глава I. Смена власти; глава II — Первые дни; глава III. — Приказ о земле и волостном земстве; глава IV. — Перед наступлением; глава V. — Вперед; глава VI. — В Северной Таврии; глава VII. — На Кубань; глава VIII. — Все на Врангеля! глава IX. — За Днепром; глава X. — Последняя ставка. **Приложение:** Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о земле.

КНИГА VII. От редакции. А. фон-Лампе. **Южный фронт:** Записки добровольца (1919 — 1920). Леонтий Мечов (псевдоним). Глава I. — У красных; глава II. — Освобождение: глава III. — В Белой армии; глава IV. — Катастрофа; глава V. — В Крыму; глава VI. — Боевые действия; глава VII. — Великий исход. Приложения.

II.

Главнокомандующий Русской армией генерал Барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апреля 1938 г. Сборник статей под редакцией А. А. фон-Лампе. Издание разошлось полностью.

Генерал П. Н. Врангель — А. фон-Лампе. В передовом отряде генерала Ренненкампфа. Манчжурские письма. В тылу японцев во время боя при Шахэ — барон Петр Врангель. Каушенский бой — Б. Гартман. Константинополь — Я. Репнинский. Югославия — В. Даватц. Русский Обще-Воинский Союз — П. Шатилов. Над могилой Вождя — И. А. Ильин. Военная деятельность П. Н. Врангеля — Б. Штейфон. Наш Вождь — В. Варнек. Лампада душ — князь Ф. Касаткин-Ростовский. Род Врангелей — барон М. Врангель. Послужной список главнокомндующего Русской армией генерал-лейтенанта барона Врангеля. Список изданий, посвященных ген. барону П. Н. Врангелю.

III.

Отдельные выпуски:

Причины неудачи вооруженного выступления Белых — А. А. фон-Лампе. Берлин, 1929 г. Издание разошлось полностью.

Орден Святителя Николая Чудотворца. — А. А. фон-Лампе. Ревель. 1936, 1937 г. Издание разошлось полностью.

Imprimerie de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris